

YOURBOOKS

Джиа Райли

Джиа Райли — это не просто
книжка про любовь.
Почему так важно, и
как это понять?

Раскачайте любовь

Истон Бэк известен, как парень, который сбежал. Парень, который скрыл свою группу подальше от глаз общественности, чтобы оправиться от потери, которая разрушила его мир и сердце. Ларк Уильямс официально зареклась от всех мужчин. Несмотря на то, что ее мир разрушился шесть недель назад, она согласилась участвовать в Круизе Идеальных пар. В конце концов, кто бы отказался от отпуска на Карибах. Но, как и любовь, Идеальная пара непредсказуема. Два сердца находятся на пути к столкновению, и если они попытаются, то смогут стать единым целым. Один музыкант с разбитым сердцем. Одна прекрасная женщина, которая перестала верить в любовь. Одна неделя в раю. Существует только одно правило на корабле — никаких правил. Добро пожаловать на борт. Приготовьтесь к рок-н-роллу.

Автор: Джиа Райли

Книга: Раскачай лодку

Серия: Полночная Судьба #1 (про разных героев)

Главы: 26 + Эпилог

Рейтинг: 18+

Перевод: Викуля (с 1-25), Catherine (с 26)

Редакторы: Катюшка и Анастасия

Вычитка: Александра Sunshine

Обложка: Виктория Рожкова

Глава 1

Ларк

Вопрос 1.

Какие слова лучше всего описывают качества, которые Вы ищете в партнере?

A. Чувство юмора

B. Азарт

C. Верность

D. Доверие

E. Страстность

F. Другое

— «Другое» может означать, что он может держать свои штаны надетыми? — спросила я Ноэлль, поскольку она тщательно отвечает на каждый пункт этого нелепого опроса. Он пришел по почте вместе с нашими круизными документами.

Она поднимает голову, закатывая глаза на мои сомнения окунуться с головой в возможность встречи с моей идеальной половинкой. Она тот тип людей, который усердно склоняется в двух дюймах от листа бумаги, высывая язык, пытаюсь сконцентрироваться. Я не знаю, как у нее еще нет косоглазия. Тем не менее, она отвечает мне честно, как будто на самом деле восприняла мой вопрос серьезно. С другой стороны, почему бы нет? Она твердо верит в волшебство родственных душ и готова найти пару для нас обоих на этой же неделе:

— Для этого ты должна выбрать C или D.

— Я думаю, что все-таки выберу «Другое».

— Почему ты не можешь просто повеселиться, Ларк? Ты только начала отвечать на вопросы и сдалась на первом же. Расслабься немного. И твои результаты будут лучше.

Чувствую боль в ее голосе, когда она мне отвечает. Ейничего больше так не хочет, как вернуть обратно свою лучшую подругу — ту самую беззаботную, которая привыкла получать удовольствие от небольших приключений. Но уже в течение двух месяцев я не такая.

Прежняя я была блаженно счастлива и ослеплена любовью. А потом я получила пощечину, осознав то, какой слепой дурой была.

— Почему мы не можем воспользоваться сайтом знакомств вместо того, чтобы тащиться на сомнительный круиз для одиночек? Если я не могу найти парня своей мечты на суше, что заставляет тебя думать, что будет какое-то отличие посреди Карибских островов?

С обреченным вздохом Ноэлль говорит:

— Я обещаю, это будет стоить нашего времени. Я когда-нибудь прежде тебя подводила?

— Нет.

Она всегда была как сестра мне, особенно после того, как мой мир разрушился.

— Тогда отвечай на вопросы. Ты еще поблагодаришь меня, когда все сработает так, как задумано.

Так и подмывает сказать, что она не способна предсказывать будущее. Независимо от того, как усердно она пытается разместить все части в ряд, чтобы они соединились идеально, нет никаких гарантий, когда речь идет о любви. Это вне нашего контроля. На самом деле, я должна смять этот тест и выбросить его в мусорный бак, где ему и место, пока мне снова не причинили боль. Я вложила все мои мысли, тело и душу в последние отношения, но вот я здесь, сижу в своей гостиной, настолько одинокая, насколько это возможно.

Ноэлль встает, собирает образцы красок и ковровых покрытий с кофейного столика и выбрасывает все в мусор. Она даже хватается за свадебный журнал, который я прятала в нижней части стопки.

— Прекрати мучить себя. Мечта, которая была у Вас с Грантом, закончилась, но это не значит, что ты не можешь создать новую с кем-то еще. Возможно, с уходом всех жалких напоминаний, у тебя появится реальный шанс.

— Я пыталась выбросить все это, но чувствовала вину.

— Только Грант тот, кто должен чувствовать себя виноватым, Ларк. Ты знаешь это так же, как и я, даже если это трудно признать. Теперь, меньше думай и больше пиши, — призывает она.

Таким образом, я делаю то, что любая здравомыслящая женщина на моем месте будет делать. Беру карандаш номер два и делаю первый шаг вперед в будущее — читаю вопрос номер два.

Вопрос 2.

Каким Вы видите свое идеальное первое свидание?

A. Ужин

B. Прогулка на пляже

C. Кино

D. Танцы

E. Прогулка в парке

F. Растение напитков

Г. Концерт

Н. Опера

1. Другое

— Люди на самом деле ходят в оперу на свидание? Я не думаю, что у нас даже есть оперный театр в городе или где-то еще в радиусе 100 миль. В итоге, это будет повинность, а не свидание.

Ноэлль кладет свой карандаш, закрывает глаза и делает глубокий вдох через нос и выдох через рот. Она совершенно разочарована. Даже не открывая глаза, она говорит:

— Ты обещала, что поедешь в круиз со мной. Ты говорила мне миллион раз, что пришло время найти кого-то, с кем захочется провести свою жизнь. Это тот способ, который я выбрала, чтобы осуществить задуманное, и я была бы тебе глубоко признательна, если бы ты могла применить свой собственный совет и закончить этот проклятый тест.

Я вздрогнула, потому что честно не пытаюсь все усложнить в этот раз. Это был обоснованный вопрос или мне так казалось...

— Мне очень жаль, но ты должна признать, что это нелепый вариант.

— Ты в любом случае не собираешься выбирать его, поэтому не важно, есть он там или нет.

— Это правда. Хорошо, выберу снова «Другое».

— С каких это пор тебе перестало нравиться кушать, смотреть фильмы или выпивать? Это все там есть.

Я уже проходила через все это с Грантом. Раз в неделю он приглашал меня в хороший ресторан, обычно в тот, который был дороже, чем он мог себе позволить. Если я намекала, что мы могли бы пойти в ресторан подешевле, Грант настаивал, что хочет только лучшего для своей девушки. Это заставляло меня чувствовать себя любимой.

Каждый раз, когда выходил новый фильм, который я хочу посмотреть, даже если это было кино «только для девочек», Грант покупал билеты. Когда я говорила, что он не должен заставлять себя страдать из-за просмотра фильма, который ему не нравится, он все равно делал это вместе со мной. Это заставляло меня чувствовать себя особенной.

Но нашей излюбленной была встреча после работы в небольшом пабе за углом дома, в котором я жила. Это дыра, где еда была не особо вкусной, полы, как правило, немного липкими, но пива было в изобилии, и он находился достаточно близко, чтобы мы могли пить столько, сколько хотели и после добраться до дома пешком. Это заставляло меня чувствовать себя свободной.

Я осознаю теперь, что он делал все те вещи не потому, что любил меня, а потому, что чувствовал себя виноватым.

— Все что я хочу — это неделя, чтобы расслабиться и позагорать. Вот почему я собираюсь в эту поездку. Я встречу, с кем бы они меня ни поставили в пару. Буду играть по всем правилам, но это не изменит того, как себя чувствую. Я отдала свое сердце — и оно было разорвано на миллионы кусочков. Последнее, чего мне хочется — это влюбиться в какого-то парня, у которого есть шанс повторить все снова.

Ноэлль плюхнулась на диван и стала размахивать рукой над своим лицом:

— Можешь, по крайней мере, согласишься на «трахнуть-их» и «вышвырнуть-их»?

Я смеюсь, потому что это было нашим девизом в колледже. Это тот же девиз, который имел обратный эффект для меня, оставив безнадежно влюбленной и навсегда изменившейся.

— Прошло всего два месяца. Я думаю, что мне позволено передохнуть еще немного

времени, прежде чем отважиться на отношения с новым парнем. Если вообще смогу решиться когда-нибудь. Он должен быть невероятно привлекательным, чтобы я просто рассмотрела возможность для новых отношений с ним. Но что касается путешествия, я готова вернуться к нашему девизу. Исключение, если он окажется мерзким. Если это будет так, то я вне игры.

Ноэлль, сидя на диване, придвигается ближе ко мне:

— Ты влюбилась однажды, и у тебя получится снова. Если тебе повезет, он будет на этом корабле ждать, когда ты поднимешься к нему. Если это окажется не так, по крайней мере, переспишь с кем-нибудь.

Я очень сомневаюсь в этом, но поднимаю свой бокал, держа его в воздухе для тоста:

— За то, чтобы трахнуть в раю!

Ноэлль тоже поднимает свой бокал с широкой улыбкой от уха до уха:

— За то, чтобы найти Мистера Совершенство или Мистера Родственную душу!

Насмеявшись, я беру свой тест и смотрю на него в новом свете:

— Расскажи мне поподробнее об этом.

— Все заполняют одинаковые тесты перед тем, как подняться на корабль. Они сгруппируют нас в пары с наиболее совместимой личностью, и мы сможем встретиться с ними в первый же вечер. Остальное зависит от нас.

— Что, если мы возненавидим свои пары?

— Такого не может произойти. Основываясь на твоих ответах, это будет тот, кто соответствует твоим желаниям. Тот, кому нравится то же, что и тебе. Вот почему, ты должна выбрать актуальные ответы, вместо каких попало.

В том, что она говорит, действительно есть смысл. Если я не отнесусь к этому серьезно, то могу оказаться в паре с тем, с кем даже стоять рядом не смогу.

— Может быть ты права...

— Я обычно всегда права. Возможно, понимание этого займёт у тебя чуть больше времени, но в итоге ты признаешь. Я отказываюсь сдаваться в отношении тебя, Ларк. Я действительно думаю, что этот тест является началом нашего «и жили они долго и счастливо».

Это было бы хорошо, потому что мое прежнее «и жили они долго и счастливо», на строительство которого я потратила годы, исчезло. Грант был слишком занят воплощением своих диких фантазий, ни одна из которых не включала меня. Хотя я считала, что мы еще не готовы были жить вместе, когда он говорил, что хочет видеть меня засыпающей в его объятиях каждую ночь вместо того, чтобы метаться между нашими квартирами, у меня не было аргументов. Я хотела этого тоже. Но за ночь до того, как он должен был ко мне переехать, все рухнуло.

Эта ночь стала циничным, разбивающим сердце хаосом.

Зная о том, что Грант проводит вечер пятницы, собирая вещи, вместо того, чтобы закидываться парой кружек пива со своими друзьями, чем он и занимался в большинство пятничных вечеров, я поспешила к нему после работы, чтобы сделать сюрприз и принести его любимой еды на вынос. Предполагалось, что меня не будет дома из-за рабочей конференции до утра, но я сбежала и уехала к нему на ближайшем поезде. Я чувствовала себя виноватой, распивая шампанское в том время, как он погряз в коробках.

Мой сюрприз оказалось еще проще осуществить, так как я обнаружила, что входная дверь не заперта. Я прокралась в его квартиру, поставив сумку с едой на кухонной стойке.

Его кухонный стол уже был завален пустыми контейнерами от китайской еды на вынос. Это было странно, учитывая то, что ему даже не нравится китайская еда.

Это все стало еще более странным, когда я услышала музыку, грохочущую в его спальне, хотя он уже, вроде бы, все упаковал в своей комнате. Он уже перевез свою кровать в спальню моей квартиры. Я помогала упаковывать его одежду и отдала часть его рубашек в химчистку, прежде чем уехала. Но, без сомнения, он находился в своей пустой комнате, в то время как стук басов каждый раз бил в живот ритмом.

Медленно толкая дверь так, чтобы не напугать его, я осознаю, что бас это не единственное, что стучит. Я в шоке стою посреди коридора, наблюдая за тем, как парень, которого я люблю, долбит в какую-то девушку, а ее пятидюймовые каблуки, обернутые вокруг его талии, впиваются ему в кожу. Я закрываю рот руками, наблюдая за сценой передо мной, в которую не могу поверить. Мой парень трахает кого-то напротив стены.

Как будто она может слышать мои мысли, ее глаза медленно открываются, осознавая, что они больше не одни. Часть меня хочет бежать подальше до того, как Грант меня увидит, но мое тело не слушается, и я не могу сдвинуться с места, где стою, хоть на дюйм.

— Ты пригласил кого-то, чтобы присоединиться к нам сегодня вечером, Грант? — практически стонет она между толчками, — мы только недавно играли с тобой.

— Не сегодня. Я не хочу делиться тобой. Иногда, мне нужно все твое внимание, — он не останавливается даже тогда, когда отвечает на ее вопрос, его ответ заставляет меня чувствовать себя еще хуже, учитывая то, что он по-прежнему сосредоточен на их соединенных телах.

Это не разовый перепах для них. Мой мозг начинает вспоминать все то время, когда мы были вместе, ни разу у нас с ним не было такого. Как я могла быть влюблена в человека, скрывающего такие чудовищные секреты? Это пугает меня даже больше, что то, как умело он скрывал все от меня.

— Тогда кто она? — говорит эта особа, указывая головой в мою сторону.

Грант смотрит через плечо, и как только видит меня, выходит из нее, позволяя упасть в ворох одежды на полу. Я поворачиваюсь, чтобы убежать, но он хватается за руку до того, как я только подумала о том, чтобы сделать движение ногами:

— Ларк, подожди. Это не то, чем кажется.

— Что же это тогда?

Меня начинает трясти, когда адреналин заполняет тело. Нет боли. Нет печали или страха — нет даже ярости. Я полностью онемела. Такое происходит только в фильмах. Это не случается с нормальными людьми, такими, как я.

— Я облажался. Прости меня.

— Дай угадаю, я бы сказала, что ты сожалеешь только о том, что тебя поймали.

Он дотягивается до моей руки, обводя пальцем кольцо, которое подарил мне на нашу первую годовщину. Он поклялся, что следующее кольцо, которое он наденет мне на палец, будет в честь помолвки. Я верила ему.

— Ларк, это не я. Ты знаешь меня. Ты знаешь, что я люблю тебя.

Я качаю своей головой, потому что парень, который стоит передо мной, не тот, с кем я планировала провести остаток своей жизни. Он не мой бойфренд из колледжа и он не будет моим мужем никогда. Он в нескольких шагах от того, чтобы стать моим прошлым.

Прежде, чем я могу сказать, что между нами все кончено, что его уже ничто не спасет, девушка поднимается с пола, полностью обнаженная. Большинство нашло бы, чем прикрыть

себя, но не она. Она встает сзади него, обхватив руками за талию и впиваясь своими красными ногтями в его грудь. Все что я могу делать, это стоять и смотреть в полном шоке.

— Это та, с кем ты, когда не со мной?

Он опускает голову, но не пытается убрать ее руки со своего тела. Он позволяет ей трогать себя, и я понимаю, что, возможно, он хотел быть с каждой из нас. Даже несмотря на то, что он позволил упасть ей на пол, когда увидел меня, вероятно, она дает ему то, что я была не в состоянии ему дать. Она удовлетворяет ту его часть, которую я никогда не смогу понять.

— Грант, малыш. Если она не хочет поиграть, скажи ей, чтобы ушла, — скулит она, соскальзывая вокруг его тела на колени перед ним.

Он наблюдает за ней, и я вижу промелькнувшую вспышку в его глазах, когда она смотрит на него и ждет. У них есть связь. Такая связь, которая может означать для него больше, чем то, что есть у нас с ним — и это разбивает мне сердце снова и снова.

— Собери все свое дерьмо в моем доме завтра или я все выброшу.

— Ларк, пожалуйста, позволь мне объяснить.

— Нет. Забери свои вещи из моей квартиры. Я больше никогда не хочу видеть тебя.

Я бегу к входной двери. Он гонится за мной, только у него нет возможности даже добежать до лифта, потому что он по-прежнему полностью голый.

— Я люблю тебя, Ларк. Не делай этого.

— Ты уже сам все сделал. На самом деле, ты продолжал делать с тех пор, как я попала сюда.

Двери лифта закрылись как раз тогда, когда первая слеза скатилась с моей щеки. Первый признак того, что онемение проходит. Печаль медленно заползает в душу, занимая свое место, по мере того, как реальность, словно шторм, рушит все вокруг меня.

С нами покончено.

Грант жил двумя жизнями — одну он делил со мной, а более темной предавался, когда меня не было рядом. И сейчас у меня не осталось ничего от наших отношений, что могло бы показать, сколько мы в них вложили. Мне двадцать семь лет и я все еще в поисках своего единственного.

— Ты снова думаешь о Гранте, не так ли? — спрашивает Ноэлль, ставя передо мной еще один бокал одной из своих знаменитых Маргарит. Они всегда получается у нее крепкими из-за количества текилы в составе.

— Да.

Она всегда могла прочесть меня лучше, чем кто-либо другой, так что я не пытаюсь это отрицать. Часть тебя смиряется с тем, что ты потерял. Правду бывает легче принять, когда пройдет немного времени, но это не значит, что становится легче отпустить. Где-то в душе я всегда буду хранить частицу Гранта.

Я до сих пор чувствую боль внутри.

Я все еще скучаю по Гранту.

Я все еще скучаю по любви.

— Давай, Ларк. Ты можешь это сделать. Плохое притягивает плохое...ты встретишь кого-нибудь, с кем у тебя будет горячий секс, ты зарядишь свои батарейки и немного развлечешься. Разве это звучит плохо?

— Ну, нет, но я никогда не была сильна в случайном сексе. Как тот, кого мы оба знаем. Я должна что-то ощущать или в чем смысл?

— Не привноси Гранта в это. Он не заслуживает того, чтобы занимать даже секунду твоего времени. То, что он делал, было неправильным по многим причинам, но теперь ты знаешь, что он не твой единственный. Да, это чертовски больно, но зато ты теперь свободна, чтобы найти того, кто будет верным тебе. Того, кто не будет развлекаться за твоей спиной.

— Вот это как раз и нельзя никак узнать. Независимо от того, как хорош это человек будет для меня, в глубине души у меня всегда будут сомнения, это все в моей голове. Я всегда буду ожидать, что меня обманут и причинят боль.

Ноэлль высасывает большую часть своей Маргариты через трубочку, прежде чем, хихикая, сообщить:

— Или это может быть умопомрачительным, изменяющим жизнь опыт. У меня есть догадка, но ты ее поймешь, когда встретишь того, с кем тебе суждено быть. Вселенная сама сделает все это для тебя.

— Может быть, но я думаю, что ты смотришь слишком много сентиментальных фильмов.

— Все, что тебе на самом деле надо сделать — это поверить. Ты можешь это сделать?

Я пожимаю плечами, если честно, я не уверена, что это возможно. Хотя, ради нее, я готова попробовать.

— Я сделаю все, что угодно, для тебя, Ноэлль. Ты знаешь это.

— Хорошо. Теперь сделай что-то для себя. Закончи тест.

Глава 2

Ларк

Две недели спустя...

Первый день Круиза.

— Проснись и пой, цветочек, — кричит Ноэлль, немного громче, чем это необходимо, открывая шторы и позволяя солнечным лучам осветить мою спальню.

Еле открывая глаза, я стону:

— Почему ты такая, черт возьми, жизнерадостная?

— Потому что мы едем в отпуск!

Она прыгает на моей постели, и я подсакиваю вместе с ней из стороны в сторону. Мой живот скручивает и алкоголь, который мы приняли только несколько часов назад, угрожает новому появлению. Мы выпили слишком много вчера.

— Меня сейчас стошнит, если ты не прекратишь.

Наконец, она садится рядом со мной, скрестив ноги и положив локти на них:

— Ты в порядке? Я тебя уверяю, когда он ушел вчера, он не был сердитым. До него, наконец, дошло, что все кончено.

Грант каким-то образом узнал о Круизе и появился у моей двери около часа ночи. Я не обращала внимания на свой телефон, но когда, наконец, проверила его, то увидела десять пропущенных сообщений от Гранта, отправленных ранее в этот день. Часть меня была рада, что я не увидела их раньше, потому что это испортило бы мне весь вечер.

— Что он сказал, когда ты открыла дверь? — спрашиваю я у Ноэлль.

— Он назвал меня змеей — знал, что я не позволю ему увидеться с тобой. Я должна была раньше понять, что он из себя представляет. Обычно я хорошо разбираюсь в людях.

Я раздумываю над тем, что она сказала. Грант, который пришел, не имел ничего общего с человеком, которого я знала в течение нескольких лет. Вот, что для меня тяжело — я любила его, потому что он не был способен относиться ко мне плохо. Он бы сделал все от

него зависящее, чтобы я была счастлива, и все это оказалось ложью.

— Не позволяй ему разрушить твой отпуск. И не начинай опять сомневаться в этой поездке. Он больше не твой суженый, Ларк. Я знаю, что это тяжело слышать, но ты не можешь вернуть все назад. То, что он сделал, непростительно.

— Я скучаю по нему, или, может быть, я скучаю по тому, что, как я думала, у нас было, но он больше не мой. Со мной все в порядке.

— Ты лжешь, но я позволю тебе остаться при своих мыслях, потому что у нас есть, за что зацепиться дальше, чтобы все исправить.

— Я не лгу. Это другое, все это. Я никогда не представляла, насколько зависела от него, пока он не ушел.

Был ли это обмен смс с ним в течение дня или звонки, просто чтобы услышать его голос, теперь образовалась пустота, от которой я не знаю, как мне оправиться. Я уже не люблю того мужчину, которым он стал, но мне не хватает привычного общения, которое у нас с ним было. Я скучаю по лучшему другу.

Ноэлль не позволяет мне долго валяться. Она дотягивается до моих рук и тянет в сидячее положение.

— Ты заслуживаешь лучшего, и я хочу убедиться, что ты найдешь это. Я сделаю тебе чего-нибудь выпить, когда будешь готова.

— Никакого алкоголя, пожалуйста.

Каждый удар пульса в моих висках напоминает мне о том, как мало я спала прошлой ночью. Мы всё сделали правильно, заставив Гранта уйти без выслушивания того, что он сказал бы, но с наступлением тишины и темноты ночи, я засомневалась в своем решении. Возможно, мне надо было дать ему пять минут и выслушать, чтобы расставить все точки на «і».

— Ларк!

— Боже мой, да встаю я. Прекрати кричать.

Как только мои ноги оказываются на полу, я хватаю свою одежду, находящуюся за дверью спальни, взглянув на пустой чемодан внутри шкафа. Она накричит на меня еще больше, если обнаружит, что я еще не собрала вещи. У меня было намерение сделать это вчера вечером, но за одним напитком последовал другой. Прежде чем я осознала, мы оказались глубоко расслабленными, валяясь на диване, как будто это и было нашим занятием.

Ноэлль возвращается ко мне в комнату и приносит апельсиновый сок.

— Если бы мы не имели дело с дерьмом Гранта вчера, я бы тебе устроила разнос.

— По поводу чего?

— Не думай, что я не заметила, что ты одна из самых медлительных личностей в мире. Я упаковала все свои вещи в течение недели. У тебя есть что-нибудь в том чемодане?

— Сумочка и пара туфель.

Если быть честной, неделю назад я собиралась забить на круиз. Я представила, что она будет меня ненавидеть за это некоторое время, но, вернувшись домой и безумно влюбившись во время путешествия, она забудет о том, почему была зла на меня до этого. Но у меня не было бы сердца, если бы я отступила, особенно после того, что она сделала для меня вчера вечером. Во всяком случае, я ей обязана.

Она встает перед моим шкафом, перебирая мои вещи, пока не наткнется на пару блузок на вешалках.

— Может быть, это даже хорошо. Я смогу убедиться, что ты сложила все свои сексуальные наряды. Я сделаю все сама к тому времени, когда ты выйдешь из душа и высушишь волосы.

Я даже не собираюсь с ней спорить, или тратить время, пытаюсь засунуть несколько дополнительных пар штанов для йоги в свою сумку. В любом случае, она вытащит их обратно.

— Только ничего развратного, хорошо?

— Я не могу давать никаких обещаний, — говорит она, с руками, ногами и головой находясь внутри шкафа. Мы с Ноэлль не делили комнату со времен колледжа. Сказать, что следующая неделя будет сложной задачей — это явно преуменьшение века. Она — жаворонок, а я нет. Я бы предпочла спать до полудня каждый день.

Но после душа я чувствую себя немного больше самой собой. Я даже начинаю ощущать бабочек в животе, думая о возможности встретить кого-то уже сегодня вечером. Я может быть в нескольких часах от лучшего, что случилось со мной в жизни, или худшего... Надеюсь, что самое худшее случилось со мной прошлым вечером и теперь ушло из моей жизни навсегда. Как говорит Ноэлль, я заслуживаю лучшего.

Я хочу больше, чем воспоминания. Я хочу вечность.

Однако, неважно, насколько лучше я чувствую себя на свежем воздухе, тридцатиминутная поездка от моей квартиры в Делавэре до аэропорта в Филадельфии заставит меня вновь почувствовать тошноту. Чем меньше, я буду думать о подступающей тошноте, тем больше смогу сделать.

— Напомни мне еще раз, почему мы так много пили?

— Потому что готовились к поездке.

Я натягиваю свои солнечные очки на глаза и откидываю голову на подголовник пассажирского сидения машины Ноэлль. У меня такое чувство, что я не смогу доехать до аэропорта, даже если попытаюсь.

— Я думаю, ты подготовилась лучше меня.

Она смеется над моим монотонным голосом:

— Тебе лучше привыкнуть к распитию спиртных напитков каждый вечер. Потому что мы собираемся делать это много раз. Ты просто потеряла чувство меры.

Учитывая, что я с трудом могу вспомнить девушку, какой я было до того, как встретила Гранта, не думаю, что смогу вернуть ее обратно, даже если бы попыталась. Я даже не могу представить, кем теперь являюсь. Может быть, в этом и есть проблема — я потеряла себя с тех пор, как стала его. Я больше беспокоилась о том, что делает его счастливым, чем о своих нуждах. Со временем, наши отношения стали комфортными, но комфорт, который я так любила, в итоге сломал нас. Как только я узнала правду, мы стали слишком далекими, чтобы вернуть все то, что я так лелеяла.

— Я думаю, что ты на самом деле права. Я потеряла свою меру.

Она косится на меня в то время, как мы едем по I-95.

— Не беспокойся, вот для чего это поездка нужна. Обновленная и улучшенная Ларк вернется в Делавэр через неделю. Запомни мои слова, это действительно так и будет.

Мне нравится идея возвращения домой менее напряженной, менее эмоциональной и немного более человеческой. На этот раз я собираюсь доверить свою судьбу Ноэлль. Чтобы она ни задумала в своей голове, что поможет вернуть меня обратно к жизни, я сделаю это. Нет сомнений, что это будет огромный скачок за пределы моей зоны комфорта, но я больше

не буду сидеть и плакать из-за обстоятельств, которые не могу изменить. Живя тем, что потеряно, я не смогу стать счастливее.

В течение следующих семи дней я собираюсь рискнуть. Я намерена быть тем, кем, черт возьми, хочу быть. И не потому, что никто на корабле не знает моей истории. На этот раз, я могу быть, кем хочу.

Это мой новый старт.

Четыре часа спустя мы становимся на один шаг ближе к новому начинанию. Как только мы садимся на огромный корабль во Флориде, я осознаю, насколько он гигантский на самом деле. Раньше я плавала на каноэ, лодке и даже пиратском корабле в гавани Балтимора. Ни один из них не был даже близко по размерам похож на эту массу стали под моими ногами.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Ноэлль в то время, как я осматриваю наше новое пространство.

— Думаю, ты знаешь, как спланировать отпуск. Это просто невероятно. Это как плавающий город. Ты когда-нибудь видела такое? — спрашиваю я ее, когда смотрю на карту в моих руках. — Я на самом деле могла бы здесь заблудиться.

Учитывая, что я выросла в маленьком городке с населением всего пять тысяч человек, этот корабль легко затмит его. В моем родном городе даже нет Старбакса, а здесь — три кофейни на выбор.

Ноэлль ведет меня по набережной — пешеходной зоной под открытым небом, с выстроенными в ряд магазинами и местами, где можно выпить и перекусить, прежде чем мы нашли лифты, ведущие на нашу палубу. Ковровое покрытие становится ярче, а декор более эклектичным. Это определенно то место, где можно заново обрести себя. Мы оказываемся погруженными в энергию круизной жизни, в то время как ее суэта и шум охватывают нас.

После того, как мы оказываемся в средней части корабля, Ноэлль дважды проверяет номера на двери, прежде чем войти внутрь нашей каюты. Она меньше, чем любая комната в отеле, где я была когда-либо раньше, но довольно удобная...пока я не вижу спальную зону:

— Почему у нас одна большая кровать вместо двух?

— Ну, было либо это, либо две одноместные с тумбочками посередине. — Она указывает на маленький ночной столик с правой стороны кровати. — Я решила, что так у нас будет больше места.

— И у меня будут все ноги в синяках.

Она толкает меня в бок, качая головой:

— Я мечтала о том, чтобы делить постель с тобой. Не понимаю, о чем ты говоришь.

Я только могу надеяться, что она будет проводить больше времени со своей парой, чем в нашей комнате.

— Что мы должны сделать в первую очередь? — спрашивает Ноэлль.

Я поставила свою сумочку на край кровати и прибавила громкости на экране телевизора. Передавалась информация, на которую мы должны были обратить внимание, но все, на чем я могла сосредоточиться — это два конверта с нашими именами, лежащие на туалетном столике.

— Вероятно, мы должны сначала их открыть.

Я беру оба, держа конверт Ноэлль в руке, прежде чем открыть свой.

Глаза подруги расширяются, когда она забирает свой конверт из моих рук.

— Не представляла, что это произойдет так быстро. Я думала, что нам придется подождать немного, прежде чем они дадут нам информацию о наших парнях.

Она скользит пальцем под клапаном конверта и вытаскивает письмо. Я следую примеру, осознавая, что ожидание закончено. В моих руках — имя моей идеальной пары. Внезапно, я загораюсь желанием узнать, как он выглядит и соответствует ли его сексуальное имя его личности. Насколько я понимаю, он может также сидеть в своей комнате с моим именем в руках, задаваясь теми же вопросами.

— Его зовут Линкольн Хаенс III, — практически кричит Ноэлль.

Я улыбаюсь над ее взволнованностью. Она ждет встречи с кем-то новым уже долгое время. Если кто-то и заслуживает найти свою любовь, так это она.

— Это звучит очень официально. Мне нравится.

Она плюхается на кровать, прижимая письмо к груди:

— Он всего лишь в двух этажах от нас, Ларк. Ты можешь в это поверить? Он может стать моим мужем до конца жизни и у нас будет эта безумная история, чтобы рассказывать, как мы встретились посередине океана.

— Это была бы действительно великолепная история.

Но это также означает, что у меня может быть тоже самое. Моя пара также может находиться где-то здесь, на этом корабле, только я не уверена, что уже готова к встрече с ним. Я не была на свидании очень давно и не уверена, что помню, как это делать. Прошли годы с тех пор, как я чувствовала страх первого свидания.

— Ты разве не собираешься открыть свой конверт?

Ноэлль наблюдает, как я смотрю на письмо, предчувствие начинает медленно поглощать меня.

— Не могу поверить, что делаю это.

Когда я открою это письмо, там окажется имя парня, которое не является именем Гранта. Меня только сейчас осеняет, что это больше, чем просто отпуск.

— Может, ты откроешь его для меня?

Она качает головой:

— Нет, тебе нужно сделать это самой. Это часть нашего плана по движению вперед, Ларк. Это также часть твоей истории. Ты же не хочешь, чтобы она началась с того, что у тебя не было мужества открыть письмо самой. Ты можешь сделать это. Я тебя уверяю.

— Ты можешь все так упростить.

— Это и не должно быть простым. Настоящая любовь найдет путь, неважно готова ты или нет. Пусть это будет потрясением, открывай письмо.

Трясущимися руками я делаю то, что мне сказали. Каждый дюйм конверта рыдает, когда я оказываюсь на шаг ближе к тому, чтобы выяснить, кто меня ждет. К тому времени, как я вытаскиваю лист, я едва могу сглотнуть. Я по-прежнему скептически к этому отношусь, пытаюсь все переносить стойко, но мое сердце начинает биться чаще, чем это было в течение долгого времени. Я пробегаю глазами по листу, прежде чем прошептать:

— Его зовут Исток Бэк.

— Срань Господня!

— Что? — спрашиваю я ее, в то время как она выхватывает мое письмо из рук.

— Ларк, это может быть Исток Бэк. Солист группы «Полночная судьба»! Никто не видел группу уже вечность. Что, если он находится на корабле?

— Не может быть, чтобы это был тот же парень. Почему бы ему искать женщину на этом корабле? Я думаю, у него обычно их по трое одновременно.

Размахивая письмом в воздухе, она говорит:

— Этот парень прямо сейчас на корабле, твой единственный из около шести тысяч человек. Неважно, тот же это Исток Бэк или нет, ты не должна шутить или говорить плохо о нем, пока не увидишь. А сейчас, давай наслаждаться мыслью о том, что у Бога рока есть все качества, которые ты ищешь, и его внешний вид соответствует этому.

Это действительно добавляет волнения ко всему прочему, когда она так говорит, но я была близка только с одним мужчиной в своей жизни. Грант был моим первым — и я думала, что он будет последним. У нас с ним осталось в далеком прошлом чувство нервозности и застенчивости, присущее первому разу, когда вас видят обнаженными. Он знал, что мне нравится и как, так же как и я все знала про него.

Но, возможно, продвижение вслепую будет полезным. Я точно знаю, что не хочу такой же любви со следующим парнем, с которым пойду на свидание. Мне нужно, чтобы это было другим, или я все время буду сравнивать их двоих, пока мы будем вместе.

Как обычно, Ноэлль чувствует мои сомнения и готовится еще раз начать промывать мне мозги.

— Не позволяй своим мыслям улетать в прошлое. Оставайся в настоящем — фокусируйся на «здесь и сейчас». Никто из нас не может предсказывать будущее, так зачем пытаться.

— Что, если он тоже меня обманет?

— Ты можешь сидеть и гадать целый день, но не каждый парень, которого ты встретишь, должен оказаться придурком. Да, всегда есть вероятность, что что-то пойдет не так или он может разбить твое сердце, но это не значит, что ты не должна попробовать еще раз. Поверь мне, я также не в восторге, начиная все заново с новым парнем. Я могу сыграть, как это легко для меня, но на самом деле напугана до смерти, позволяя новому парню войти в мой мир — в жизнь, над которой я тяжело работала, чтобы выстроить из ничего. Но я бы предпочла воспользоваться шансом, даже если пойдет что-то не так, чем остаток жизни гадать, что могло бы быть, если бы я поборолась свой страх и сделала попытку.

— Я была бы такой взвинченной, если бы тебя не было здесь, Ноэлль. Я не поблагодарила тебя достаточно, но благодарю тебя сейчас за твою поддержку пережить этот разрыв. И спасибо за то, что помогаешь мне снова обрести себя.

— Все, чего я хочу, чтобы ты была счастлива. Плюс, мне нужен соучастник для прикрытия. Давай покажем этим парням, чего они лишались всю свою жизнь.

— Договорились, но что нам делать теперь, когда у нас есть их имена?

— Ждать. В письме сказано, что они свяжутся с нами по этим пейджерам, когда наступит время встретиться.

Она вручает мне круглый электронный пейджер точно такой же, как и у нее.

— У меня такое чувство, что я ожидаю столик в ресторане вместо свидания.

— Просто сходи с ним, Ларк. У них должен быть подход к сумасшедшим, иначе нас бы здесь не было. Я полагаю, мы можем начать распаковывать наши вещи, пока ждем. Или посмотреть одну из этих скучных информационных программ.

— Я не уверена, что это будет так скучно, когда корабль пойдет ко дну, а мы не сможем найти спасательные жилеты.

— Мы не собираемся тонуть.

— Тоже самое говорили о Титанике. Непотопляемый корабль затонул.

Ноэлль замирает с вешалкой в руке, прежде чем подойти к телевизору и немного увеличить громкость.

— Просто на всякий случай, — говорит она, пожимая плечами. К тому времени, как мы обе разложили свои вещи, мой пейджер вибрирует на полу рядом со мной. Я поднимаю его, глядя на мигающее сообщение на экране. «Встретимся в комнате для отдыха через тридцать минут».

— Что он написал, Ларк? Ты убиваешь меня.

Мои руки трясутся, и я передаю ей устройство. Пока она читает, я ищу карту, которую забрала в нашу каюту, чтобы найти, где находится комната отдыха. Пробегаюсь глазами дважды, прежде чем я понимаю хоть одно слово, на которое смотрю, я осознаю, что это происходит на самом деле. Я скоро встречу с Истоном.

Глава 3

Истон

— Что, черт возьми, это за дерьмо? — кричу я на Дома, как только открываю конверт, лежащий на моей подушке — Моя идеальная пара?

Дом проходит через дверь, соединяющую две наши каюты, вытирая полотенцем свои влажные волосы. Мы и так уже несколько месяцев находимся в стесненных жизненных условиях на этом корабле, когда эта дверь закрыта, я вообще чувствую себя в этой каюте, как в клетке.

Уже улыбаясь, он забирает лист из моих рук. Дом был в курсе этого:

— Похоже, что моя подруга снова играет в сваху.

Джина отличная девчонка, но она, должно быть, в прошлой жизни была Диснеевской принцессой. У цыпочки самая романтическая душа, которую я когда-либо видел, а также один из самых запоминающихся голосов, который я когда-либо слышал. С ее второго прослушивания, на которое я зашел случайно, я знал, что она получит работу, даже если провалит собеседование — Джина была очень талантливой. Единственное, что ее может погубить — никак не проходящее желание найти мне женщину.

— Мне нравится твоя девушка, дружище, но этого не будет. Я здесь только ради музыки, заработка и возможности увидеть мир. Все.

Мы находимся на этом корабле уже шесть месяцев, и каждую неделю новая толпа претендентов на успех вальсирует через трап, как будто весь их мир зависит от результатов этого круиза. Конечно, некоторые из них выглядят так, будто все будет хорошо — они займутся сексом, увидят острова, несколько раз напьются, чтобы отвлечься от реалий внешнего мира, но существует очень мало шансов выжить хотя бы для нескольких пар, когда корабль через неделю вернется к докам.

— Чувак, обсуди это с ней. Я не имею никакого отношения к этому.

Как только я собираюсь бросить письмо в мусорную корзину, Джина появляется рядом со мной с умоляющей улыбкой, приклеенной к лицу.

— Пожалуйста, скажи да.

— Этого не случится.

— Ну давай же, Истон. Это наша последняя неделя на корабле перед тем, как срок контрактов истечет. Пожалуйста, если ты не хочешь сделать это для себя, сделай это ради меня.

— Почему это так важно для тебя? Ты неделями преследовала меня с одним из этих тестов. Я взял его только для того, чтобы ты отстала, но я никогда не соглашался пройти через это до конца.

— Месяцы, — уточняет она. — Я старалась месяцами, чтобы это случилось. Это твоя

последняя попытка. Следующий контракт может отправить тебя на любой другой корабль во флоте. Ты находишься на единственном корабле на этом полушарии, который создает Идеальные Пары. У тебя может больше никогда не быть другого шанса.

— Я смогу это пережить.

Она берет меня за руку и сажает на диван, как защитница-наседка, которой она стала для всех членов группы.

— Ист, я очень беспокоюсь за тебя...с первого дня, когда ты взял меня по свое крыло, познакомил с группой и дал почувствовать себя одной из парней — хотя, очевидно же, что я не парень. Ты поспособствовал моему знакомству с Домиником. Я в долгу перед тобой за это и за многое другое, но у меня нет другого способа отплатить тебе, кроме как помочь. У меня больше не осталось хороших женщин, которые бы тебя устроили. Ты их всех послал. Ну, с некоторыми из них ты сначала переспал, но сейчас мы об этом забудем.

— Я точно этим не горжусь.

Каждый раз, когда я связывался со случайной девицей, которую мне подсовывала Джина, я чувствовал, словно изменяю Шай. Впрочем, это не останавливало меня от того, чтобы нажраться и все равно сделать это. Иногда, я был полным лицемером, особенно когда начинал чувствовать вину, и все заканчивалось полной бутылкой виски в моих руках. К счастью, Дом быстро просек ситуацию и заканчивал с этим дерьмом, пока оно снова не выходило из-под контроля.

— Ты не заслуживаешь того, чтобы провести остаток своей жизни в одиночестве. Абсолютно нормально желать встретить кого-то нового. Даже если ты не признаешь это, я вижу, каким взглядом ты смотришь на другие пары, даже на нас с Домом. Ты хочешь того же для себя.

— У меня было все это, Джина. Я никогда не найду этого снова.

Она не пытается разубедить меня. Джина никогда не встречалась с Шай, но слышала о ней достаточно, чтобы знать, что та была моей настоящей любовью. После нескольких секунд, в течение которых её взгляд устремлён в пространство, она заправляет прядь своих золотистых волос за ухо и смотрит мне прямо в глаза.

— Шай очень повезло, что у нее был ты, и я уверена она знала, каким человеком ты был. То, что ты сделал для нее в ее последние дни, она забрала с собой на небеса.

Я закрываю глаза, боль все еще мучительна, когда я слышу ее имя и «небеса» в одном предложении. Шай была моим миром, моей второй половинкой. Она была мне так близка, что это доходило до совершенства. Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь найти ей замену, и, вообще, захочу ли попытаться это сделать, даже если все говорят мне, что пришло время двигаться дальше...

□ □

□ □

□ □

□ □

□ □

— Истон, — шепчет Шай, ее дыхание затруднено, а кожа этим утром кажется настолько бледной, что это потрясает меня. Даже с хрупким, слабым телом, она по-прежнему самая красивая девушка, которую я знал. Вскоре всё, что у меня останется от нее — это память о ее любви, ее прикосновениях, ее нежной душе. Этому телу поклонялся не я один, но оно лишь оболочка, которая отправится в небытие, как только душа переместится в лучшее место.

Я никогда не верил в жизнь после смерти до того, как здоровье Шай начало быстро ухудшаться. Насмотревшись на то, сколько боли и страданий она вытерпела, я поверил, что где-то за пределами Земли должно быть место, где бы она была любима и лелеема вечность. И если мне повезет, я увижу ее когда-нибудь, не важно, что принесет мне будущее.

— Детка, я здесь, — заверяю я, держа ее дрожащую руку своей. Я думал, что вчерашний день был настолько тяжелым, насколько это возможно... Я столько раз молился Богу, чтобы он облегчил ей боль, чтобы положил конец ее страданиям, но, по правде говоря, я был чертовски эгоистичным, чтобы представить ее ушедшей из моей жизни. Я не хочу, чтобы ей было больно, но это все, что у меня осталось от нее, я никогда не буду готов попроситься с ней.

Она тяжело вдыхает воздух, ее глаза широко распахиваются и закрываются.

— Спасибо, что любишь меня. Ты не должен оставаться, зная, что я скоро умру.

— Не делай этого, Шай. Не говори о нас так, будто все кончено. Остайся со мной.

— Я так устала. Спой мне, Ист. Я хочу, чтобы ты спел нашу песню в последний раз.

Ее сухие губы дрожат и, когда глаза закрываются, все ее тело расслабляется. Это был последний раз, когда я видел ее лучистые голубые глаза открытыми, и у меня больше не останется возможности насладиться ими. Мне нужно увидеть их открытыми в последний раз, чтобы я мог запомнить их цвет.

— Шай, малышка. Пожалуйста, не уходи.

Я кладу голову на ее живот, печаль медленно уничтожает гнев и отрицание, которые я держал в себе неделями, когда каждый результат анализов оказывался хуже предыдущего. Были дни, когда я думал, что если бы любил ее достаточно, то ей бы стало лучше. Но не важно, сколько раз я говорил ей, как сильно люблю, она продолжала ускользать от меня.

У меня саднит горло, когда я выдавливаю из себя текст «Удивительной» — песни, которую я пел, когда просил ее руки, а теперь я пою ее, чтобы попроситься с ней.

— Люблю тебя, — шепчет она так слабо, что я могу едва различить слова.

Ее грудь поднимается и опускается до тех пор, пока один последний вздох не проходит между ее губами. Мне не нужно подтверждение того, что только что произошло, от медсестры или врача. Я уже знаю, что она ушла, потому что словно весь воздух высосали из комнаты.

Я так сильно сжимаю одеяло, укрывающее ее, что мои ногти впиваются в ладони. Наблюдаю за тем, как доктор проверяет пульс, привычное действие, которое он, возможно, совершал миллион раз, и когда он подает сигнал медсестре — едва заметный кивок головы, она удаляет кислород из носа Шай. Каждый из них дарит мне слабую улыбку, и они опускают глаза, когда идут к выходу из палаты.

Я не задумывался, что буду ощущать, когда она уйдет, но, несмотря на это, я чувствую боль намного сильнее, чем мог вообразить. Мысль о том, что, пока я жив, я больше никогда не увижу ее лицо и не услышу ее голос, выбивает все любовное дерьмо из меня. Я едва помню мир без нее. Как я смогу собрать себя в единое целое и уйти отсюда, оставив ее тело не понятно кому, кто позаботится о нем, если я всегда был единственным, кто следил за тем, чтобы у нее все было.

Дом заходит в палату, гремя цепью, соединяющий его бумажник с джинсами, и я, едва поворачивая голову, чтобы увидеть, кто это, но даю понять, чтобы он ушел. Он встает рядом, положив мне для поддержки на плечо руку, пока я не сломался, как в тот раз, когда ее положили в хоспис. Я всегда считал, что если держать эмоции взаперти, то у них не будет

возможности вырваться наружу. Теперь, когда она завершила этот путь, самая разрушительная боль так сдавливает мне горло, что у меня не остается сил удержать ее от выхода наружу.

— Что мне делать, Дом?

— Она сейчас в лучшем мире, Ист. Ты должен отпустить ее.

На хрен мир. А как же я? Как я должен найти «завтра», если мое «сегодня» только что было разрушено.

□ □

□ □

□ □

□ □

□ □

— Истон, с тобой все в порядке?

Я поворачиваю голову в сторону Джинны, желая, чтобы, когда я обернусь, ее голос каким-то образом трансформировался в голос Шай. Я бы все отдал за то, чтобы услышать, как она произносит мое имя снова — все что угодно, чтобы держать ее в своих руках и чувствовать, как она меня обнимает.

— Я не думаю, что готов для серьезных отношений.

— Но ты прошел такой длинный путь. Ты изменился. Тебе нужно сходить на это свидание, хотя бы ненадолго. Она вроде бы из Канады?

— Как ты узнала об этом?

— Доминик рассказал мне. — Учитывая, что Дом не знает всего, что со мной происходило, полагаю, это бы вылилось во что-то большее, чем сейчас. В моих глазах это было не более чем вереницей заигрываний, поиска развлечений и веселья.

Джина смотрит на Дома в поисках поддержки, когда видит мое нежелание встретиться с этой новой цыпочкой. Я практически могу видеть, как закрутились колесики в его голове в поиске способа убедить меня, что его девушка права. Если Джина не получает того, чего хочет, Дом делает все возможное, чтобы это случилось. Принимая во внимание, что я делал тоже самое для Шай больше раз, чем могу сосчитать, я не осуждаю за это Дома. Это то, что Вы делаете для того, кого любите.

— Вперед, Дом. Мне кажется, тебя что-то гложет.

Он вытирает ладони о джинсы и прочищает горло:

— Я пытался остаться в стороне, но согласен с Джиной. Что, если ты просто выпьешь с ней в лаундж баре? Если после встречи ты все еще не будешь ничего чувствовать, тогда мы больше даже не зайкнемся об этом.

— Разве я не должен делать это только для себя — потому что готов и хочу кого-то найти?

— Теоретически, да. Но я не вижу, что это когда-нибудь произойдет, поэтому рассматривай это как толчок в правильном направлении.

Джина улыбается, по-видимому, довольная его предложением.

— Пожалуйста, Истон. Она проделала весь этот путь, чтобы встретить своего парня. Представь, как она разочаруется, когда обнаружит, что он в последнюю минуту передумал.

Я свирепо смотрю на нее по очевидным причинам:

— Во-первых, я никогда не соглашался принимать во всем этом участие. Это ты подписалась и решила все за меня.

— Хорошо, это твоя точка зрения, но я это сделала только для того, чтобы ты мог сделать кого-то по настоящему счастливым. И, я думаю, что осуществляя это, ты также сделаешь счастливым и себя. Более половины женщин на каждом рейсе круиза смотрит на тебя, как будто ты чертова рок-звезда, но ты не удосужился встретиться ни с одной из них. Пришло время, чтобы совершить скачок.

— Я и есть рок-звезда. Я был солистом «Полночной судьбы» со старшей школы. Это единственная работа, которая у меня когда-либо была и которая нужна мне.

— Ты был рок-звездой. Перед тем, как все бросить и влачить бессмысленное существование на кораблях.

Черт побери, она хорошо знает, почему я все бросил. Мысль о возвращении во все те места, где мы были с Шай, где мы создали общие воспоминания, которые я никогда не смогу забыть, убивает меня. Я пытался прийти в себя в течение месяца, но после того, как должен был начаться новый тур, понял, что должен бежать, пока совсем не развалился. И тогда я сбежал с суши, чтобы обрести море.

Парни не должны были следовать за мной, но они меня не бросили. Они, скорее всего, и являются причиной того, что я все еще жив и не в центре реабилитации. Первые пару дней после ухода Шай, я пил не просыхая, пока не стало невозможным моим пальцам воспроизвести хоть один аккорд на гитаре. Я стал забывать тексты песен и портить каждую песню в плейлисте. Но до тех пор, пока песня, которую я написал для Шай, была в очереди, у меня не было никакой возможности петь трезвым.

— Прошел год, Истон. Шай хотела бы, чтобы ты продолжил жить дальше. Она бы не хотела, чтобы ты отказывался от гастролей, ради почтения ее памяти. Ты не должен из-за этого чувствовать себя виноватым.

— Иногда мне кажется, что всё это произошло лишь вчера. А иногда мне приходится напрягаться изо всех сил в надежде просто вспомнить её голос. И я не знаю, что хуже.

— Обе ситуации ужасны и мне тяжело видеть тебя в таком состоянии, но подходит к концу твой второй контракт по круизному направлению. На следующей неделе тебе придется принять решение о своей карьере, не важно, встретишься ты с этой девушкой или нет. Чтобы ты не решил, мне хотелось бы, чтобы это решение основывалось на твоих желаниях.

— Как ты думаешь, что я чувствую, Джина? Мне не нравится так жить.

Она поднимается и подходит ко мне, прислонившемуся к стене. Положив руку мне на сердце, она говорит:

— Храни Шай здесь, но позволь себе жить снова. Она не возненавидит тебя за это. Если ты не можешь жить с ней, живи для нее.

Я мог бы поспорить, что эти слова ей в голову вложила Шай, но такого не могло быть. У меня было несколько разговоров с Шай перед тем, как она отправилась в хоспис. Она заставила меня поклясться, что, когда появится подходящая девушка, я должен любить ее так, как она заслуживает — чтобы я не сдерживал себя только из-за того, что напуган и скучаю по ней. В то время это было для меня непостижимо. Единственная девушка, в которую я был влюблен, с кем поклялся провести всю свою жизнь, просила меня полюбить кого-то другого. Я был рассержен ее подстрекательством двигаться дальше, в том время, когда она все еще была моей невестой. И главная причина этих эмоций была в том, что я жил отрицанием самой возможности её потери.

Я всего лишь человек — я не хочу провести остаток своей жизни в одиночестве. Я

жажду любви также, как и любой другой, и это точная причина, почему я переспал с несколькими другими женщинами после нее. Я хотел что-то почувствовать так же сильно, как и забыть. Но, как же трудно было пытаться забыть, потому что, как только закрываются мои глаза, я вижу Шай. Я догадываюсь, что это делает из меня больного ублюдка.

Независимо от того, что я думаю о себе, я до сих пор не сдержал обещания Шай, и не попытался. Я не оставил ее, когда она была жива, и не собираюсь делать это сейчас.

— Один напиток, — сказал я Джине, перед тем как сесть на край кровати. Один стакан возможно убьет меня, но я сделаю это.

— Блять, спасибо, — бурчит Дом с дивана. Я просто сделал его жизнь чертовски легче сейчас, когда обрадовал Джину.

Она вручает мне обратно письмо от «Идеальной пары»:

— Все, что тебе нужно — это отправить ей сообщение. Представь, как она была взволнована, когда увидела твое имя в письме.

Я делаю то, что мне было сказано — отправляю простое сообщение и назначаю встречу в комнате отдыха через 30 минут. Я делаю это только ради Джинны, но после того, как нажимаю «отправить», не испытываю большого сожаления, как думал вначале. Видимо, я провожу слишком много времени с этой парочкой болванов.

Глава 4

Истон

Я так не нервничал перед встречей с девушкой со времен старшей школы. Это был выпускной вечер, когда я пришел забрать Кортни, и обнаружил ее двух старших братьев, ожидающих меня на крыльце. У одного была пачка презервативов в руке, у другого — ружье. К счастью для них, мне не нужна была ни одна из этих вещей — Кортни и я были все лишь друзьями.

Шай тогда была слишком больна, сражаясь с еще одним приступом пневмонии. Я вообще не хотел идти на танцы, но она настояла на том, что этот ритуал обязан пройти каждый старшеклассник. И для того, чтобы сделать ее счастливой, я пошел на выпускной против своих убеждений.

Когда Шай почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы выйти на улицу, Кортни помогла мне спланировать частный выпускной только для нас двоих. Я снова нарядился в смокинг и отвел Шай в парк позади ее дома. Ужин был заказан в ее любимом ресторане. Я включил компакт-диск, на который записал все ее любимые песни, и мы танцевали под плакучей ивой в окружении ее любимых цветов.

Оставалось всего пара недель в школе и вскоре мы были бы свободны, чтобы жить собственными жизнями так, как хотели. У нас было все, но теперь я здесь один, в ожидании встречи с кем-то другим. С тем, кто, я даже не уверен, понравится ли мне.

Аки — бармен, проделавший сюда путь из Тринидад и Тобаго, всегда знает, что мне нужно, ещё до того, как я открою рот. Двойная порция виски появляется передо мной на второй секунде моего пребывания в баре.

— Ты готов к этому?

— Поверь мне, это была не моя идея.

— Джина знает, что делает, дружище. Не злись сильно на нее.

Я опускаю стакан до того, как теплый алкоголь достигает моих губ:

— Как давно ты знаешь об этом?

Он хватается свое полотенце и перекидывает через плечо. Когда он начинает убирать

стойку с чистыми стаканами, то признается:

— Джина позвонила мне и сообщила, что сегодня должно произойти. Я не думал, что ты объявишься.

Я никогда не потакал Джине до сих пор, но все равно не планировал становиться развлечением для команды корабля. Я довольно скрытный парень, особенно, когда дело касается моей личной жизни и женщин. И так всегда должно было быть, пока мы на гастролях. У меня есть свой маленький круг людей, которым я доверяю, в противном случае моя жизнь может оказаться в новостях на первых полосах таблоидов.

Я ожидаю, что Аки начнет мне втирать то же самое, что и Джина, о том, что для меня это отличная возможность двигаться дальше, но его взгляд замирает в другом месте:

— Если это твоя пара, то я не чувствую ни малейшей вины.

Я смотрю через море тел, чтобы увидеть, кто его так заинтересовал. Высокая брюнетка, стоя в дверях, нервно оглядывается по сторонам, ее внешний вид так и кричит «трахни меня», но, тем не менее, она выглядит так, словно ее в любую секунду может вырвать на пол. Никто настолько великолепный, как она, не должен страдать от недостатка уверенности в себе. Не в том случае, если все выворачивают головы в ее сторону.

— На сколько поспорим, что это твоя штучка?

Продолжая удерживать её в поле зрения, когда она показывает письмо сотруднику обслуживающего персонала у двери, я наотмашь бью Аки по груди:

— Имей манеры, мужик.

— Я просто говорю, что тот, кто получит ее на этой неделе, будет счастливейшим засранцем. Она даже могла бы переубедить меня и в следующий раз дать шанс «Идеальной паре».

— У тебя есть собственная девушка, которая сосет твой член каждую ночь. Перестань быть таким чертовски ненасытным.

Он ухмыляется, потому что это правда. Мы оба наблюдаем за ней, не в силах отвести взгляд. Аки до смерти хочет узнать, к кому она пришла, так же, как и я. Бросив последний взгляд на письмо, она складывает его и убирает в свою маленькую сумочку.

В следующий раз, когда она поднимает голову, ее глаза уже не блуждают по комнате, как это было, когда она только вошла. В этот раз они смотрят прямо на меня. После установления зрительного контакта со мной, через пару секунд она начинает целенаправленно двигаться.

С каждым шагом, ее юбка облегает все правильные места на загорелых бедрах. Если бы я потянул ее немного вверх, то мог бы увидеть все. Как будто читая мои мысли, она начинает оттягивать плотный материал, желая заставить ткань опуститься ниже на пару дюймов. Ее усилия не приводят к желаемому результату, собственно, как и не меняют моих желаний относительно того, чтобы бы я сделал с ней в этой одежде. Я уже ощущаю ее ноги, закинутые мне на плечи, бедра, прижатые к моему лицу, и как я погружаюсь между ее ног.

Ее каблук начинает пошатываться, когда она зацепляется за толстый ковер на полу комнаты отдыха. Я встаю, чтобы поймать ее, прежде чем она споткнется. Мои руки приземляются на мягкую округлость ее бедра, и мне требуются вся сила воли, чтобы не прижать ее тело к своему. Глаза медленно исследуют ее, пока не достигают идеально округлых грудей.

Она откашливается, и я сбрасываю руки, уже скучая по ее теплоте, после чего отодвигаю стул рядом. Она присаживается, и я не чувствую вины за то, что оцениваю ее. Я

бы сделал это, если бы она просто стояла рядом со мной или была на другой стороне комнаты с кем-то еще.

Она играет со своим кулоном на цепочке, теребя зубами верхнюю губу:

— Вы Истон Бэк? — наконец набравшись храбрости, спрашивает она. Голос ее кажется гладким как шелк, и, в тоже время, хрипловатым, как будто она провела ночь в криках и визгах на одном из моих выступлений. Мой член тут же оживает.

— Прямо сейчас я могу быть тем, кем ты захочешь.

Это явно был не тот ответ, которого она ожидала, и девушка ошарашено открывает рот, а потом его закрывает, так и не сказав ни слова. Мои слова заставили ее почувствовать себя неуютно. Но она не может просто прийти сюда в этом своем сексапильном платье и на каблуках и ожидать, что я не оценю вид.

Она снова откашлялась, пытаясь изо всех сил привлечь мое внимание, фактически требуя его. Не могу понять, это нервная привычка или она просто раздражена отсутствием сотрудничества с моей стороны.

— Если Вы действительно Истон Бэк, тогда я — Ваша пара.

Она протягивает мне руку для рукопожатия, как будто это деловая сделка, а не первое свидание. Я колеблюсь минуту, прежде чем принять ее. Ее длинные, аккуратные пальцы легко скользнули в мои. Но я не останавливаюсь на простом рукопожатии. Я подношу ее ручку с мягкой кожей к своим губам и целую тыльную сторону руки. Ее дыхание сбивается от внезапного контакта, она ерзает на месте, как будто не знает, что делать теперь, когда я прикоснулся к ней.

Я помещаю ее руку на свое бедро, чуть выше колена. Это только делает ее розовые щеки еще ярче, при этом краска заливает и ее шею. Если она краснеет от одного простого прикосновения, я могу только догадываться, как она будет выглядеть после ночи со мной.

Она оставляет свою руку на моей ноге на несколько секунд дольше, чем я ожидал, тарашась на нее, будто она больше ей не принадлежит — словно я единственный, кто может управлять ее движениями теперь, когда она коснулась меня.

Я забыл про то, что Аки стоит по другую сторону барной стойки, пока он не спросил ее, что она хочет выпить. Она с признательностью поворачивает голову в его сторону, убирая руку.

— Бокал мускатного вина было бы замечательно, спасибо.

— Любительница вина, а?

Она ставит локоть на барную стойку, а ее подбородок находится на руке. Лениво, она немного наклоняет голову, чтобы посмотреть на меня.

— Ты канадец?

— Нет, почему ты так решила?

— Так мне показалось.

— Меня окружают люди со всего мира. Предполагаю, что-то прилипает.

Аки ставит перед ней бокал вина, больше половины которого она опустошает залпом, задерживая дыхание. Я со страхом смотрю на нее, задаваясь вопросом, как она справится с чем-нибудь покрепче.

Она обнаруживает, что я смотрю на нее с открытым ртом и, заправляя волосы за ухо, застенчиво говорит:

— Извини, я очень нервничаю. У меня были неприятности после того, как я добралась до аэропорта. Возможно, мне надо было выпить бокал или два прежде, чем прийти сюда, на

встречу с тобой.

Она поворачивается ко мне, закинув ногу за ногу. Я борюсь с собой, чтобы смотреть ей в глаза, а не на обнаженные части тела. Такое чувство, словно ее тело молит, чтобы я прикоснулся к нему, но я не могу этого сделать. Пока не могу.

— Ничего страшного, но не возражаешь, если я спрошу, почему ты вообще здесь, Ларк? Ты не похожа на женщин того типа, у которых могут проблемы со свиданиями.

Она ухмыляется, пожимая плечами и закатывая глаза:

— А на какой тип я похожа?

— На безумно красивый тип, — она наклоняет голову, но я не позволю ей смущаться. Это просто слова, и она не должна смущаться из-за них. Дотянувшись до ее руки, я большим пальцем поглаживаю нежную кожу. Ларк моргает несколько раз, прежде чем наградить меня сногсшибательной улыбкой. — Обещаю, что в конце этой недели, ты будешь знать, как принимать комплименты.

— Я не ожидала кого-то вроде тебя, когда соглашалась на поездку, Истон.

— А кого ты ожидала?

— Я не знаю. Я очень давно не ходила на свидания, так что, на самом деле, у меня и не было каких-то определенных ожиданий. Я была более взволнована отдыхом на пляже, чем свиданиями.

Теперь я еще больше заинтригован. Даже больше, чем тем, как она выглядит без одежды:

— Разве ты здесь не для того, чтобы найти парня своей мечты?

Она смеется самым заразительным смехом, который я когда-либо слышал. Это не какое-то противное хихиканье. Это гармоничный смех, который я не слышал уже год.

— Нет. Это не та причина, по которой я здесь нахожусь.

— Почему тогда?

— Моя лучшая подруга хотела, чтобы я поехала с ней — она одержима идеей вернуть меня в мир свиданий. Кроме того, я уже взяла отпуск на работе, и вот я здесь.

Она делает все проще для меня. Я был уверен, что окажусь на свидании с цыпочкой, ожидающей увидеть в конце недели кольцо на пальце. Очевидно, что этого никогда не произойдет со мной. Тем не менее, я очень заинтересовался ею. Определенно, чувствуется некая недосказанная история.

— Могу я спросить, почему ты не ходила на свидания?

Слегка дернувшись, она говорит:

— Потому что мужчины оправдывают общественное мнение о том, что не могут держать штаны надетыми. — Я чуть не подавился своим виски. Она слишком честна, но не могу не оценить этого, потому что я такой же. — Слишком много глотнул? — спрашивает она, прикончив свой бокал вина. Аки собирается заменить его на другой, но она останавливает его. — Текилу, пожалуйста.

— Боже мой, — бормочу я себе под нос, но достаточно громко, чтобы Аки услышал меня. Я молюсь, чтобы она смогла удержать свой напиток, потому что мне надо узнать больше о ней. Я не смогу этого сделать, если ее голова после этого будет находиться над унитазом.

— Почему ты здесь, Истон? Какова твоя история?

— Я работаю на этом корабле со своей группой, а все это устроил мой друг. На самом деле, это последняя неделя моего контракта, прежде чем я соглашусь на новый или вернусь

домой к реальной жизни.

— А жизнь здесь, по-твоему, не реальная?

— Здесь весело, но это не то, чем я планирую заниматься остаток своей жизни. Это был побег, и я в нем тогда нуждался. — Она обдумывает мои слова пару секунд, видимо, соглашаясь с тем, что это идеальное место для побега. Чего еще можно желать? Каждое утро просыпаться в новом месте, и начинать сначала.

— Смотря от чего ты бежишь. Я обнаружила, что тьма, как правило, преследует тебя до тех пор, пока твой разум не догонит тело. Ты должен суметь простить, прежде чем сможешь забыть, даже если это тебя злит и разочаровывает.

— Красота и мозги. Мне нравится ход твоих мыслей, но я думаю, мы должны оставить этот разговор на другой день. — Нет никакого смысла напрягать ее сейчас грузом моего прошлого. Тем более, что у нас есть всего лишь неделя. Она говорит, что хочет просто повеселиться и успокоить тем самым свою подругу, точно так же, как и я. Не вижу никаких причин, почему мы бы не могли исследовать наши возможности. В конце концов, на корабле нет никаких правил. Это оставляет много места для фантазий.

Ларк забирает шот текилы, показывая Аки, чтобы он оставил всю бутылку на стойке. Он пожимает плечами и уходит обслуживать другого клиента. Выпив шот, она высасывает лайм и ее губы морщатся от кислой горечи. Она улыбается, убирая остатки на поднос рядом с бутылкой текилы. На этот раз алкоголь заставляет ее светиться изнутри — она становится более расслабленной, и я хочу ее еще больше. В этот момент я представляю, как наклоняю ее тело над барной стойкой и беру ее сзади. Полный пиздец.

— Расскажи мне о своей группе. Я не уверена, что знаю много твоих песен. Я больше любитель кантри, но Ноэльль узнала твое имя сразу же, как только увидела его в письме.

Мне нравится, что она не моя фанатка. Я не из тех знаменитостей, которые не могут выйти из дома из-за долбанных психованных фанатов. Вы должны серьезно относиться к рок-музыке, чтобы знать кто я такой, особенно с тех пор, как я стал не всегда прилично одеваться. Но, когда я в Лос-Анжелесе или в моем родном городе, становится труднее не быть узнанным. Особенно с тех пор, как «Полночная судьба» исчезла с лица Земли после смерти Шай.

— Наш величайший хит «Прощание», может быть ты слышала о нем.

— Она твоя? Это одна из красивейших песен, которые я когда-либо слышала. И мне кажется, она имеет какое-то отношение к тому, почему ты здесь.

Опустив глаза, я смотрю на деревянную стойку перед собой, желая, чтобы эта цыпочка не была такой чертовски проницательной.

— Это еще один разговор для другого дня.

Я волнуюсь, что её расстроит мой отказ объяснить, кем я являюсь для девушки в этой песне, но она берет два шота, наполняет их текилой и протягивает один мне.

— За все прощания, которые мы не можем изменить.

— За это я выпью.

После того, как высосан еще один лайм, она облизывает губы. Мой рот наполняется слюной, я практически могу почувствовать вкус ее губ. Прямо здесь, прямо сейчас, я могу дать ей все, чего хочет ее тело, ей надо только попросить меня.

— Хорошо, мне нравится эта песня, но как насчет остальных? Они также хороши?

Я ухмыляюсь, приближаясь к ней. Остановившись в дюйме от ее лица, я шепчу:

— Лучше, — звучат мои слова перед тем, как я беру один из соленых крендельков в

корзине рядом с ней. Она судорожно вздыхает, ее глаза расширяются, когда я оказываюсь в дюйме от ее губ. От нее пахнет смесью текилы и сахара — так чертовски сладко.

После того, как я возвращаюсь на свой стул, она опрокидывает еще один шот, пропуская соль и лайм. Я беспокоюсь, что мы все ближе к тому, чтобы закончить наше свидание в ванной комнате. Я убираю рюмки подальше от нее, надеясь, что она замедлится.

— Ты хотя бы понимаешь, что творишь?

— Тоже самое, что я делала прошлой ночью. Я ненавидела себя утром, но жизнь слишком коротка, чтобы сдерживаться, ты так не думаешь? В такие дни я осознаю, как много времени потратила на людей, которые этого не стоят. Ты не хотел бы немного повеселиться, Истон?

Это заявление развязывает мне руки, но в тоже время я чувствую, что оно грозит мне кучей неприятностей. Ларк не осознает, как ее внешность и то, как она себя преподносит, влияет на парней на этом корабле, никто из них не отказался бы от такого предложения. Именно поэтому, если она готова повеселиться, я готов ей это дать.

— Давай убираться отсюда, я хочу тебе показать одно место.

Она потянулась за своей картой в кошельке, чтобы расплатиться, но я остановил ее на полпути к Аки:

— Я сам.

— Но я много выпила.

— И я уверен, что выпьешь еще больше. Я заплачу.

Улыбаясь, она слезает со своего стула и обнимает меня за шею:

— Спасибо. Ты не похож на мой тип мужчин, но ты растешь в моих глазах.

— Может быть, тебе взять еще один шот?

— Зачем? — спрашивает она с сомнением, очаровательно наклонив голову в сторону.

— Возможно, тогда я тебе действительно понравлюсь.

Я подписываю квитанцию, которую мне вручил Аки, бросивший на меня понимающий взгляд, говорящий: «будь осторожен, но, ради всего святого, трахни ее». Поверь мне, Аки, это есть в моем списке желаний.

Я скольжу своей рукой в руку Ларк, глядя в ее кристально чистые голубые глаза. Из всех цветов глаз, которые у нее могли бы быть, почему они должны оказаться именно голубыми? Почему ее глаза должны напоминать о Шай?

Я пристально смотрю на Ларк так, что она моргает несколько раз, а я в это время думаю, что если присмотрюсь достаточно внимательно, то увижу кого-то другого, смотрящего на меня в ответ. Перед тем, как у меня появляется шанс проверить, возможно ли это, она отводит нас в сторону холла, на полпути к выходу.

— С тобой все в порядке?

Моргнув несколько раз, я качаю головой, надеясь, что туман, держащий меня в плену, рассеется. Мне нужно быть в состоянии смотреть на Ларк и видеть ее, а не мое прошлое.

— Да, я в порядке.

— Хорошо, — говорит она решительно и идет впереди меня. Я стараюсь изо всех сил забыть про Шай, фокусируя взгляд на длинных ногах и покачивании попки Ларк.

Если бы я был мудаком, мы пошли бы сразу в мою каюту. Но сегодня, я думаю, мы разыграем нашу партию немного по-другому. Это будет что-то неожиданное, что оставит ее удовлетворенной и умоляющей о большем, потому я точно могу сказать — одного раза с ней мне будет недостаточно.

Есть только один способ заставить ее вернуться за большим — моя музыка. Но только сегодня моим единственным инструментом будет она.

Я догоняю ее, хватаю за руку и тяну за собой:

— Куда ты меня ведешь? — хихикает она, когда как мы спешим по узкому коридору к передней части корабля.

— В то место, где происходит волшебство.

Она раздумывает, закусывая губу, ее взгляд мечется вокруг, пока не падает на какого-то парня, выходящего из своей каюты. Слишком долго задержав на нем свой взгляд, она качает головой и моргает пару раз. После этого, уже более решительно, она говорит:

— Можешь вести меня, куда хочешь.

Я смотрю через плечо, пытаюсь выяснить, кто этот парень и что он может значить для нее:

— Ты его знаешь?

— Нет, но он похож на одного человека, которого я пытаюсь забыть.

И после этого все встает на свои места. Я должен стать ее трахом ради мщения. В обычном случае, я скорее всего бы разозлился, но она смотрит так, как будто хочет запрыгнуть на меня прямо здесь и сейчас, и я более чем счастлив помочь ей освободиться от гнева и злости. Я даже воодушевлен этим. В конце концов, она сама хотела немного поразвлечься.

Как только я толкаю дверь в театр, то сразу же завожу ее внутрь. Здесь так, как я и думал — абсолютно темно. Она протягивает руку, захватывая мою рубашку в кулак.

— Я не вижу тебя, Истон.

— Я знаю, что мы только что познакомились и у тебя нет причин верить мне, но я хочу, чтобы сегодня ты мне доверилась. Не важно, как сложно это может быть для тебя. Ты сделаешь это?

Она тяжело дышит, и я притягиваю ее ближе к себе, чтобы успокоить. У нее нет причин бояться меня:

— Почему мы здесь, Истон?

— Ты можешь довериться, чтобы я мог доставить тебе удовольствие? — я не смогу проделать это дерьмо, если у меня не будет ее согласия или хотя бы немного доверия. Мне необходимо, чтобы она хотела этого также сильно, как и я.

Впиваясь ногтями мне в спину, она отвечает:

— Я хочу, чтобы ты помог мне забыть.

Я толкаю ее к стене, и прижимаюсь к ней настолько плотно, что не остается ни дюйма ее тела, которого бы я его не касался, при том, что мои руки до сих пор не исследовали ее.

— Ларк, я могу одним поцелуем заставить тебя забыть собственное имя. И когда я закончу с тобой, тот парень станет настолько незначительным для тебя, что ты забудешь про его существование.

Она выдыхает и ее бедра сильнее прижимаются ко мне. Но я не позволяю ей этого — пока нет. Я веду свою ненасытную девочку дальше, через пару коридоров, пока мы не оказываемся за занавесом, отделяющим сцену от зала. Это единственное место на корабле, где я ощущаю себя живым. С Ларк в моих руках я чувствую себя непобедимым.

Она по-прежнему крепко держится за меня, но не произносит ни слова, когда я поднимаю и сажаю ее на один из динамиков, стоящих рядом с барабанной установкой Лейна. Ларк замирает, ожидая моего следующего шага. Когда я медленно с

дальнейшими действиями, она сама тянет меня себе между ног.

— Здесь темно, но вдруг нас кто-то увидит?

— Мы одни, — заверяю я. Возможно, это и наш первый раз вместе, но я не позволю, черт возьми, другому мужчине увидеть ее обнаженное тело.

— И это нормально, что мы здесь находимся?

Я кладу свои ладони по обе стороны от нее, окружая ее.

— Да, это мое оборудование. Твоя маленькая, хорошенькая задница сидит на одной из моих совершенно новых акустических систем. Я установил ее на корабле неделю назад.

После ответа на вопросы, она расслабляется. Я осознаю, что заполучил немного доверия, и от того, как она замерла ранее, увидев того парня в коридоре, у меня сложилось впечатление, что доверие дается ей не так легко.

С вновь появившейся уверенностью, она говорит:

— Прикоснись ко мне, Истон. Заставь меня забыть, что он когда-либо существовал, как ты и обещал.

Я слышу ее громко и ясно, но черт возьми, я буду последним лгуном, если скажу, что не ревную немного от мыслей о том, что она будет думать о нем, пока будет со мной. Но я был бы лицемером, если бы применил это против нее, учитывая, что пытался увидеть лицо Шай в последний раз, когда смотрел в ее глаза. Ларк говорила, что она здесь не для того, чтобы влюбиться, поэтому я ни в малейшей степени не обеспокоен, что это произойдет — еще и потому, что она, похоже, пока еще не удосужилась разлюбить другого.

Независимо от того, чем мы занимается, мы оба связаны с призраками, скрывающимися в тени. Мы с ней в равном положении, поэтому я готов к следующему шагу. С этого момента и до конца, я решил показать Ларк, на что это может быть похоже, отпустить тормоза.

Глава 5

Истон

Ларк смотрит назад, убеждаясь, что у нее достаточно места, чтобы лечь, не падая на пол. Когда она понимает, что ей комфортно настолько, насколько можно себя ощущать, сидя на вершине динамика, я медленно скольжу ладонями по ее икрам. Мурашки тут же бегут по ее коже. К тому времени, когда я достигаю бедра, она практически дрожит. Мне нравится, как каждое крохотное прикосновение моих пальцев вызывает у нее ответный отклик.

— Ты такая красивая, Ларк. Эти ноги будут так приятно ощущаться обернутыми вокруг меня. — Она замирает, ожидая, что я с жадностью наброшусь на нее. Но я выжидаю, убеждаясь, что она понимает, насколько сильно я ее хочу, и что это не просто сиюминутная слабость. Я представлял ее под собой с тех пор, как она появилась в дверях лаундж бара. Хотя мы только что познакомились, сегодня я планирую исследовать каждый дюйм ее тела.

Она стонет, когда я достигаю края ее трусиков. Оттягиваю тонкую полоску кружева зубами, вызывая напряжение в ее теле. Я мог бы легко стянуть их вниз до конца, но во мне осталось мало терпения. Они должны исчезнуть, и это должно произойти мгновенно. Когда я разрываю их руками на две части, она удивлена этим так же, как и я. Красный атлас разрывается, полностью обнажая киску.

Мне не терпится языком почувствовать гладкость ее кожи. Ларк тяжело дышит, все сжимается у нее внутри только от кончика моего языка.

— Расслабься, мы только начали.

— Я... Я давно этим не занималась.

Перед тем, как продолжить, она должна знать, что покинет сегодня это место, только

полностью удовлетворенной. Я приподнимаю и поддвигаю ее тело ближе к себе, заверяя:

— Сегодня все только для тебя. Просто наслаждайся, Ларк. Почувствуй, как сильно я тебя хочу. — и я, блядь, действительно хочу ее.

— Хорошо, — говорит она, когда я продолжаю сдвигаться ниже по ее телу. В этот раз, я уже не медлю. Она висит на краю динамика и мне нужно, чтобы она продержалась немного дольше.

Касаюсь губами чуть ниже пупка, ее глаза медленно моргают в ожидании, что же я буду делать дальше. Я выжидаю, мне интересно, будет ли она умолять меня, но, когда ее хрипловатый голос плывет по воздуху, задыхаясь, я теряю контроль.

— Я хочу тебя, Истон. — Просто услышать, как она говорит мое имя, а не его, и мой член становится болезненно твердым и давит на молнию.

У меня есть разрешение, где мне желать ее. Именно там, где она сейчас.

— Оставайся со мной, красавица.

— Я здесь, — шепчет она, затаив дыхание. Она сжимает мою руку, лежащую у нее на животе. Я воспринимаю это движение, как сигнал к продолжению. Мягко дую на ее киску, и она судорожно выдыхает. — Я даже не знаю. Ты не сказал, откуда ты родом или сколько тебе лет, — говорит бессвязно она, ее грудь поднимается и опускается быстрее, чем раньше.

— Разве это имеет значение?

— Ну, нет, но это бы сделало то, чем мы занимаемся, менее безрассудным.

Улыбаясь напротив ее кожи, я поднимаю голову:

— Независимо от того, быстро или медленно мы продвигаемся, тот факт, что я из Нью-Йорка, на самом деле не изменит того, что я собираюсь с тобой сделать.

Я жду, что она начнет со мной спорить, но когда этого не происходит, я погружаю в нее свой язык. Все ее тело напрягается, но я точно могу сказать, что моя ненасытная девочка хочет большего. Ее руки находят мой затылок и крепко хватаются за него, а бедра покачиваются перед моим лицом. Ларк на вкус такая же, как я себе и представлял — такая сладкая, когда течет.

— Ощущения такие приятные. Пожалуйста, не останавливайся.

Единственный раз я останавливаюсь, чтобы заменить свой рот пальцами, потирая небольшими кругами вокруг клитора, все еще не входя в нее. Ее бедра дергаются напротив моей руки, когда я нахожу сладкую точку. Она сидит достаточно далеко, чтобы схватить меня своими пальцами за затылок, придвигая ближе до тех пор, пока ее губы не обрушиваются на меня. Ее язык жадно сталкивается с моим.

Своей свободной рукой, я похлопываю воздух вокруг меня, пока мои пальцы не находят барабанные палочки, лежащие на стуле рядом с динамиком. Ларк так сосредоточена на моем рте и получаемом удовольствии, что она понятия не имеет, что сейчас будет.

Я посасываю ее язык последний раз, перед тем как оттянуть свой рот. Она хнычет от нежеланной потери, но у нее не остается времени спорить, потому что я вкладываю верхнюю часть первой палочки ей в рот. Сначала она колеблется, но как только понимает, что это для ее собственной пользы, она смыкает губы вокруг конца палочки и начинает жадно сосать. Все, что я могу делать, это представлять, как ее губы будут выглядеть вокруг моего члена.

— Этот рот, Ларк.

Она смотрит на меня, ее невинный взгляд выдает в ней хитрую лисичку, которой она стала. Ее рот сосет еще сильнее, а язык кружит вокруг конца палочки, без сомнения,

показывая мне, как бы это было, если бы я был у нее во рту.

— Ты такая чертовски сексуальная, — говорю ей, перед тем, как вытянуть палочку из ее рта. Она держит ее на мгновение дольше, прежде чем позволить выйти ей изо рта с чмоканьем. Я очерчиваю палочкой тропинку вниз по ее груди, между ее грудей и над животом, пока не достигаю верха юбки, собранной вокруг ее талии. Я мог бы снять ее, но оставляю там, где она сейчас. Продолжая поглаживать клитор своей левой рукой, я толкаю палочку в ее истекающую киску.

Несмотря на то, что она наблюдала за прохождением каждого дюйма палочки, у Ларк перехватывает дыхание, когда она входит в нее.

— Хочешь еще?

— Да, я хочу еще, Истон.

Я хватаю другую палочку со стула и повторяю путь вниз по ее телу. На этот раз, когда я добираюсь до киски, я пробегаюсь кончиком палочки по ноющему клитору. Ее голова запрокидывается назад, задевая динамик, руки судорожно хватаются по сторонам, в то время как она готовится к оргазму, который вот-вот накроет ее.

Я работаю каждой палочкой в собственном ритме — внутрь и наружу, вокруг и вокруг, пока не становлюсь уверенным, что создал идеальную песню.

— Твое тело — мой любимый ритм, Ларк.

— Истон, я не могу. Я уже так близко.

— Ты можешь, Ларк.

И она взрывается, как только я толкаю вторую палочку внутри нее. Ее бедра дергаются, и она мотает головой из стороны в сторону. Она задыхается сквозь каждую волну оргазма, пытаюсь проглотить его. Это самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел — мои барабанные палочки внутри нее, ее каштановые волосы, раскинувшиеся вокруг ее головы, и ее каблуки, сжимающие меня так сильно, что я думаю, у меня останутся следы на спине.

После того, как Ларк перевела дыхание, она лежит в тишине около минуты, а потом садится, пытаюсь прикрыть себя.

— Немного поздно быть застенчивой, тебе так не кажется?

Она прижимает голову к моему животу, пока я погружаю свои пальцы в ее густые волосы, прикосновение к которым вызывает в них покалывание.

— Я не...я просто пытаюсь осмыслить, что, черт возьми, только что случилось.

Я засовываю барабанные палочки в свой задний карман и поднимаю ее подбородок указательным пальцем. Она колеблется, но я жду, когда она посмотрит мне в глаза, не желая, чтобы Ларк почувствовала стыд за то, что создавала музыку вместе со мной. Наконец, она поднимает на меня свои испуганные голубые глаза.

— Я думаю, только что случились мы. И это было чертовски идеально.

Она краснеет, как будто пытаюсь осмыслить, на что это должно быть похоже, с моей точки зрения. — Я никогда...Я не знаю, что на меня нашло.

Я предупреждал, что заставляю ее забыть его имя. Может быть, сейчас Ларк поймет, что я не шутил, когда говорил об этом. Но независимо от этого, я хочу, чтобы она разобралась для себя в том, что случилось. Я поглаживаю ее щеку, желая убедиться, что Ларк все поймет, когда говорю ей:

— Не извиняйся за то, что ты принимаешь то, в чем нуждаешься. Я дам это тебе.

Она кивает головой, но краска продолжает ползти вниз по шее и доходит до груди.

— У меня такое чувство, что сказать «спасибо» будет странно.

— Тогда не говори. Я не ожидаю, что ты будешь благодарить меня за то, что довел тебя до оргазма.

— Хорошо. Мы просто должны заключить негласное соглашение о том, что, что бы это ни было, это было действительно хорошо. — Я пытаюсь не рассмеяться, потому что не хочу, чтобы она стала меня избегать. Я бы никогда не стал смеяться над ней, особенно после нашей близости, но ее внезапная невинность и манера в считанные секунды переходить от страстности к ангельскому поведению, становится наркотиком для меня. Наркотиком, на который я могу быстро подсесть. Она только усугубляет это, спрашивая:

— И что теперь?

— Это зависит от тебя. Не существует правил, когда дело доходит до интимных отношений.

— Оо, я думаю, что могу войти во вкус.

— Никаких ожиданий. Никаких предположений. Помнишь?

— Да, — шепчет она.

Наклонившись, я возвращаю ей разорванные на две части трусики, перед тем как жестко поцеловать. Наши языки встречаются и, как было бы не просто закончить сейчас то, мы здесь начали, я собираю в кулак всю свою силу воли, чтобы уйти от нее. Это может быть, либо началом веселья на всю гребаную неделю, либо окончанием одной из самых горячих ночей, которая у меня была за долгое время. Я решаю оставить выбор за ней:

— Я в каюте 309. Ты сможешь найти меня, когда захочешь еще.

Глава 6

Ларк

Текила не виновата. Не жидкое мужество, бегущее по моим венам, помогло Истону соблазнить меня. Я осознавала, что делала, и хотела этого настолько же сильно, насколько Истон был готов мне это дать.

Не смотря на силу своего желания, я ожидала, что почувствую себя виноватой, когда оказалась на динамике, однако, на самом деле ощущала облегчение. Возможно, было крайне опрометчиво связываться с парнем, которого я знала чуть больше часа, даже, безрассудно, но с тех пор, как я увидела его в баре, то знала, что нахожусь на пути к лучшему приключению в моей жизни. Я не выдала того факта, что узнала в нем лидера группы «Полночная судьба». Просто опасалась, что если акцентирую внимание на том, кем он является, то он решит, что я захотела его лишь из-за его положения.

Меня привлек не его статус знаменитости, а взгляд, которым он смотрел на меня — как будто хотел обладать мной, как будто я всецело заслуживала этого, и не важно, будет ли у этого завтра продолжение или нет. Искренность в его взгляде, когда он говорил со мной, играя барной салфеткой, говорила об этом. Он поднимал свои глаза на меня каждые пару секунд, ловя каждое мое слово. Очевидно, что Истон заинтересовался мной, но его тайна немного пугала меня. Зачем кому-то столь успешному прятаться на корабле, когда он мог бы жить роскошной жизнью в другом месте? Не существовало простого ответа...по крайней мере, логичного. Что же заставило его сбежать от остального мира?

Даже если Грант что-то скрывал от меня, я ни разу этого не заметила по его глазам. Даже когда казалось, что у нас все хорошо, на самом деле это было не так. Возможно, у нас с ним был самый сокрушительный секс на Земле, но любовь, которую мы с ним разделили, была омрачена осознанием того, что лучший секс у Гранта был с кем-то другим. Получается то, что было у них — было лучше, чем то, что было у нас с ним, иначе зачем ему нужно было

идти к ней?

Несмотря на поступки Гранта, я не ожидала покинуть театр с возможностью выбора. Девушка, ожившая в первый раз за долгое время, понятия не имела, как один мужчина мог оказать на нее такое влияние за столь короткое время. Но сегодня вечером меня будто научили чувствовать себя. Сегодня Истон показал мне, как настоящий мужчина может удовлетворить женщину. Несмотря на наш последний разговор с Ноэлль о том, что у меня никогда не было случайных связей, и мне нужно что-то чувствовать, чтобы заняться сексом с парнем, на этот раз я без раздумий пошла против своих принципов. Сожалею ли я? Нет, я не могу. Не после того, что он только что сделал со мной, как он так легко дал мне именно то, в чем я нуждалась, даже не спрашивая о моих желаниях.

И пусть я очень мало знаю о Истоне Бэке, но я уверена, что лучший способ узнать его — это прислушиваться к тому, о чем он не говорит. Есть что-то такое в его глазах, будто рассказывающих истории, и в его теле, заканчивающим каждое маленькое высказывание идеальной пунктуацией. Вы не можете заменить эти моменты словами. Просто чувствуете этот разговор тел и находите отклик в своей душе.

Я бы очень хотела, чтобы он ждал меня за дверью театра, доказывая, что оставить меня — было ошибкой. Но, открыв дверь, я обнаруживаю, что небольшой вестибюль пуст. Стенд над входом в театр, анонсирующий корабельное шоу «Морской Бродвей», не освещен.

Если бы не всё то, что я испытала за последние полчаса, то я бы подумала, что произошедшее — лишь плод моего воображения. Но нельзя отрицать, что произошло что-то, что может изменить исход всей недели. Не знаю пока, каким образом, но уже уверена, что выбор будет за мной. И уже одно это делало меня счастливой.

Внезапная смена моего настроения была подобна волне, и необходимо было принять решение, оставаться ли мне ближе к берегу, где безопасно, или, если я хотела рискнуть, зайти глубже в море, где я могу стать либо счастливой, либо сломленной. Хорошо, что еще есть время для принятия окончательного решения. Хотя уже понятно, что, если я склоняюсь ближе к одному из вариантов, мне будет трудно убедить себя в другом.

Ноэлль предупреждала, что эта поездка может изменить меня. Я даже не предполагала, что так скоро подвергнусь испытанию. И не ожидала, что, когда я вернусь, Ноэлль будет находиться в нашей каюте, но она сидела там, спиной облокотившись на спинку кровати, и листала каналы по телевизору. Внешне Ноэлль выглядела расстроенной, и, увидев меня, тотчас бросила пульт на матрас:

— Слава Богу, ты вернулась. Я такая голодная.

— Я думала, что у тебя встреча.

— Мы выпили немного шампанского в баре и погуляли вокруг какое-то время. Это было мило.

— Мило? Ничего грандиозного?

Разочарование вспыхивает на ее лице:

— Нет, на самом деле нет. Мои ожидания были грандиозными. Думаю, я установила слишком высокую планку. Я ожидала, что это будет волшебно — как любовь с первого взгляда. Я имею в виду, что не собиралась просто встретиться с ним в баре, выпить, замутить и все такое...но поняла, что нужно быть реалисткой. Необходимо время, чтобы построить отношения.

Я уставилась на нее, понимая, что она описывает мой вечер незадолго до этого:

— Не надо так быстро сдаваться. У Вас с ним еще может появиться возможность

построить отношения. Возможно, он просто стесняется. Этот процесс может быть пугающим.

Я подхожу к своему шкафу и беру шорты и рубашку без рукавов:

— Я собираюсь по-быстрому принять душ, и потом мы можем сходить поесть.

— Душ? Я голодная, Ларк.

— Обещаю, я быстро.

Перед тем как у нее появляется шанс спросить, зачем мне вдруг нужно принять душ, я захожу в маленькую ванную комнату и закрываю за собой дверь. Бросаю беглый взгляд на свое отражение в зеркале, желая узнать, выгляжу ли я по-другому. Чувствую-то я себя точно по-другому.

Я наклоняю шею, проверяя наличие отметин на ней. Конечно же, есть небольшое напоминание об Истоне, оставленное в виде бледного синяка. У меня не было засосов со школы. Слава Богу, что я могу прикрыть его макияжем или волосами, но в следующий раз он должен быть более осторожен, если конечно этот следующий раз случится.

Осторожность — определенно не то слово, которое я бы использовала, для описания того, что произошло между нами, но я получила удовольствие от авантюрной стороны процесса, особенно потому, что до сих пор могу ощущать, как его язык двигался во мне.

Дверь в ванную комнату открывается, как только я выхожу из душа с полотенцем вокруг тела. Ноэлль хватает свою щетку со столика, перед тем как посмотреть на меня. Я убеждаюсь, что повернула голову так, что она не может видеть мою шею, даже если отметины не настолько заметны, как я их ощущаю.

— Что с тобой происходит, Ларк? — спрашивает она.

Я сжимаю полотенце вокруг тела, пытаюсь из всех сил сдержать улыбку на своем лице. Несправедливо торжествовать, когда она расстроена.

— Ничего. Почему ты спрашиваешь?

— Ты выглядишь другой с тех пор, как вернулась.

Я и есть другая, и я так хочу ей рассказать.

— Или ты влюбилась в Истона, или сравнила его с Грантом и теперь находишься в прострации. Я пока еще не решила.

— Было бы очень сложно не сравнивать этих двоих, но я не собираюсь основывать все свои решения на Гранте.

Она следует за мной к шкафу — не так, чтобы у нее было особо много выбора, учитывая, что он находится прямо рядом с диваном. Но в то время как я занята, заверяя ее, что не собираюсь застревать в прошлом, я забываю об отметинах на моей шее.

Я чувствую, как она встает и придвигается ближе. Подруга наклоняется, тыча пальцем в мою кожу, как будто сомневаясь, грязь это или что-то еще:

— Чертов засос, Ларк!

Я отворачиваюсь, сжимая свою рубашку в руках:

— Ничего такого, о чем нужно беспокоиться.

Она никогда в жизни не отвяжется от меня. Даже через миллион лет. Ноэлль расцветает от возможности узнать пикантные подробности, как раз сейчас она уверена, что я скрываю от нее множество таковых.

— Ларк Уильямс, ах ты маленькая шлюшка. Это определенно не "ничего".

Она дает мне время одеться, продолжая сидеть на краю кровати со скрещенными на груди руками, ожидая, когда я начну рассказывать. Как только я одеваюсь, то поворачиваюсь

к ней, ожидая увидеть суженные глаза. Вместо этого, я получаю понимающую ухмылку. Она на самом деле наслаждается этим.

— Ну? — спрашивает она.

— Итак, Истон милый.

Она так хохочет, что валится спиной на кровать:

— Что, черт возьми, произошло? Пожалуйста, позволь мне пережить это хотя бы через тебя.

— Пережить то, чего не было? — говорю я ей с улыбкой на моем лице.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы выпили, за бокалом вина последовала твоя любимая текила. Я не была пьяной, но у меня прилично шумело в голове, когда мы ушли из лаундж бара. Я слышала твой голос где-то у себя в голове, говорящий мне о том, что я превысила свою норму, но я все-таки позволила ему привести меня в театр.

— Театр? Почему туда?

Она наложит в штаны от радости, когда я расскажу ей, и я тоже получу от этого так много удовольствия. Хоть один раз у меня на десерт есть пикантная история:

— Вероятно, самое время сказать тебе, что он солист группы «Полночная судьба». Он — Истон Бэк. Его группа работает по контракту на этом корабле. И...

Я не могу закончить свою мысль, потому что Ноэлль вскакивает с кровати и встает передо мной с широко раскрытыми глазами и ладонью, закрывающей ее рот:

— О Мой Бог, я обожаю «Полночную судьбу». Ты хотя бы представляешь, как я сейчас тебя ревную?

— У меня есть очень хорошая идея. Но я думала, что ты голодна.

— Я слишком долго этого ждала, ты сначала мне расскажешь, что произошло.

Ноэлль снова садится, сжимая подушку в руках и кладя на нее подбородок. Когда я слишком долго собираюсь с мыслями, пытаюсь решить, как много я хочу рассказать своей лучшей подруге, и что я должна опустить, она выпрямляется, спрашивая:

— Подожди, ты ведь не сожалеешь об этом?

Ее вопрос довольно легкий. Я качаю головой:

— Это самое большое потрясение, которое я испытывала за всю свою жизнь. Ну, или за последнее время точно. Клянусь, он больше относится к твоему типу парней, чем к моему, но, возможно, отличие — это то, что мне сейчас нужно. Ты же говорила, что я потеряла свою сноровку.

Она секунду обдумывает это, прежде чем кивнуть головой:

— Я знаю только его музыку, но он не похож на тот тип парней, в которых ты обычно влюбляешься, но несмотря на это, я счастлива. Полярная противоположность Гранту — это именно тот парень, которого я бы выбрала для тебя. Я говорила тебе, что на корабле все будет под контролем.

Я бы не сказала, что все под контролем. Ничего, касающегося Истона, не кажется контролируемым. Он из тех парней, которые принимают собственные решения без отчета перед другими:

— Это не продолжится дольше этой недели, особенно учитывая, что он здесь работает, но неделя без планов на будущее — этот как раз то, чего я ищу.

— Для двух людей, не стремящихся к чему-то серьезному, вы охрененно хорошо начали. Я думаю, это называется химией. Очевидно, что она у вас есть, иначе у тебя бы не было этой

отметины на шеи и этой улыбки на лице. Боже, мое свидание — это фестиваль дремоты по сравнению с вашим.

— Линкольн оказался настолько плох?

— Не думаю, что он мог бы стать первым человеком, кого бы я выбрала. Мне нужен крепкий парень с грязным ртом, который получит меня для разного рода неприятностей. Конечно, такие парни, обычно, в конце разбивают мне сердце, но, черт меня возьми, если это не забавная попытка.

— Я думаю, что это звучит довольно ужасно. Ты заслуживаешь большего, чем разбитое сердце, Ноэльль.

— Разбитие сердец закончится, как только я встречу правильного парня. Но чувствую, если бы я встречалась с Линкольном, и мы бы расстались, он просто пошел бы домой считать свои налоги и проверять акции. Я не могу понять, почему «Идеальная Пара» свела меня с «Костюмом». Я никогда раньше не ходила на свидание с «Костюмом».

— А я никогда не ходила на свидание с музыкантом, но только то, что между вами не пробежала мгновенная искра, не означает, что ваши отношения не могут с течением времени развиваться. Будь той Ноэльль, которую я люблю, и он тоже это увидит.

— Там есть определенный потенциал, и я собираюсь посмотреть, что будет дальше, но если он завтра не продвинется, показывая свою заинтересованность во мне, будет очень трудно не разочароваться. У нас есть только шесть дней, чтобы что-то произошло.

— Все произойдет само по себе, — говорю я Ноэльль.

Я свидетель этой теории.

Она качает головой, снова улыбаясь:

— Ты счастливая сучка.

Вставая, я хватаю свой кошелек и открываю дверь:

— Пошли.

Ноэльль следует за мной, и мы бродим, пока не находим стейкхаус на пятом уровне, расположенный между бутиком и кафе. Я просматриваю меню, выбирая, что хотела бы съесть, но обнаруживаю, что вместо этого, тайком оглядываю помещение в поисках Истона. К счастью, Ноэльль не обращает внимание на мой блуждающий взгляд, потягивая свою Сангрию.

— Мы должны проверить, есть ли здесь казино, — говорю я Ноэльль.

Я надеюсь, что если у меня будут совместные планы с Ноэльль, то это даст мне отсрочку, чтобы я могла набраться смелости пойти к Истону.

— Потому что ты думаешь, что тебе повезет сегодня вечером? Чертова Рок-звезда. Каковы шансы?

— Почти никаких, но я не могу повлиять на то, с кем они меня поставили в пару. Ты сама так говорила.

— Нет, это круто. Мы проверим, есть ли здесь казино, а затем найдем театр.

Как только Ноэльль упоминает слово «театр», мои щеки покрываются румянцем. Мой пульс зашкаливает, и температура тела поднимается на несколько градусов. Я даже боюсь спросить, но все-таки делаю это:

— А что идет в театре? — мое сознание хихикает, и все, о чем я могу думать, это о барабанных палочках.

Ноэльль отставляет свое вино, улыбаясь над убийственным выражением моего лица. Она собирается хорошо над этим повеселиться. Это еще одна причина, почему я рада, что

опустила все основные детали. Засоса было вполне достаточно для ее веселья:

— Нечто не похожее на твое прошедшее свидание. У некой Рок-звезды сегодня вечером там будет шоу.

— Я совершенно уверена, что у него проходят шоу каждый день и в разных местах. То есть, если ты не хочешь идти, со мной все будет прекрасно. Мы можем увидеть его в другой раз.

— О, нет. Мы идем на шоу сегодня вечером. И я собираюсь наслаждаться каждой секундой, наблюдая за твоим смущением. Плюс, для себя, мне нужно его проверить.

Я не заморачиваюсь спором с ней. Главным образом потому, что хочу там быть, понаблюдать за Истоном в его стихии. Может быть, это единственный раз в моей жизни, когда я могу сказать, что была на свидании со знаменитостью. Не говоря уже о том, что я буду точно знать, где он находится, так что смогу расслабиться и не удивляться, если он окажется рядом.

— Когда вы снова увидите с Линкольном? Ты его тоже пригласила?

— Мы должны завтра пойти на пляж, когда пришвартуемся в Нассау. Ничего подобного прыжкам в купальнике перед парнем, с которым только что познакомилась.

Она делает секундную паузу, прежде чем рассмеяться:

— Хотя, возвращаясь к сказанному ранее, твоя одежда, возможно, вообще была полностью потеряна.

Я пинаю ее под столом:

— Моя одежда была на мне, спасибо большое.

— На тебе или вокруг талии — это две большие разницы, Ларк.

Я никогда не выиграю этот спор, поэтому встаю из-за стола, оправдывая себя тем, что мне нужно в дамскую комнату. Мне нужна минута. Длинная минута, чтобы взять себя в руки, перед тем как я вернусь в театр и завершу эту ночь.

Я ставлю свою сумку на стойку и копаюсь в ней, пытаюсь найти блеск для губ. Мои руки натываются на что-то прохладное. Я вытаскиваю кольцо, подаренное мне Грантом на нашу годовщину, которое я случайно бросила в сумку после ночи размышлений. Я оставила дом с этим кольцом на пальце, уверенная, что все еще могу его носить, даже с прилегающим к нему значением. Обнаружив, что смотрю на него дольше, чем следовало, я вытащила его и поклялась, что никогда снова не надену. Эта находка только добавляет уверенности в том, что независимо от моего решения по поводу Истома, я уже не могу вернуться в прошлое. Те дни ушли.

Глава 7

Ларк

Как только мы покидаем казино, Ноэлль практически бежит прямо к парню, одетому в темно-синий костюм в полоску. Он весь подбирается, уверенный в себе, но его взгляд смягчается в ту же секунду, когда останавливается на Ноэлль. Он наклоняется, чтобы обнять ее, задержав объятия на несколько секунд дольше, из-за чего кажется, что это кто угодно, только не Линкольн.

Ее голова отклоняется назад, улыбка легко заменят гнев, который она извергала всего несколько минут назад, когда ей надрали задницу за столом для игры в блэк-джек. Очень спокойно она говорит:

— Ларк, это моя пара, Линкольн.

Отпустив ее, он осматривает меня с головы до ног оценивающим взглядом. Это немного

странно, учитывая, что он — пара другого человека, но я все-таки протягиваю ему руку с теплой улыбкой.

Он тепло улыбается в ответ, немного реабилитируя себя:

— Я много слышал о тебе, Ларк.

— Надеюсь только хорошее. Вы, ребята, не торопитесь. Когда освободитесь, я буду в баре, где подают шампанское.

Как только я отхожу, то осознаю, о чем говорила Ноэлль — он образец шедевра метросексуализма. Линкольн выглядит так, будто только что шагнул с Уолл-стрит. Он одет с иголки, и одеколоном облит каждый его волос, включая брови.

Он совсем не похож на последнего парня, с которым она встречалась, да и вообще на любого ее бывшего. Но выглядит так, словно у него есть много чего ей предложить, и его собственнически расположившаяся на поясице Ноэлль рука является доказательством его заинтересованности. Он пользуется любой возможностью, чтобы дотронуться до нее, словно помечая свою территорию.

Пока я на расстоянии шпионю за ними, бармен ставит передо мной бокал с шампанским. Мне это не нужно, но я в любом случае любезно его принимаю. Прохладный фужер едва касается моих губ, когда я чувствую теплое дыхание, вздымающееся по моей шее:

— И всё же, ты хочешь большего?

Его хриплый голос замораживает меня на месте, душа падает в пятки. К тому времени, как я возвращаю контроль над собой, он уже ушел, догоняя группу парней, одетых подобно ему. Я украдкой смотрю на его задницу, цепь на его заднем кармане отскакивает вперед-назад при каждом его шаге. Я жду, что он обернется и посмотрит на меня хотя бы для кратковременного зрительного контакта, но он ни разу так и не повернулся. Вместо этого я остаюсь наедине со своим холодным шампанским и разгоряченным телом.

— Это был он? — Ноэлль стоит по другую сторону от меня, а я этого даже не заметила. Вот насколько много пространства вокруг меня занимает Истон.

— Это был он.

Ее челюсть отпадает, а на лице появляется полный неверия взгляд:

— Если он спереди выглядит хоть наполовину также хорошо, как со спины, то я, возможно, поборюсь за него.

Она моя лучшая подруга. Ноэлль никогда не попытается украсть у меня парня, но, услышав ее шуточное заявление, я понимаю, насколько идея об Истоне с другой женщиной разрушила бы меня. Не сложно догадаться, что в его прошлом могли быть измены, но я не хочу, чтобы кто-то другой был сегодня вечером в его постели. Особенно сейчас, когда он прикасался ко мне и предложил большее.

С учетом его профессии, образа жизни и всех стереотипов, присущих миру рок-н-ролла, Истон для меня — большой риск, но я ничего не могу с собой поделать. Теперь, когда у меня есть его образ, мое тело хочет исследовать эту новую загадку. Рваные джинсы, кожа, цепи и винтажные футболки никогда не были моими вещами... Но в конечном счете, я вижу для себя вызов.

— Мы должны поспешить в театр, если ты хочешь сесть на передние места. Лично я хотела бы оценить оставшуюся часть группы, на случай, если в ней есть одиночки.

— Ноэлль, ты нравишься Линкольну. Я думаю, что завтра на свидании он тебя приятно удивит.

— Надеюсь, ты права. Я расстроюсь, если проделала весь этот путь зря.

Она с нетерпением ждала этой поездки, непрерывно говоря о ней с той секунды, как вложила анкету в мою руку. Из нас двоих, именно она безнадежный романтик. И именно поэтому я хочу, чтобы в Линкольне было все, что она ищет:

— Обычно у меня правильно мнение, верно?

Она перехватывает мою руку, положив голову на мое плечо, пока мы идем:

— Глупо, насколько я ужасно этого хочу, Ларк, но ничего не могу с собой поделывать. Здесь есть все кусочки, я просто должна убедиться, что они соберутся вместе.

— Ты понравишься ему потому, что ты — это ты. Не потому, что он вынужден это делать, или думает, что должен.

— Тебе легко говорить, ты уже получила в полном объеме то, за что заплатила, — шутит она. — Ты всегда была более уравновешенной в нашей дружбе.

— Да, именно поэтому я не позволю тебе все принизить, а то ты говоришь так, как будто проституткам платят за секс.

— Это не то, что я имела в виду, и, на всякий случай, я даже этого не говорила. Я очень горжусь тобой за попытку с Истоном. Мне нравится видеть эту глупую ухмылку на твоём лице — давненько такого не было.

— Как ты всегда напоминаешь мне, иногда плохие вещи случаются с хорошими людьми. Я надеюсь, что худшее в прошлом.

— Мы обе надеемся.

Она поднимает голову с моего плеча, как только мы входим в театр. Ее глаза широко раскрыты, когда она заходит в зал, в то время как я оглядываю красный занавес, отделяющий толпу от остальной части сцены. Занавес раскачивается вперед-назад, группа занимается установкой оборудования...несмотря на то, что в той темноте я бы не смогла назвать цвет ткани, я до сих пор ощущаю мягкость материала, который ранее задевали мои голые ноги.

— Надеюсь «Полночная судьба» не сильно изменилась с тех пор, как они исчезли. Истон все еще солист?

— Да, но мне кажется, он говорил, что играет на гитаре. И возможно на барабанах.

Я с трудом могу произнести слово «барабан», не пыхтя, как собака в жару. Понятия не имею, на каких инструментах он может играть, но то, что он делал со мной превращало его в чертова вундеркинда.

— Ты понимаешь, как тебе повезло?

— До меня тяжело доходит, — признаю я.

Ноэлль в благоговении смотрит на занавес, пока команда заканчивает последние приготовления. Она всегда любила ходить на концерты. Я прекрасно стояла сбоку, ближе к задней части толпы, Ноэлль же устремлялась к сцене, пока ее тело не придвигали настолько близко к перегородкам, насколько это было возможно. К тому времени, как мы встречались в конце шоу, она вся была покрыта смесью воды, пота и пива. Это было отвратительно, но для нее это был рай на Земле.

Она хлопает в ладоши, когда театральные огни мигают три раза, извещая о начале шоу. После этого они тускнеют, но я могу видеть каждого участника группы, когда «Полночная судьба» выходит на сцену. Включают прожекторы, глаза Ноэлль сканируют каждого парня и чуть не выскакивают из орбит, когда находят Истона:

— Святое дерьмо, Ларк. Этот год пошел ему на пользу.

— Он неплох, верно?

— Он стучит (прим. Пер. — имеется в виду на барабанах), и я бы тоже хотела оказаться голой с ним. Хотя, если посмотреть, он в хорошей компании. Думаю, что могла бы раздеться для каждого из них.

— Я замутила с ним не потому, что он играет в группе. И я не была с ним голой. Сколько раз тебе это повторять?

Моя рубашка тогда была на месте. На самом деле, даже мой бюстгальтер не покидал тела. Кроме моей шеи, все его внимание было сосредоточено на области гораздо южнее.

— Как скажешь, но Истон горяч. Ты будешь душой, если не поведешься на это. Мнооого раз...

Я даже не потрудилась отрицать, потому что все шесть футов его загорелого, татуированного тела заставляли меня хотеть большего. Он ходячий соблазн, который я едва знаю, но не могу дождаться, чтобы вновь познакомиться, особенно после того, как мы целовались столько же, сколько говорили.

Его движения рассчитаны, когда он шагает к микрофону. Его темно голубые глаза, создающие идеальный контраст с его темными волосами, сканируют толпу перед ним. Когда его пристальный взгляд проносится мимо меня, мне становится интересно, смог бы он меня вообще разглядеть в этой толпе.

— Вы готовы к року? — кричит он в микрофон, сексуальное мужество его голоса заставляет мои ноги сжаться. Энергия в зале быстро зашкаливает, и эхо признательных свистов окружает зал. Гарантирую, мое сердце не одно пустилось вскачь.

Ноэлль наклоняется ближе ко мне, пытаюсь перекричать шум:

— Я не могу поверить, что ты знакома с ним. Это так клево.

— Я только раз тусовалась с ним, мы не настолько близки.

Она смотрит на меня, качая головой:

— Засос на шее говорит обратное.

Рукой я закрываю шею, синяк слегка чувствителен к прикосновению. Я смотрю на руки Истона, вспоминая, как они ощущались на моем теле — его кончики пальцев, мозолистые от долгого времени, проведенного за гитарой, неожиданная гладкость его ладони и более грубая кожа на костяшках.

Да, меня определенно тянет к Истону, но я не могу увидеть что-то большее с ним, и это стало бы проблемой, если бы мы планировали продолжить отношения по окончании этой недели. Его жизнь слишком непредсказуема для девушки с крепкими корнями в Дэлавере.

— Как ты думаешь, у него есть брат?

— Без понятия.

Как только я возвращаю взгляд на сцену, Истон лезет в свой задний карман, вытаскивая две барабанные палочки. Он улыбается, когда кладет их на стул рядом с ним:

— Они для особых случаев, — говорит он со смехом, который понимаю только я. — Сегодня я собираюсь петь для вас.

Я сглатываю комок в горле, мое сердце так дико бьется, что я хватаюсь за подлокотники кресла, как будто нахожусь на самолете, готовящемся к аварийной посадке. Взгляд Ноэлль приклеен к Истону, но мой сосредоточен исключительно на палочках. Я все еще могу ощущать их между ног, его тело на моем, его рот на моей шее. Ноэлль смотрит на меня, наверное, удивляясь, почему я выгляжу так странно, но к счастью не складывает два и два.

Я готова расслабиться после первой песни. С каждой последующей голос Истона завораживает меня все больше и больше. Я обнаруживаю, что хочу узнать значение каждой

песни и историю, которая стала основой для написания стихов.

Они продолжают играть в течение часа, перед тем как Истон тянет стул ближе к краю сцены, держа микрофон в руках:

— Это наша финальная песня вечера, надеюсь, она вам понравится.

Его взгляд опускается на пол, и он проводит рукой по лицу, как будто собираясь с силами для продолжения. Это еще больше интригует меня.

Как только песня подхватывается хором, я могу сказать, что они заканчивают именно ей не просто так. Вместе со всеми остальными в театре, мы с Ноэлль раскачиваемся из стороны в сторону, потому что песня мощной волной поглощает зал, сметая всех нас. Каждая строка мрачна, как будто слова песни Истона являются невероятно личными для него. Настолько, что его лицо искажается, как будто ему больно, каждый раз, когда он закрывает глаза. Его тело все еще на сцене, но остальная его часть переместилась в какое-то другое место.

Из того, как он описывает ее в стихах, становится ясно, что она значит для него все — даже если он поет о ней так, словно она никогда не возвратится назад оттуда, куда ушла. Это песня о таком прошлом, которое может относиться и ко мне — о желании, чтобы обстоятельства были другими, даже если это вне наших сил. Становится понятно, что барьер, который отделяет Истона от своего счастья, скрыт внутри этой песни.

Ноэлль вытирает слезу, слова Истона тоже ударили ее по слабому месту:

— Ларк, если ты не пойдешь к нему после этого, я пойду сама ради тебя. Это дерьмо удивительно.

И она права. Нет другого выхода, я не смогу сегодня спокойно заснуть, мне надо увидеть его. Особенно зная, что он в своей кровати всего лишь в нескольких палубах вниз от меня.

Боже, я надеюсь, он будет один, когда я приду.

Глава 8

Истон

Присутствие Ларк на сегодняшнем выступлении сделало его другим. Она не могла видеть меня, когда вошла в театр, так как я в это время наклонился вниз, чтобы поправить усилитель, но она привлекла моё внимание. Её шорты открывали длинные ноги даже больше, чем её платье, в котором она была сегодня ранее. Мои глаза следили за ней весь путь до её места, где она начала нервно оглядываться по сторонам — возможно в поисках меня. Прежде чем она смогла бы увидеть меня, я спрятался за занавеской, внезапно нуждаясь в минутке, чтобы взять себя в руки перед началом шоу.

Пока мы разговаривали в баре, меня не покидало чувство, что нужно произвести впечатление на неё, и, черт возьми, если я не хотел этого. С той же секунды, как я встал под прожекторами, мои глаза осматривали внимательно каждое место в зале, как я всегда это делал на своих шоу, но я специально пропустил её. Частично для того, чтобы не испортить первую песню, частично для того, чтобы она страстно меня возжелала. Это единственный шанс увидеть её снова.

В любом случае, я облажался во время первой песни, прикидываясь дурачком, когда Дом бросил на меня взгляд. Я обычно никогда не лажаю, но когда это происходит, то всегда из-за девушки. Поэтому он сразу понял, что кто-то взял меня за член.

После этой ошибки мы звучали лучше, чем звучали в наши предыдущие выступления, и возможно ещё и потому, что взяли столь необходимую ночь отдыха вчера. Играть ночь за ночью в одних и тех же местах — лаундж баре и театре, становилось однообразным. Даже несмотря на то, что мы все ещё путешествуем, это не то же самое, что просыпаться каждый

раз в разных городах, вылезать из грязного автобуса и получать признание за всю тяжелую работу, которую вложили в своё шоу. Но контракт на корабле был выходом из положения, которым я воспользовался, когда отказался от гастролей. Здесь легче скрыться и это именно то, что я искал — возможность дышать. Возможность мыслить ясно.

— Ты пойдешь выпить с нами, Ист? — спрашивает Дом, натягивая через голову свитер на рубашку по пути обратно в комнату.

— Я уже достаточно выпил прошлой ночью. Моя задница собирается лечь спать.

Доминик кивает головой, принимая мои нынешние границы. После потери Шай, он таскал меня в бар с собой почти каждую ночь. Мне было без разницы, потому что я и так слишком много пил дома, и я был слишком онемелым, чтобы меня волновало происходящее вокруг. До тех пор, пока я дышал, со мной все было нормально. По крайней мере, это то, в чем я убеждал сам себя. Но с приходом темноты, когда мне надо было ложиться спать без Шай рядом, становилось ясно, что я не живой — я просто выживший. Если бы я поддерживал тот темп вместо того, чтобы взяться за этот контракт, я, возможно, был бы уже сейчас мертв. Вот как бы быстро я загнулся.

— Мы будем в пабе или наверху в клубе, если ты передумаешь.

Прошлую ночь мы закончили, выпив больше, чем следовало, обсуждая будущее группы. Ребята были благосклонны ко мне, давая возможность несколькими морскими контрактами решить для себя, сколько мне нужно времени, прежде чем я буду готов вернуться под пристальный взгляд общественности. Меня до сих пор ужасает возвращение в тот мир, особенно без человека, который спускал меня с небес, но я не могу оставаться жить на корабле всю оставшуюся жизнь. Ребята заслуживают большего — я заслуживаю большего.

Я не узнаю, смогу ли удержаться в реальном мире, пока не вернусь в него. И это тот риск, на который бы я пошел с осторожностью. Но теперь, я подумал, было бы неплохо получить какой-то знак, что время пришло. Правда в том, что сейчас я готов не больше, чем, когда попал сюда. Время может исцелить все раны, но мои всё ещё кровоточат.

Я всё ещё вижу Шай, когда закрываю глаза ночью.

Я всё ещё хочу, чтобы она была жива.

Я всё ещё скучаю по ней.

Но я не могу оставаться эгоистом вечно. Подписание ещё одного шестимесячного контракта было бы удобно для меня, но, как и алкоголь, корабль для меня, словно костыль. Я всё ещё не живу, а выживаю.

Время, проведенное сегодня с Ларк, возможно было ближе всего к возвращению к жизни, с тех пор как я здесь. Я чувствую это, но не понимаю. Если мое сердце все еще принадлежит Шай, как я могу так внезапно увлечься кем-то другим?

— Истон? Ты одет? — выглядывает Джина из-за смежной двери, разделяющей мою комнату от их с Домом.

— Почему ты спрашиваешь, если в любом случае собираешься ворваться без стука?

— Ой, хватит, я уже видела твое достоинство раньше. Доминик пошел в паб на ночь?

— Да, как обычно.

Джина прислоняется к стене со скрещенными руками. Она никогда успокоится.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Мы можем поговорить минутку?

— Что у тебя на уме? — спрашиваю я Джину, хватая бутылку холодной воды из холодильника, предлагая одну ей, прежде чем пить, но она качает головой. Она выглядела

более странной, чем обычно, поэтому я сделал бы ставку на то, что разговор будет о Ларк. Она все устроила и теперь нуждается в подробностях, как типичная женщина.

— Ничего. Я думала, ты, как обычно, топишь себя в виски.

— Было дело прошлой ночью.

— Почему не сегодня? У тебя планы?

Она складывает руки на груди в защитном жесте, и я понимаю, что её визит, видимо, для самоуспокоения из-за того, что она окунула меня в мир свиданий. Это визит сострадания.

— Душ и постель. Только это я планировал, — отвечаю ей.

Она садится на кровать и начинает отковыривать лак на ногтях. Когда ей это надоедает, она начинает водить ногтями по простыни. Я совершенно уверен, что она могла бы сидеть здесь в тишине всю ночь, если бы я ей позволил. Наконец, задается вопрос, которого я ожидал:

— Ты собираешься снова увидеться со своей парой?

— Я оставил этот выбор за ней, но она была сегодня на нашем выступлении. Возможно, это хороший знак.

Её глаза расширяются и загораются надеждой, что она не всё испортила, подталкивая меня к встрече с Ларк:

— Правда? Это здорово.

— Мы замутили с ней сегодня.

Я никогда не врал Джине с тех пор, как познакомился, и не собираюсь начинать. Ей может не нравиться то, что произошло, но она должна смириться. Я обещал ей, что попытаюсь. Я никогда не даю обещания, если не могу их сдержать.

Она хлопает ладонями по кровати, её маленькое тельце взрывается вспышкой раздражения:

— Истон, нет! Ты убиваешь меня — прямо ножом по сердцу. Я думала, ты хоть раз попытаешься сходить на настоящее свидание. То, которое не закончится с вами двумя в постели. Ну почему ты не можешь просто это сделать? Красивая женщина находится здесь только для тебя, а ты обходишься с ней, как будто она просто очередная подружка для траха.

— У нас не было секса, Джина.

Она вскакивает так быстро, что я удивлен, что у неё не закружилась голова. Она убирает волосы с глаз, её рот открывается и закрывается дважды, прежде чем она находит что сказать, пытаясь выйти из ступора:

— Но ты сказал, что замутил с ней.

— Иногда я могу все испоганить, особенно, когда дело касается красивых девушек, но, взглянув на Ларк, могу сказать, что она не привыкла к моему миру. Я не стал бы так с ней обращаться.

— То есть ты реально попытался? Ты отнесся к ней серьезно так, как я хотела уже так давно?

— Полагаю, можно сказать, что я пытаюсь, если ты считаешь, что я не буду мудаком и двинусь в правильном направлении. Мы немного повеселились за кулисами, и я оставил ей открытое приглашение. Это будет её решение, вернется она за большим или нет.

— Больше? Это свидание? Или секс?

— Этот выбор тоже за ней. Для меня нет проблем выйти куда-то с ней на корабле, но если всё, что она захочет, это только физическое дерьмо, я смирюсь с этим.

— Тебя волнует одно или другое?

Я выбрасываю пустую бутылку из-под воды в мусор, перед тем, как поведать ей очередную порцию правды, которая возможно ей не понравится: — Она охренительно горячая, Джина. Мой член это волнует.

Моё вознаграждение за пыточный разговор — раздраженное закатывание глаз:

— Это наименее романтичная вещь, которую ты мог сказать. Девочки хотят чувствовать себя особенными — она хочет, чтобы ты дал ей это. Не надо говорить: «давай просто повеселимся».

— Что я могу сказать? Я стопроцентный вариант, Джина. Если она хочет меня, всё, что ей нужно — это сказать об этом.

— А если она хочет больше, чем просто секс? Если она хочет быть с тобой больше, чем семь дней? Возможно, ей не привычен твой мир, но, несмотря на твое отношение, периодические запои и когда не скрываешься — ты хороший улов.

Я прерываю ее, потому не считаю, что скрываюсь — не от Ларк. Всё, от чего я должен сейчас скрываться — это чувство вины.

— Я не собираюсь причинять ей боль, если ты об этом беспокоишься.

— Я беспокоюсь не о Ларк. Я беспокоюсь о тебе, и о том, что ты постоянно упускаешь. Ты так заслуживаешь нормальных отношений, любая одинокая девушка на этом корабле будет счастлива быть с тобой. Если ты позволишь ей увидеть тебя настоящего, она влюбится в тебя. Тебе не надо быть «персоной на сцене» — образом, созданной для публики, чтобы это произошло.

Я смотрю на неё, не в состоянии придумать хоть один ответ, который не был бы негативным, так что я даже не пытаюсь:

— Я ценю это, но у Ларк нет причин хотеть меня. Я убежден, если бы не этот проект «Идеальная пара» она бы ни разу не взглянула на такого парня, как я.

— На какого парня? Достойного человека, способного полюбить её так сильно, что она станет безумно счастливой? Ты можешь придумывать любые оправдания, но, в конце концов, ты должен кому-то позволить войти в твой мир.

Прежде чем я смог убедить её в том, что пытаюсь, раздался слабый стук в дверь. Я встал с дивана, удивленный, вдруг это она. Если это так, её уши, наверное, горят после того, как мы обсуждали её последние десять минут.

Я смотрю в глазок, и ухмыляюсь, увидев очень нервную Ларк по другую сторону двери. Она поправляет волосы и разглаживает свою рубашку, как будто пытаюсь сделать несуществующие складки невидимыми.

— Кто там?

— Ларк.

Джина практически визжит, хлопая в ладоши, прежде чем понимает, что Ларк может её услышать.

— Я буду в пабе со всеми. Не облажайся в этот раз, Ист.

Она пробирается через смежную дверь, соединяющую с каютой Дома, и улыбается во весь рот.

Я жду, когда за Джиной закроется дверь, прежде чем открыть свою, что должно быть занимает слишком много времени, учитывая, что Ларк уже отошла на нескольких шагах от двери с поникшей головой, разочарованная моим молчанием. Я жду ещё пару секунд, потому что я мудака и хочу ещё немного посмотреть на её задницу, прежде чем она обернется.

Насмотревшись сполна, я прочищаю горло:

— Куда-то собралась, красавица?

Она так быстро разворачивается, что волосы хлещут её по лицу. Я бы многое отдал за то, чтобы схватиться за этот хвостик и удерживать, вонзаясь в неё сзади. Блять, она прекрасна.

Ларк нервно крутит руками перед собой, хрустя суставами пальцев настолько громко, что я могу это услышать.

— Я не думала, что ты уже вернулся. Я хочу сказать, что, конечно, я надеялась на это, но выступление только закончилось.

Вместо того, чтобы подойти ближе, она останавливается в паре шагов от меня. Если она думает, что я собираюсь послать ее, она сумасшедшая.

— Я только недавно вернулся. На самом деле, мне нужно по-быстрому принять душ.

Я раскрываю дверь немного шире, приглашая её во внутрь:

— Ты идешь? — Она смотрит на меня, как будто не уверена, что именно на это надо ответить.

— Внутрь, Ларк. Не в душ.

Её взгляд падает на ковер в прихожей, щёки становятся насыщенно розового оттенка, который я запомнил. Я не пытаюсь смутить её, но мне нравится, о чем она думает.

— Эй.

Она поднимает голову и как только я вижу её глаза, возникает желание придвинуться ближе, но если я это сделаю, дверь закроется за мной и заблокируется. Поэтому я протягиваю ей руку, надеясь, что она примет ее.

Поколебавшись лишь долю секунды, она, наконец, произносит:

— Хорошо.

Я тяну её к себе, и она кладет свои руки на мою все ещё потную грудь. Я хватаю кончик её хвостика, перекинутого через плечо, и накручиваю на палец, вместо того чтобы потянуть так, как рисовал в своем воображении:

— Он мне нравится.

Она улыбается, скользя руками вниз по моему телу, пока они не опускаются до моей талии:

— Спасибо.

Когда она проскальзывает мимо, я чувствую исходящий от нее аромат — так пахнет день на пляже. Я наблюдаю, как она осматривает мою комнату, наверное, удивляясь, как я могу жить в таком небольшом пространстве так долго. Каюта не впечатляет, она такая же, как у любого другого на этом корабле, и я находился здесь слишком долго, так что возвращение обратно в настоящий дом было бы для меня непривычно. Вы не осознаете, как мало вам нужно для жизни, пока не сталкиваетесь с вынужденными условиями.

— Она не намного больше моей, — говорит Ларк.

— Мне повезло, что группе не пришлось разделить участь обслуживающего персонала. Я убедился, чтобы эти условия были в прописаны в моем контракте, когда его заключал.

— Это было умно, — она скрещивает руки под грудью, приподнимая её вверх, словно в приглашающем жесте.

Я показываю на край кровати:

— Ты можешь присесть.

— Хорошо.

Она садится на самый край, как будто если она не будет осторожна, то кровать засосет её и будет держать в плену. Нет никаких шансов, что это произойдет, даже если я ничего не хочу больше, чем получить её в свою постель.

— Итак, что ты думаешь о выступлении?

— Вы, ребята, удивительные, — выпаливает она.

— Ты же говоришь это не ради приличия?

— Нет, конечно, нет. Ваша музыка намного отличается от той, которую я обычно слушаю, но мне понравилось. Ноэль уже влюблена в твою группу, и, я вполне уверена, в тебя тоже.

Я ухмыляюсь, услышав каплю ревности в её голосе, специально или нет.

— Она не хочет присоединиться к нам?

Ларк замирает, не совсем уверенная в том, что я имел в виду. Я знаю, как это прозвучало, и именно такого эффекта я и добивался:

— Я шучу.

Она садится чуть дальше на кровать и скрещивает ноги, а потом перекладывает их по-другому:

— Я не сильна в этом. У меня не было свиданий вечность.

— Ах, вот это что? Свидание?

— Ну, нет. Я полагаю, что нет. Ты же сказал, что не ищешь ничего подобного.

— Ты говорила то же самое, но вот ты здесь.

Она наклоняет голову, прищуривая глаза:

— Но ты говорил в баре...

— Я знаю, что говорил. Поэтому ты здесь? Чтобы трахнуть меня?

Она задыхается, прикрывая рот рукой.

— Ты можешь это сказать, Ларк. Не надо стыдиться.

— Я... — начинает она, но затем быстро замолкает. Её плечи напрягаются, и она начинает вставать.

Я протягиваю руку, чтобы остановить её:

— Я дам тебе немного времени подумать, почему ты пришла сюда, но когда я выйду из душа, я собираюсь задать тебе тот же вопрос. Если только ты не хочешь пойти со мной?

Я не должен был давать ей даже возможности выбора, потому что последнее, чего я хочу — её ухода.

Ларк сглатывает и я могу сказать, что она пытается прикинуть, окажется ли это ей по зубам. Основываясь на выражении ее лица, она, скорее всего, собирается сбежать — хотя это будет охуительно сексуально, если она останется.

Принимая душ, я представляю, как она будет выглядеть во время оргазма при включенном свете. Это выглядело привлекательно в темноте, но я не смог разглядеть её достаточно подробно. Прошло время, когда я последний раз был с кем-то здравомыслящим, как Ларк, но из мимолетного впечатления, полученного о ней ранее, могу сказать, что у неё есть дикая сторона, которую мне еще предстоит исследовать. Предполагаю, что причиной, по которой она вернулась за большим, является её любопытство. Если она позволит, я доставлю её в такие места, где она и не мечтала побывать. Я почти уверен, что уже её заинтересовал, но хочу, чтобы она была в моей власти — всецело.

Выходя из ванной комнаты в одном полотенце вокруг талии, я надеюсь, что уже нахожусь на шаг ближе к достижению своей цели. Только Ларк уже не там, где я оставил её.

Она в моей кровати, под одеялом, ожидает меня.

— Ты голая?

Она кивает головой один раз в подтверждении. Глаза Ларк закрываются, когда я подхожу к кровати. Я выключаю половину света в комнате, желая сделать обстановку более комфортной.

— Ты готова поговорить, Ларк?

Без колебаний, она открывает глаза и говорит:

— Я никогда ни делала в жизни ничего более сумасшедшего, но я хочу тебя, Истон. Ты все, о чем могу думать, как бы я ни старалась этого не делать. Даже наблюдая твоё выступление...

— А что мое выступление?

— Я видела барабанные палочки и слышала, что ты сказал. Я также видела выражение твоего лица, когда ты это говорил. Я не могу прекратить думать о том, что ты делал со мной. Я хочу, чтобы ты снова прикоснулся ко мне.

Несмотря на то, что она попросила меня прикоснуться к ней, Ларк не дожидается моих ответных действий. Вместо этого, она тянется ко мне, дергая за угол полотенца. Оно падает на пол, оставляя меня полностью обнаженным перед ней.

В то время, как её глаза бродят по моему телу, я скольжу под простыни и мои руки тянутся к её телу. Оказываясь лицом к лицу, я смотрю ей прямо в глаза, чтобы она знала, насколько я серьезен:

— Возьми то, что хочешь, Ларк. Я дам тебе время.

Ларк берет меня за затылок, придвигая ближе к себе. Наши губы сталкиваются так сильно, что она стонет мне в рот, её язык вторгается без тени сомнения. Это уже не та неуверенная девушка, которую оставил, уходя в душ несколько минут назад. Как бы она ни убеждала себя, пока мне не было — это сработало.

Я позволил ей взять контроль на несколько минут, желая, чтобы ей стало достаточно комфортно для продолжения — ни требований, ни сдерживаний. Это больше её шоу, чем мое. К счастью, когда я достигаю предела, нуждаясь в большем, чем её рот, Ларк забирается на меня, расставив ноги по обе стороны от моей талии.

Дотягиваясь до своих волос, она стягивает резинку, рассыпая струящиеся пряди по плечам и груди. Её глаза пронизывают мои. Её бедра уже сами по себе начинают раскачиваться вперед-назад.

— Что ты хочешь, красавица? — спрашиваю я, в то время как беру в ладони обе её груди.

Она откидывает голову назад, её длинная шея полностью открыта для меня. Я хватаю её за бедра, создавая более сильное трение, в то время, как её теплая киска скользит вперед-назад по моему члену.

— Все что тебе нужно, это сказать, Ларк. Скажи мне, что ты хочешь.

— Тебя, Истон. Я хочу, тебя.

— На четвереньки, красавица, — командую я.

Она слушается без необходимости повторять дважды, слезая с меня и вставая как велено в центре кровати. Я хватаю её за бедра, потираясь членом о её великолепную задницу:

— Черт, Ларк.

Её голова падает вперед между рук, тело практически дрожит, в то время, как она чувствует меня — и я уже готов начать.

— Ты со мной?

— Да, — шепчет она. — Я здесь.

Я толкаю её ноги немного шире, прежде чем скользнуть в неё двумя пальцами. Ларк прогибается, и когда я сгибаю пальцы внутри нее, достигая точки наслаждения, а ладонью давлю на клитор, её тело оживает, подергиваясь от движений моей руки.

— О Мой Бог, — стонет она.

Я продолжаю до тех пор, пока она не достигает края, после чего вытаскиваю пальцы, останавливаясь прежде, чем она кончит. Небольшой всхлип вырывается из нее.

— Такая ненасытная, Ларк, — говорю я, массируя её задницу ладонями, её тело продолжает раскачиваться, как будто я уже внутри неё. — Ты готова к большему?

— Мне это нужно, Истон.

Я тянусь к тумбочке, открывая ящик и копаясь внутри в поисках презерватива. Ларк смотрит через плечо, чтобы увидеть, что я делаю. Прежде чем я успеваю вскрыть упаковку, она поворачивается, забирая ее у меня из рук. Не разрывая зрительного контакта со мной, Ларк зубами разрывает фольгу. Мой член дергается от этого движения, и еще раз, когда она, используя свои длинные красивые пальцы, одевает резинку на меня.

— Должен сказать, что не ожидал этого.

Она подмигивает с лукавой усмешкой на лице, перед тем как развернуться и наклониться вперед, её сексуальный зад покачивается передо мной:

— Трахни меня, Истон.

— Боже мой, ты убьешь меня, если продолжишь так говорить.

— Ты сказал мне взять то, что я хочу. Я хочу тебя.

Исчезла та осторожная, сдержанная девушка, которая зашла в мою каюту. В моей кровати и после моих прикосновений, она ожила — так, как я и надеялся.

— Я есть у тебя, — говорю я, медленно скользя в неё, мысленно закатывая глаза, в то время, как её теплота окутывает меня. Я толкаюсь в нее, жестко, почти полностью выходя из нее, прежде чем толкнуться снова. Она подмахивает мне своей задницей, вбирая назад каждый дюйм, который потеряла, снова и снова.

Когда она достигает пика, которого я добивался, ей нужен только один удар по клитору, чтобы кончить. Она сжимает в кулак подушки перед ней, все её тело становится твердым, в то время, как она сжимает меня так крепко, что я толкаюсь еще только два раза, прежде чем потерять контроль.

Мы оба падаем на кровать рядом друг с другом. Она выдыхает, слегка сдвигая волосы с лица — это единственный признак, что она не полностью отключилась.

— Что только что произошло? — Бормочет она, почти бессвязно, во второй раз за сегодня. — Ты снова это сделал.

— Ты зажгла, детка.

Глава 9

Ларк

Второй день Круиза

Открывая глаза, я не представляю, который сейчас час. Последнее, что я помню — это себя, лежащей лицом вниз и щекой, прижатой к простыням, совершенно и абсолютно обессиленная. Никогда в своей жизни у меня не было секса с таким, как Истон. Он такой же страстный в кровати, как и на сцене — только здесь он использует своё тело для создания мелодий вместо голоса. И когда мы достигли оргазма вместе, это было похоже на симфонию

страсти.

Моим намерением не было провести с ним всю ночь, но когда Истон вырубился рядом со мной, я осталась ещё ненадолго. Наблюдая за ним спящим, прижавшимся лицом к хлопковой подушке, за его длинными ресницами, разложившимися на его щеке, я не могла не желать узнать, что же столь значительное заставило его осесть на этом корабле. Это не плохая работа, но похоже на то, что он как будто понизил себя в должности — навсегда.

Я помню, что таблоиды устроили специальный день, посвященный исчезновению группы, печатая одну безумную историю за другой. Но не важно, какие теории они придумывали, никто не знал правды о том, что на самом деле произошло. «Полночная судьба» сохранила свою частную жизнь чрезвычайно частной, оставляя за собой очень мало ключей к разгадке. Теперь, когда Истон нашелся, часть меня хочет взломать код к разгадке его тайны.

Я ничего не могу сделать, пока не найду свою одежду, поэтому выскальзываю из постели, обмотавшись простыней, рыская по комнате в её поисках. Ничего не обнаружив, я беру одну из футболок Истона, перекинутых через подлокотник дивана, и натягиваю её через голову.

Наконец, частично прикрывшись, я подхожу к раздвижной двери и нажимаю руками на холодное стекло. Истон стоит, облокотившись о перила балкона, загорелая кожа на спине блестит в солнечных лучах раннего утра. Я знала, что у него есть татуировки на руках и груди, но большой крест в центре спины с крыльями, вытянутыми вдоль каждой лопатки, стал для меня сюрпризом. Похоже на ангела, взмывающего прямо из его души.

Меня магнитом тянет к нему и я открываю дверь так тихо, как только могу. До того, как осознаю, что делаю, я дотрагиваюсь до его татуировки и вывожу пальцем линию от середины креста до одного из его крыльев. Он напрягается и медленно поворачивается, захватывая моё запястье рукой.

Мои глаза встречаются с его, цвета глубокого океана, не ожидая увидеть так много тоски в них. Даже несмотря на то, что мы провели ночь вместе, он смотрит на меня так, как будто у меня нет права дотрагиваться до него этим утром — и может быть, я не должна была. То, что произошло между нами было вчера, а сегодня — новый день. Тем не менее, дистанция, которую он внезапно обозначает между нами, причиняет сильную боль.

— Извини. Она красивая, — говорю я ему.

Он смотрит на меня несколько секунд, рассматривая с головы до ног:

— Милая футболка.

Я оглядываю черную мишень, покрывающую меня — тисненый через всю грудь, логотип другой группы.

— Я не могу найти свою одежду. Если ты скажешь, куда её положил, я уйду отсюда через пять минут.

— Поэтому ты пришла сюда?

— Частично — из-за того, что тебя не было в кровати, когда проснулась. Я не планировала оставаться на ночь, но похоже заснула.

Возможно то, что произошло между нами — это уже прошлый день, но даже сегодня утром я хочу его прикосновений — не важно, утренний ли это поцелуй или простое объятие. Что-нибудь доказывающее, что он не сожалеет о случившемся. Я не хочу быть его ошибкой.

Должно быть, Истон приходит к соглашению с самим собой, с чем бы ни боролся внутри, потому что он протягивает руку ко мне, цепляясь пальцем за ворот футболки и

притягивает ближе к себе. Я охотно придвигаюсь ближе, обнимая его за талию. Он оттягивает мою правую руку от своего тела, толкая её вниз перед собой, пока мои пальцы не ложатся на его член.

— Ты это искала?

Возмущенная его дерзким поступком, я убираю руку от него:

— Почему ты себя так ведешь?

— Как? Разве это не то, ради чего ты осталась?

— Нет, Истон. Я не поэтому осталась.

Я пытаюсь поставить себя на его место, представляя, на что это похоже, когда женщины тебя хотят по неправильным причинам. Я вижу себя, сомневающуюся по поводу каждого, с кем встречалась, пытающуюся угадать их мотивы и неверно истолковывающую то, что им нужно. Я постепенно изучаю его поведение, которое, в случае с Истоном, расскажет о нём больше, чем слова, поэтому той же рукой беру его за челюсть и, глядя прямо ему в глаза, говорю:

— Я искала это.

Его щетина колется о мою кожу, но мне нравится это ощущение. Я никогда не интересовалась парнями с растительностью на лице и татуировками, но вот я здесь, безумно увлеченная и совершенно очарованная.

— Ты не хочешь меня? — спрашивает он с сомнением. Кажется, он сбит с толку тем, что я желаю его общество больше, чем его тело. Еще одна особенность, которая делает его более загадочным.

— Я, правда, хочу тебя, Истон, но в тебе есть намного больше, чтобы увлечься тобой, чем твое тело или твоя группа.

Я убираю руку от его лица, глубоко вздохнув, прежде чем произнести следующую часть, надеясь, что он не отвергнет мое предложение и не разозлится:

— Мы уже познакомились с тобой в спальне, но если ты готов для этого, я хотела бы узнать тебя лучше, вне её.

— Зачем?

— Думаю, мы должны доказать двум людям, которые нас подставили под удар, что между нами есть что-то настоящее, заслуживающее продолжения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мою грудь сдавило и было бы проще все закончить сейчас, но я не хочу, чтобы он думал, что я делаю это для того, чтобы сделать кого-то другого счастливее. Это было бы ложью.

— И потому что мне бы этого хотелось, — прошептала я.

После того, как я была честна с ним, его взгляд смягчился. Я не могу винить его за возведенную броню. Я была сама скептически настроена с тех пор, как Ноэль заставила меня пройти тест. Но я здесь еще на шесть дней, и точно не буду в состоянии перестать думать о нем, пока не сойду с корабля.

— Чем ты будешь сегодня заниматься?

Я пожимаю плечами:

— У Ноэль свидание на пляже с Линкольном, поэтому я ещё не думала об этом. А ты?

Он ухмыляется:

— Ты спрашиваешь или предлагаешь?

Тогда я перехожу прямо к делу:

— Я не говорю, что мы в конечном счете не вернемся обратно в твою постель, но было бы неплохо нам пообщаться вне твоей каюты.

— Это очень быстро переходит из ничего к чему-то.

— Это не должно ничего означать. Никаких ожиданий, помнишь?

— Никаких ожиданий, — шепчет он, перед тем как обнять меня и положить подбородок мне на макушку. Так или иначе, он не дает мне ответа, поэтому я жду, когда услышу его.

Слова так и не приходят, поэтому я отступаю назад, понимая, что он на самом деле не ищет ничего более, чем случайная интрижка. Он даже не хочет попытаться. Истон представляет собой татуировки и рок-н-ролл, в то время как я — это свитера и Старбакс. Мы не выглядим как идеальная пара — мы выглядим наоборот, как противоположности.

Перед тем как уйти из его жизни, я даю ему еще несколько секунд, чтобы изменить свое мнение. После того, как эти драгоценные минуты пролетают в момент ока, я ухожу, надеясь, что еще какое-то время он побудет на балконе — по крайней мере, пока я не уйду. В любом случае, он не остается на балконе.

Истон следует за мной внутрь каюты, я полагаю, желая извиниться, или, по крайней мере, позволив мне спокойно уйти. Вместо этого, он молча открывает дверь шкафа и протягивает мне мою одежду. Я забираю её, избегая зрительного контакта с ним. Если я снова на него взгляну, это все будет только тяжелее для меня.

Оказываясь в ванной комнате, я прислоняю голову к двери, удивляясь, как это все стало насколько значимым для меня. «Это просто секс, Ларк», — бормочу я сама себе, снимая футболку Истона и надевая свою одежду.

Перед встречей с Истоном, все, чем я хотела заниматься — это сидеть на пляже, потягивая маргариту. И это именно то, что мне и нужно делать — забыть о нем и отдаться солнечным лучам, которых я страстно жаждала. Это то, в чем нуждается моё тело. Не в нем.

Выйдя из ванной, я нахожу его сидящим на крае кровати, со скрученными и запутанными простынями позади. Я оставляю его футболку на журнальном столике и поворачиваюсь в сторону двери. Как только я дотягиваюсь до дверной ручки, Истон говорит:

— Встретимся через час у трапа.

Я оборачиваюсь, совершенно растерянная и поставленная в тупик тем, что он не может принять решение. Что же изменилось за те несколько секунд, пока я была в ванной комнате, и почему он внезапно решил сказать «да»?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты слышала меня, — говорит он с озорной улыбкой, — будь там.

— Куда мы пойдём?

— На пляж. Я хочу показать тебе кое-что.

Я стараюсь скрыть улыбку, как будто это ничего более, чем два человека, тусующиеся вместе пару часов без каких-либо обязательств. Только я совершенно уверена, что путы, сдерживающие нас друг от друга, только что были разорваны. Если это действительно произошло, мы оба свободны теперь для того, чтобы снова влюбиться.

— Спасибо.

— За что ты благодаришь меня? — Он берет бутылку воды из мини-холодильника, откручивая крышку, и выпивает залпом сразу полбутылки.

— За то, что пригласил меня на пляж.

В этот раз он смеется надо мной:

— Я не полный придурок, Ларк.

— Я никогда этого не говорила.

— Я бы не стал тебя винить за это, но я был бы хреновой парой, если бы не сходил с тобой хоть на одно свидание. Верно?

— Самой хреновой, — шучу я с улыбкой во весь рот. Я не знаю, что изменило его мнение, просто рада, что это случилось.

Истон подходит ко мне, стоящей перед входной дверью, открывает и прислоняется к ней, пока мы стоим на пороге.

— Запомнил. Скоро увидимся, Ларк.

С сумочкой, висящей на моем запястье, я заправляю прядь волос за ухо, улыбаясь:

— Пока, Истон.

Уходя, я чувствую его взгляд на мне. Оглядываясь через плечо, и вижу его всё ещё стоящим перед открытой дверью, с перекрещенными ногами.

Снова отворачиваясь обратно, пока не захожу за угол и не нахожу ближайший лифт, совершенно растерянная по поводу того, что сейчас произошло. В некоторые моменты Истон смотрит на меня так, как будто действительно хочет. В другие — как будто сквозь меня. Я никогда не могу предугадать, какую версию Истона увижу, когда я с ним, но у меня есть только час, чтобы прийти в себя перед тем, как мы начнем всё сначала, я надеюсь. Потому что в этот раз, есть потенциал для большего.

Глава 10

Истон

Нассау, Багамы

Не каждый день я меняю джинсы на плавки, но это то, что Джина назовет «попыткой». Обычно, сходя с корабля на Багамах, я думаю только об одном — взять в аренду джип и кататься по береговой линии до тех пор, пока не найду тихое и уединенное место.

Моей терапией с тех пор, как я сел на этот корабль, является написание музыки. У меня уже накопилось достаточно материала для записи нового альбома, как только вернусь домой. Сегодня, я не собираюсь работать над новой песней, или над концовкой той, которую не закончил на прошлой неделе. Сегодня, я веду Ларк на свидание, так как она этого заслуживает.

До неё, мне было достаточно периодически разового секса с девушками, с которыми не видел своего будущего. Даже полуотношения с агентом были чисто физическими. Не было никаких оснований привязываться друг к другу или видеть за этим что-то большее, чем внешняя привлекательность, которая свела нас с Ларк вместе в первый раз. Я думал, что будет так легко позволить ей уйти, пока она не посмотрела на меня, нуждаясь в большем, чем я могу ей предложить, потому что то, что я сейчас ей предлагаю, это не так уж много.

Это заставило меня задаться вопросом, может быть, правильным решением было бы позволить ей уйти. Да, проще и легче было бы просто забыть о ней. Проблема в том, что она уже взяла меня за яйца, как только я распробовал её. Я чувствую её прикосновения. Это не ничего ни выражающие рассеянные касания, к которым я привык. Ларк — нежная, заботливая и сексуальная, как ад, со своими волосами, стянутыми сзади и солнечными очками на макушке.

Это ставит меня в тупик, как она может быть настолько раскованной, когда я внутри неё, но застенчивой, когда нет. По моему опыту, все бывает как раз наоборот. Но она стоит рядом со мной, ссутулившись, как будто на неё сейчас что-то обрушится, ожидая

вспомогательное судно, которое корабль нанимает раз в неделю для перевозки пассажиров на небольшой остров.

— С тобой все нормально?

Она кивает головой, и очки падают ей прямо на нос:

— Ты выглядишь по-другому в этой одежде.

— Ну, я точно не смогу плавать в джинсах и кожаных ботинках.

— Куда ты меня везешь?

— У тебя есть два варианта. Мы можем либо перебраться на Атлантиду и побродить там или можем отправиться охладиться к коралловому рифу «Черная Борода».

Секунду она обдумывает, колеблясь:

— Я позволю тебе удивить меня. Я никогда не была ни в одном из этих мест.

Мы можем побыть наедине на Коралловом Рифе. Это главная туристическая достопримечательность для пассажиров на корабле, но есть значительная часть острова, которую никто не посещает.

— Тогда мы прогуляемся к Коралловому Рифу. Давай, мы должны попасть на эту лодку.

Она берет меня за руку и я веду её на вспомогательное судно на пристани, где уже началась посадка.

Мы стоим в очереди, я двигаюсь позади Ларк, позволяя ей прислониться к моему животу и моим рукам, обнимающим ее. Она легко устраивается в моих объятиях, и это пугает меня, потому что ощущается также, как было у нас с Шай. Я всегда держался вблизи от неё, потому что её прикосновения успокаивали меня, точно также, как и она расслаблялась рядом со мной.

Понимаю, что моё тело напряглось и я сжимаю Ларк слишком сильно. Я расслабляю мышцы и, Слава Богу, подходит наша очередь. После того, как я помогаю ей зайти на борт, двигаюсь в хвост лодки, пробираясь к последнему ряду сидений, где больше воздуха. Мне это очень нужно прямо сейчас.

— Как долго ехать? — Спрашивает она, обмахивая лицо рукой. Сейчас должно быть не менее 37 градусов жары.

— Минут десять.

Она стягивает свой топ через голову, открывая верх бикини цвета металлик, который едва прикрывает её груди. Я притягиваю её к себе на колени, в это время от мягкого толчка лодки от причала, наши тела отталкиваются в противоположную сторону. Её глаза расширяются, и она так крепко обвивает руками мою шею, что может задушить меня:

— Это всегда так жёстко?

— Я думал, что тебе так нравится?

Она ухмыляется, качая головой, потому что не может отрицать, как бы ни пыталась:

— Только с тобой по некоторой причине. Я никогда не делала это таким образом, но, думаю, ты уже знаешь об этом по моей реакции.

— Дааа, — смеюсь я, — Но, если честно, мне нравится, что я могу удивлять тебя.

Ларк отпускает меня, передвигаясь так, как будто хочет вернуться обратно на своё место рядом со мной, но я удерживаю её на коленях.

— Не думаю, что здесь мне можно так сидеть.

Она смотрит в сторону носа лодки, проверяя, не наблюдает ли кто-нибудь за нами. Никто не смотрит, пребывание в дальнем углу заставляет меня почувствовать желание увидеть, как далеко она мне позволит зайти.

Моя рука скользит вверх по её бедру, и она шлепает меня рукой:

— Они могут ничего не сказать по поводу того, что я сижу у тебя на коленях, но они могут высказаться по поводу этого!

— Ничего они мне не скажут.

— Почему?

— Они просто не будут ничего говорить, а если и скажут, я буду по-прежнему удерживать тебя там, где ты сейчас находишься.

— Ты всегда делаешь все по-своему? — Она ерзает своей попкой, пытаясь придвинуться ближе ко мне. Ларк попадает во все неправильные места и у меня нет никаких сомнений, что может чувствовать каждое из них.

— Обычно да, особенно когда я знаю, чего хочу.

— Таким образом, ты не просто выглядишь, как рок-звезда, но и ведешь себя также, как одна из них.

— Я думал, что мы уже установили это в моей постели прошлой ночью.

Она закрывает лицо руками, смеясь против своего желания:

— О мой бог, Истон.

— Ты говорила тоже самое прошлой ночью, красавица, — шепчу я ей на ухо, — более одного раза.

Наконец, она поднимает голову и через секунду смотрит на меня:

— Истон — это твое сценическое имя или настоящее?

— Немного и того и другого. Никто не будет покупать мою музыку, если я буду использовать свое настоящее имя или изменю его.

— Это не может быть так плохо.

— Это не здорово.

— Пожалуйста, расскажи мне.

— Я скрывал это многие годы. Насколько я понимаю, ты шпион из СМИ, находишься здесь, чтобы раскрыть правду. — Это должно звучать как шутка, но она делает паузу, мгновенно боль мелькает в её глазах, когда она понимает, что я не доверяю ей и ее намерениям. — Я не имел в виду то, как это прозвучало. Это была всего лишь шутка.

— Все нормально. Ты бы не сказал это, если бы в этом не было доли правды, но я не одна из поклонниц, которые хотят замутить с тобой и заработать на этом. Я не заинтересована в «Полночной судьбе», Истон. Я заинтересована в тебе.

— «Полночная судьба» и есть я.

Я живу и дышу музыкой вплоть до того, что она поглощает меня иногда. И я совершил достаточно ошибок, чтобы представлять из себя смесь успеха и провалов в музыке.

— У тебя есть собственная личность. Думаю, часть её я уже видела.

— Ты не знаешь и половины, Ларк.

То, что, как она думает, она увидела, вероятно, было неправильно истолковано в чувства, которых там на самом деле не было. Могу гарантировать, что она не имеет ни малейшего представления, какие мысли крутятся в моей голове каждую секунду каждого дня. Главным образом потому, что я сам не всегда понимаю их.

Например, сейчас, я должен быть сосредоточен исключительно на Ларк. Должен убедиться, что у неё будет идеальный день, в то время как на самом деле, беспокоюсь что то, что мы делаем, в конечном итоге причинит ей боль. И ещё надо принять во внимание, что есть Шай. Я волнуюсь, что она наблюдает за каждым нашим движением, ожидая от меня

причинения ей боли, даже несмотря на то, что я сразу остановился, если бы думал, что ей больно — даже на Небесах.

— Извини, — говорит она, когда чувствует перемену в моем настроении, — я ничего такого не имела в виду. Просто хочу тебя узнать, думаю, твоя музыка удивительная, но не по этой причине я интересовалась.

— Не извиняйся. Все хорошо. Говоря о хорошем, нижняя часть этого купальника также мала, как и его верх?

Она кусает губу, поглядывая на свою грудь:

— Он не так уж и мал. Все прикрыто.

— Красавица, одна достаточно большая волна и эти хорошенькие, розовые соски будут открыты на всеобщее обозрение.

Ларк открывает рот, оглядываясь по сторонам, не услышал ли кто-то меня:

— Тебе нужно следить за тем, что ты говоришь, Истон.

Очень мало что беспокоит меня в эти дни. Не после жизни в автобусах и самолетах. Наш первый год в пути, я не верил в слова, нет. Если мои товарищи по группе хотели это сделать, мы делали — даже если это втягивало нас в участие в драках, ради торжества справедливости по пути.

— То есть, тебя не побеспокоит, если я сделаю это? — Я скользну пальцем под край тонкого кусочка материи, покрывающей её, пробегая кончиком пальца по соску.

Она отбивает мою руку, останавливая движение и спасая себя от дальнейшего смущения. Я поднимаюсь, ставя её на палубу перед собой. Ларк поднимает свою сумку, но тянется к моей руке, крепко сжимая её, как будто боясь, что я снова буду лапать её.

После того, как мы сходим с лодки, она остается рядом и, глядя на меня говорит:

— Твои глаза такого же цвета, как вода.

— Да?

— Да, они мне очень нравятся, — признается она, глядя на дорожку перед собой, а не на меня, как до этого. Вернулась застенчивая Ларк.

— А твои заставляют меня думать о Печеньковом Монстре.

— Что? — Говорит она со смехом. — Я сравниваю тебя с красивой водой, а ты меня — с Маппетом?

— Могло быть и хуже. Если бы они у тебя были коричневые, я мог бы сравнить их с «дерьмовым» смайликом на моем телефоне, — она отворачивается от меня, смесь шока и улыбки отражается на её лице. Рассмотрим это, как своего рода испытание: если она настоящая — у неё будет чувство юмора. Мне не нужна чопорная цыпочка, больше беспокоящаяся о том, чтобы играть в искренность, чем такой являться на самом деле.

Некоторые черты характера ты просто не сможешь подделать. Чувство юмора — одно из них. — Это не так уж плохо.

— Мы действительно говорим о Маппетах и какашках на нашем первом свидании? Потому что тогда я прекращу разбрасываться комплиментами в твою сторону и вместо этого буду подкалывать тебя.

— Дорогая, это не было бы свиданием без веселья.

— Говоря о веселье, куда ты меня ведешь? Действительно ли нам разрешат вернуться сюда? — Забрасывает меня Ларк вопросами, пока я иду за одну из небольших палаток с едой на другом конце острова. — Все остальные держатся около пристани.

— Ты всегда играешь по правилам?

— Обычно, да, я предпочитаю держаться подальше от неприятностей.

— Я втяну тебя во все виды неприятностей.

Ларк взвизгивает, когда я беру её на руки и перебрасываю через плечо, её сумка падает в песок рядом с дорожкой. Я не поднимаю её, потому что мы уже на месте, рядом с пальмами, куда я хотел её отвести.

Опустив её на песок, я беру длинную палку, прислоненную к дереву, и тычу ей в кокосы над головой.

— Подожди! Дай мне отодвинуться, прежде чем я получу по голове.

— Хорошая мысль, я привык это делать в одиночку, — я тычу в первый орех, который могу достать, и он легко падает на землю, — держи второй, — говорю я Ларк, в то время как подбираю орех и несу его в хижину на другой стороне дороги. Оказавшись внутри, я вскрываю его, как меня учил Аки, и вставляю две трубочки внутрь.

Ларк замечает меня сразу, как только я выхожу из хижины, ее глаза засветились, как только она увидела трубочки внутри кокоса:

— Это безопасно пить?

— Да, я делаю так каждую неделю. Представь, что мы потерпели кораблекрушение. Том Хэнкс умер бы на этом острове без кокосов.

— Это было кино. Не думаю, что это стоит брать в расчет. Он выжил бы в любом случае.

— Туше. Но если бы это было в реальной жизни прямо сейчас, ты была бы благодарна мне за это.

— Это и есть реальная жизнь, — напоминает она мне, осторожно. Её расположение духа слегка падает от моего бездумного комментария. Даже мое подсознание не уверено в том, что я делаю.

— Правильно, что я имел в виду — вскоре ты увидишь разгуливающий вокруг персонал с дорогим холодным алкоголем в скорлупе кокосового ореха, реальней не бывает. — Возможно, она купится на мое бездарное прикрытие, но, если от этого у неё не появится улыбка на лице, мне придется найти другой выход.

Она продолжает молчать, пока пьет, тыча трубочкой в толстый слой белой мякоти внутри скорлупы:

— Ты упомянул о правилах, тебя когда-нибудь арестовывали? Или это все рокерский миф — что вы все часто попадаете в тюрьму?

Я не ожидал такого вопроса, и мне надо подумать, насколько честно я хочу ей ответить.

— Меня трижды арестовывали. В первый раз — это была пьяная ночь на гастролях в Париже. Я вышел из себя, весь бар был вовлечен в драку и следующее, что я помню — меня засовывают в полицейскую машину с самой противной сиреной на планете. Этот звук отличается от сирен в Штатах. Второй арест произошел во время моего весеннего перерыва за «нарушение открытой тары» (open-container violations — закон в США, запрещающий иметь при себе открытые и не прикрытые спиртные напитки в общественном месте). И так как я был пьян в связи с наличием у меня уже упомянутой выше открытой тары, это привело к ещё одной драке. Последний арест был не так давно.

Последний арест уже касался Шай, и поскольку я не был готов рассказать Ларк об этой огромнейшей части моей жизни, я опускаю причину, по которой меня забрали последний раз. Даже притом, что большая часть того дня до сих пор для меня, как в тумане, его начало и конец я никогда не забуду...

Дом сжимает мою руку в похоронном бюро, умоляя успокоиться. Но всё, что я вижу — это лица людей, которые, как я полагаю, любили её, разрозненно стоящих в комнате — очень немногие из них видели Шай в последние дни её жизни. Где все они были, когда ей было трудно дышать в середине ночи? Где они все были, когда она, находясь в больнице, умоляла меня забрать её домой, чтобы они перестали втыкать в неё иглы. Они бросили её, когда Шай нуждалась в поддержке, объявившись только тогда, когда все уже было сказано и сделано. Как будто их присутствие хоть как-то компенсирует всё дерьмо, через что мы прошли.

— Мне не следовало приходиться сюда, со всеми этими мудаками.

— Ты должен остаться, чтобы попрощаться с ней. Ты будешь потом сожалеть, если не сделаешь это.

— Я всё, что нужно, сказал ей, когда она была жива.

Вытаскиваю из внутреннего кармана пиджака флягу, которую я убедился, что заполнил, прежде чем выйти из дома сегодня. Это единственная вещь, которая может сдержать меня от побега до стоянки, где у меня припасена полная бутылка виски в багажнике.

Через приоткрытую дверь вижу родителей Шай в конце очереди встречающих, они входят со стеклянными глазами и фальшивыми улыбками. Весь день — это одна большая игра, позволяющая сделать вид, что с нами все хорошо, когда на самом деле это не так. Как будто мы только что не потеряли единственную лучшую вещь, которая когда-либо случалась с нами.

— Пожалуйста, убери алкоголь, Ист. В конечном итоге ты пожалеешь об этом.

Я трясу фляжкой, отсутствие моего нового лучшего друга бесит меня:

— Она пустая.

— Хорошо. Это дерьмо убьет тебя, если ты не притормозишь.

На минуту, мысль о смерти кажется мне не такой уж и плохой — по крайней мере, я снова буду с Шай. Это последняя полусознательная мысль, которую я помню, перед тем как очнуться на холодном полу в центре города. В тюрьме, где они думают мне и место.

Не знал, что у меня был адвокат, но он сидит рядом со мной, держа полицейский отчет со списком моих правонарушений — нахождение в общественном месте в нетрезвом виде, нарушение общественного порядка и намерение вести машину в состоянии алкогольного опьянения.

— Меня посадят за это?

— Ты уже здесь сидишь, но я использовал некоторые связи с учетом всех обстоятельств. Родители Шай также переговорили с властями и признали тот беспорядок, который ты натворил, одним большим недоразумением. Ты должен поблагодарить их за это. Судья уже готов был признать тебя виновным — целых три правонарушения и тебя бы закрыли.

— Так я могу идти домой?

— Сможешь, как только достаточно протрезвеешь, чтобы туда добраться.

Я должен был обозлиться тем, что попал в тюрьму, но я больше расстроен тем фактом, что должен извиниться перед родителями Шай — за то, что испортил день, когда они должны были похоронить свою дочь.

Мне бы не хотелось, чтобы это стало прощальным подарком мне от Шай — спасти мою задницу — перед тем, как окончательно оставить меня полностью самостоятельным в этом мире, хотя, скорее всего так и есть. Только я мог подвести её в день похорон.

Несмотря на предоставленное освобождение, Дому не требуется много времени убедить

меня по пути домой, что я нуждаюсь в смене обстановки. Если конечно не хочу закончить в тюрьме, что, блядь, намного хуже, чем пьяная тирада на похоронах...мне надо покинуть Нью-Йорк.

Не знаю пока, куда я направляюсь. Но это будет такое место, где я смогу здраво мыслить — даже если это будет казаться невозможным без моей девушки.

— У тебя есть запись?

— Только упоминания, но ничего существенного. Я никогда не сидел в тюрьме, кроме одной ночи, проведя её в ожидании появления адвоката. Хотя, если я ещё раз сделаю неверный шаг, то вполне вероятно, меня могут закрыть на долгое время.

Я ожидаю, что она спасует или будет стыдиться меня, возможно даже встанет и уйдет, но этого не происходит. Она терпеливо сидит на песке рядом со мной:

— Ну, думаю, для этого были веские причины. Век живи — век учись, верно? Это же не похоже на то, как если бы ты украл съедобные трусики из Уоллмарта и тебя схватили с поличным.

— Пожалуйста, не говори, что это случилось с кем-то из твоих знакомых.

Ларк улыбается, смеясь над тем, что сказала:

— Нет, но я узнала об этом от друга. Есть извращенцы в этом мире.

Мой взгляд падает на длинные ноги Ларк, внезапно возникает желание почувствовать их сейчас, снова обнимающих меня, потому что уже знаю, на что они способны.

— Жарко, действительно очень жарко, — бормочу я, запинаясь.

Она встает, все еще наполовину одетая:

— Ты идешь в воду?

Твердо стоя на ногах, придвигаюсь ближе к ней до тех пор, пока не начинаю чувствовать движения её груди во время вдоха и выдоха. Тянусь рукой вниз и легко расстегиваю её шорты. Цепляю пальцем край джинсовой ткани и тяну их вниз по бедрам, позволяя им упасть на песок под нами. Из всех сил стараюсь сдержаться, чтобы полностью не раздеть её, прямо здесь, прямо сейчас.

Её длинные волосы прилипли к шее, в то время как капелька пота стекает вниз по коже, останавливаясь в ложбинке между грудями. Я наклоняюсь вперед, слизывая ее кончиком языка.

— Ты готова намокнуть, Ларк?

Она проходит мимо меня в сторону кромки воды, оглядываясь через плечо, пройдя половину пути, соблазняя и дразня меня. Едва она касается пальцем ноги воды, я беру её за руку и тяну за собой. Она идет за мной, не отставая и держа руку за моей спиной.

Мы успеваем зайти только по пояс, когда она выдерживает свою руку из моей. Она вскрикивает и разворачивается так быстро, что я думаю, она так играет. Поэтому, я хватаю ее за талию, готовясь опрокинуть в воду, пока она больно не впивается ногтями в мою руку.

— Остановись, — кричит она.

Я ослабляю хватку, поворачивая Ларк в своих руках. Развернув, вижу все, что угодно на ее лице, кроме игривости, как я думал. У нее паника, поэтому я беру ее лицо в руки, ожидая, когда ее взгляд сфокусируется на мне. Наконец, я спрашиваю ее, глядя в глаза:

— Что случилось?

Её подбородок дрожит, глубокий страх переполняет ее:

— Я...я не могу здесь находиться.

Я отпускаю её лицо, вместо этого обнимая её. Ларк обвивает ноги вокруг моей талии, и

внезапно я превращаюсь в её собственный персональный спасательный круг. У неё так сильно бьется сердце, что я могу чувствовать удары каждый раз в тех местах, где мы соприкасаемся кожей.

— Просто дыши, я держу тебя.

— Я пытаюсь, — шепчет она.

Я глажу ей спину, крепко держа ее, в то время как тело Ларк дрожит в моих руках:

— Что случилось?

— Я действительно пыталась, но что-то коснулось моей ноги, — отвечает она суетливо.

— Это вероятно были водоросли или ракушки. Здесь ничего нет, кроме нас — ну и, возможно, рыб.

Упоминание рыб только делает ситуацию еще хуже.

— Я должна была сказать тебе, когда мы только сели на лодку, но я думала, что, возможно, только в этот раз, мой страх не будет так явно проявляться из-за тебя.

— Чего именно ты боишься?

— Акул, — отвечает она, также серьезно, как дышит. Я пытаюсь не рассмеяться, но её лицо такое милое, когда она говорит об этом серьезно, что один смешок случайно вырывается, прежде, чем я могу остановиться.

— Я рада, что ты находишь меня забавной.

Её хватка ослабевает, она разворачивается и подныривает в сторону берега. Когда она всплывает, я оказываюсь прямо рядом с ней, дотягиваясь до её талии и потянув её назад, в свои объятия. Она не пытается выбраться, но и не цепляется за меня, как раньше.

— Извини, — пальцами я смахиваю капельки воды, упавшие на её ресницы. Она кажется удивленной этим жестом, сузив глаза, но позволяя мне касаться ее.

— Твои страхи вовсе не смешны, Ларк. Они просто застали меня врасплох. Я не ожидал, что ты опасаясь быть съеденной акулами, потому что когда ты собралась идти в воду, то выглядела очень уверенной в себе. Но позволяя себе быть уязвимой, как сейчас, ты помогаешь мне увидеть, какая ты на самом деле. Ты заставляешь меня желать узнать больше о тебе.

— Я могу сказать то же самое о тебе.

Сейчас вода доходит мне только до бедер, чуть выше у неё, но я не хочу, чтобы она боялась, особенно когда она находится со мной:

— А здесь стоять нормально?

Она кивает головой, на её губы падает еще несколько капель воды. Одним движением большого пальца я избавляю её и от них тоже. Она наклоняется к моей ладони, охватывающей её щеку, медленно моргая, как будто она могла бы видеть меня первый раз снова и снова.

— Мне больше не страшно.

— Что случилось?

— У родителей Гранта был дом в бухте. Мы с компанией наших друзей должны были провести все лето на пляже — это была мечта любого школьника. Я никогда не боялась до тех пор, пока не поскользнулась и не упала с причала за домом. Ранее на той недели недалеко от этого места, там была замечена пара акул. Упав в воду, я подумала, что умру. Если бы Грант не прыгнул за мной, я не знаю, чтобы бы случилось, потому что я так запаниковала, что забыла, как плыть. Я просто барахталась и крутилась вокруг, делая из себя еще большую мишень для акул. На следующий день, одну акулу видели около нашего

причала.

— Боже мой, я бы сказал, что у тебя есть полное право бояться. Грант — твой бывший?

— Если считать, уже два месяца как.

— Я бы поблагодарил его, но, судя по твоему лицу, это закончилось не очень хорошо.

Она смотрит в сторону от меня, уставившись на воду, как будто бы скучая по нему.

— Разве расставание может заканчиваться хорошо?

— У меня нет ответа на это.

В основном потому, что я никогда не расставался с Шай — она скончалась. Другие мои связи не были достаточно серьезными, чтобы приравниваться к какой-то драме. Вы должны вкладывать в отношения, чтобы они имели достаточно значения для того, чтобы за них бороться, а я не вкладывал.

— Все нормально, мне не нужен ответ. Не после того, что я пережила.

— Два месяца — это не такой большой срок. Судя по всему, ты все еще переживаешь.

Я до сих пор переживаю дерьмо, случившееся год назад, поэтому даже не могу представить, с чем она всё ещё имеет дело.

— Иногда это ощущается так, как будто уже прошла вечность. В другие — как будто было только вчера.

Тон её голоса для меня — первый признак того, что она его любила. Но что я не могу понять, почему он был настолько глуп, чтобы позволить ей уйти.

Понимаю, что мы дрейфуем, пока говорим, потому что вода снова Ларк по пояс. Её взгляд мечется вокруг, так что я окунаюсь в воду до уровня ее глаз. Я кладу руки ей на бедра в случае, если она захочет снова держаться за меня:

— Ты хочешь выйти из воды?

Её руки находят мои плечи, пока она смотрит мне в лицо и потом на мою грудь над водой:

— Со мной все в порядке, если ты не возражаешь, что я буду немного цепляться за тебя.

— Детка, просто возьми то, что хочешь.

Даже, под жаром тропического солнца, она краснеет:

— Я думаю, что это твой девиз — бери то, что хочешь.

— И как, это работает до сих пор?

Её губы нежно касаются моих:

— Я была очень удовлетворенной.

Я скольжу рукой по её животу и поигрываю с краем низа бикини, дразня её через ткань: — Я не хочу, чтобы ты думала о том, где был он. Я хочу, чтобы всё, о чем ты думала — как нам было хорошо, и где был я.

Затаив дыхание, она прикусывает меня за плечо, в то время как я продолжаю дразнить ее.

— Возможно, я нуждаюсь в постоянном напоминании об этом, — шепчет она.

— Я буду напоминать тебе целый день, если придется. Ты нуждаешься во мне, Ларк, мы нуждаемся друг в друге. Обещаю, я усвоил урок.

Глава 11

Ларк

Было бы так просто вернуть Гранта — забыть об его неоднократных изменах. Но всякий раз, видя его, думая о нем, я представляю ее. Их объединяло нечто совершенно иное, что-то, чего не было у нас — нечто взрывоопасное. Оно не могло прекратиться немедленно. Не

после их уровня близости.

— Я не могу.

В ответ в трубке слышан его вздох разочарования. Я никаким образом не смогу этого сделать. Если я вернусь к Гранту, то всегда буду задаваться вопросом, думает ли он о ней, пока находится со мной. Будет ли он сравнивать нас? Скучать по тому, что у них было? Желать, чтобы я была больше похожа на нее? Этот клин всегда будет стоять между нами, и я не могу безоговорочно любить того, кому не доверяю.

— По крайней мере, ты получила цветы, которые я тебе посылал?

— Да, — шепчу я, глядя на кухонный стол, на деревянной поверхности которого разбросаны осколки разбитой вазы, стебли прекрасных красных роз беспорядочно лежат поверх них. Я всегда задавалась вопросом, каково это, получить цветы на День рождения и годовщину, но их никогда не было. Гранту потребовалось изменить мне, чтобы он наконец подарил их.

— Они не заберут всю боль, которую я тебе причинил, но Ларк, ты нужна мне. Ты единственная, с кем я хочу быть. Ты моя девушка.

— Если ты хотел меня, ты никогда бы не был с кем-то другим. Ты бы не изменил тому, кому отдал свое сердце, с кем хотел разделить свой дом и свою жизнь.

— Я терял тебя, Ларк. Я это чувствовал, и совершил глупость.

— Это не моя вина, что ты сделал. Я приходила к тебе домой каждую ночь своей жизни. Я звонила тебе в обеденный перерыв. Когда у меня была свободная минутка между клиентами, я писала тебе электронные письма или посылала смс-ки. Ты был единственным в моих мыслях, Грант, не смотря на всех, с кем я пересекалась каждый день, потому что была влюблена в тебя.

— Ты проводила свой день с людьми, которые могли набить твои карманы деньгами — музыканты, спортсмены, актеры. Что, если бы я потерял тебя из-за одного из них? Я бы остался ни с чем.

— Ты и так потерял меня, и мне не нужны деньги для счастья. Все, что мне было нужно, — это ты.

На другом конце линии раздается разочарованное рычание. Зная его, представляю, как он расхаживает вперед-назад по комнате, задрав голову с прищуренными глазами. Забавно, насколько хорошо я его знаю и, тем не менее, долгое время была слепа.

— Мне нужно, чтобы ты поверила мне. Она ничего не значит. Абсолютно ничего.

— Для кого-то столь незначительного, ты провел с ней слишком много времени. Просто признай, ты чувствовал безумное влечение к ней, потому что она позволяла воплотить в жизнь твои фантазии, о которых ты не мог попросить меня, а потом ты попался. Тебе не угрожала моя работа. Тебе просто было скучно.

— Ларк, пожалуйста. Не делай этого с нами.

— Ты сам все сделал. Этот разрыв — не моя вина. Она — твоя.

— Мне нужно еще раз увидеть тебя. Я могу быть у тебя через десять минут.

— Грант, я не могу этого сделать. Не звони, не приходи, и прекрати присылать мне цветы. Я просто выброшу их. — на самом деле, это ложь. Может быть, я и разбила вазу с цветами, но, как только повешу трубку, уже знаю, что поставлю их в новую и налью воды. Может быть, мои отношения и умерли, но это все, что у меня осталось от того, что, как я думала, любила — все это не так легко отпустить.

— Пожалуйста, десять минут.

— Нет, я все сказала. — Я нажимаю кнопку завершения разговора и бросаю телефон на кухонную стойку.

Внезапно, меня начинает знобить. Когда я открываю глаза, в комнате царит полумрак, и я чувствую себя сбитой с толку. Ожидаю увидеть Ноэлль, когда поворачиваю голову, но это Истон. Он гладит мою руку с обеспокоенным выражением лица.

— С тобой все хорошо? Тебе что-то снилось.

— Да?

— Да, возможно, кошмар.

— Я что-нибудь говорила? — Прежде чем он отвечает, могу сказать, что говорила. Я уже знаю о том, что могу разговаривать во сне. У Ноэлль уже есть множество грязных подробностей из-за чуши, которую я выбалтываю во сне, когда нахожусь в отключке. Довольно скверно, когда она слышит меня, но еще намного унижительней знать, что то же самое слышал Истон. Вот почему я отворачиваюсь и накрываюсь, пока еще в состоянии дышать.

— Не прячься от меня, Ларк. Ты в моей постели. Расскажи мне, что не так?

Расстроенная слеза скатывается по щеке, но я смахиваю ее до того, как за ней последует еще одна.

— Ничего, — вру я.

— Ты бы не плакала, если это было «ничего».

Я хочу перевернуться и посмотреть ему в лицо, но не могу. Не могу, если я задумала рассказать правду о том, почему Грант меня больше не хотел.

— Я работаю в департаменте по связям с общественностью. Через меня проходит большое количество крупных клиентов. Я люблю свою работу, но, по-видимому, Гранту это не нравилось. Он был настолько уверен, что я брошу его, ради одного из моих клиентов, что нашел мне замену раньше, чем было нужно, — только я не бросала его, а он продолжал быть с нами двумя. Мой сон был о ночи перед тем, как мы должны были отправиться в Круиз, когда он позвонил мне, убеждая принять его обратно. Когда я не согласилась, он приехал в мою квартиру.

— Это поступок ебаного хрена.

Я улыбаюсь над его выбором слов. В этом весь Истон.

— Да, что за хрен.

Истон поспешно придвигается ближе ко мне, прижимая меня к себе спиной. Обнимает меня за талию и кладет подбородок мне на плечо, его дыхание щекочет мне мочку уха.

— Сначала этот парень спасает тебя от возможного нападения акулы, что является положительным качеством, но последующая измена делает его ничтожеством.

Он не ошибся. У Гранта множество качеств — но преданность и честность не были одними из них. Но я не хочу, лежа с Истоном, разговаривать о другом парне, даже если Грант до сих пор остается большей частью моей жизни — разбитой или нет.

— По крайней мере, на этой неделе ты получила возможность извлечь выгоду из всего этого.

— Должен признать, это был самый лучший секс из мести, который у меня когда-либо был. В первую же секунду, как прикоснулся к тебе в театре, я понял, что у тебя на уме еще кто-то. И моей миссией стало исправить это.

Каждый раз с Истоном именно его тело я чувствую на своем, но, закрывая глаза, меня продолжают преследовать образы Гранта с его шляхой. Это подстегивает трахать Истона

еще жестче — как доказательство Гранту моей способности дать мужчине все, в чем он нуждается.

Возможно, однажды, мои дни начались и закончились с Грантом — тогда моя жизнь была прекрасна, и я не могла представить, что мы когда-нибудь столкнемся с трудностями, но все ушло. Сначала он достал мне луну с неба, а потом заставил возненавидеть себя.

— Как ты узнал?

Истон целует мое плечо, его губы ощущаются теплыми и мягкими на коже. Наконец он говорит:

— Потому что я знаю, на что это похоже — трахаться, чтобы забыть.

Боюсь даже спросить, что он имеет в виду, особенно после того, как услышала его песню на представлении и обнаружила татуировку на спине. Насколько сильно я хочу узнать все факты, настолько же я не готова услышать о ком-то еще. Не в том случае, если это напомнит мне о том, что случилось со мной, прежде чем я встретила Истона.

Поэтому, вместо того, чтобы давить на него, я переворачиваюсь в его руках и прижимаюсь ближе к его груди. Простыня опускается, обнажая блестящий кусочек металла. Я вглядываюсь в пирсинг на его сосках:

— Когда ты его сделал?

— Давным-давно. Я раньше не одевал его.

— Ничего себе. Я понятия не имела.

Он берет мою руку и кладет ее на грудные мышцы, поощряя меня к исследованию.

— Это первый, который ты видела?

— Да. — Я аккуратно прикасаюсь к нему пальцем, опасаясь сделать ему больно, если трону слишком сильно. Он убирает мои волосы с лица, и я чувствую, что Истон наблюдает, как я трогаю его.

— Что? — шепчу я, пока снова пробегаю кончиком пальца по его соску.

— Если бы ты не была полностью моим типом, я, возможно, беспокоился бы о том, что мы настолько разные.

— А какой твой тип?

Он ждет, пока я посмотрю на него, и награждает меня искренней улыбкой, которую мне хотелось бы запомнить, чтобы я больше не беспокоилась о том, что забуду ее.

— Думаю, я смотрю на него.

— Да? Даже вопреки тому, что у меня нет татуировок? И у меня не пирсинга нигде, кроме ушей. К тому же, ты вряд ли найдешь что-то кожаное в моем шкафу.

— Для начала, я предпочитаю черное кружево, похожее на те крохотные кусочки, которые ты носишь.

— Что еще тебе нравится?

— На самом деле не пирсинг и боди-арт должны иметь значение, или что у тебя есть, а чего нет. Все что должно иметь значение — это ты сама. Ты сексуальна, даже если не пытаешься таковой быть, и именно это делает тебя моим любимым типом.

— Ты абсолютная противоположность мужчин, с которыми я встречалась. И если быть честной, это немного меня пугает, но думаю, что больше должна беспокоиться о твоём образе жизни, чем о чем-то другом. Можно еще вопрос?

— Да, но если ты хочешь спросить, изменял ли я, возможно, мне это не понравится.

— Как ты узнал, о чем я собираюсь тебя спросить?

— Потому что это одна из причин, почему твои прошлые отношения не сработали. Если

бы ты не была обеспокоена этим, то я бы подумал, что ты не принимаешь меня всерьез — и мы бы просто трахались.

— Я думала, что у нас была договоренность — никаких ожиданий.

— Не нужны ожидания, чтобы быть хорошим человеком.

— Означает ли это, что ты не ответишь на мой вопрос? — Я не уверена, почему для меня так важно услышать его ответ. Насколько я понимаю, он мог бы соврать мне, совершенно разрушая доверие, которое я готова была в нем найти. С другой стороны, он мог бы сказать, что изменял, и это не было бы лучше. Все, что мне нужно на самом деле, — это правда — не важно, в какой форме она поступит.

Он не кажется расстроенным, так как тянет меня на себя сверху, его сильное тело прижимается к моему. Я могла бы легко раствориться в этом состоянии, совершенно забыв о разговоре. Но его глаза втягивают меня в их собственную историю.

— Меня обвиняли в некоторых довольно дерьмовых вещах на протяжении многих лет, но я никогда не изменял своей подруге. Потому что только одну вещь тебе надо понимать обо мне, и я не хочу, чтобы ты об этом забывала.

— Я не буду. — Он даже еще не сказал мне, но я уже верю ему.

— Ларк, если у тебя есть я, значит, ты получаешь всего меня — это чертово обещание.

Получив ответ — ответ, в котором я отчаянно нуждалась, я прижимаюсь щекой к его щеке, поигрывая со штангой пирсинга в его соске.

— Спасибо за то, что держишь штаны надетыми.

Я отскакиваю от него из-за его смеха, но он крепко держит меня, поэтому я не падаю на матрас.

— Детка, на мне вообще нет штанов.

— Ты знаешь, что я имею в виду — говоря гипотетически. Я не была уверена, скажешь ли ты об этом честно, или скажешь мне то, что, как ты думаешь, я хочу услышать.

Перед тем, как осознаю, что происходит, я оказываюсь на спине с решительным Истоном сверху, поддерживающим себя по обе стороны от меня.

— Давай прямо сейчас проясним одну вещь, красавица. Когда я хочу кого-то, я хочу все в нем — ум, тело и душу. Это означает, что я отдаю столько же доверия, сколько хочу получить. Я никогда в своей жизни не изменял женщине. И я не собираюсь начинать это делать с тобой.

Это именно те слова, которые я хотела от него услышать. Что не смотря на его работу и количество женщин, с которыми ему приходится контактировать ежедневно, ему всегда было бы достаточно только меня.

— Когда ты впервые сказал, что работаешь на этом корабле, я была немного обеспокоена, что у тебя здесь кто-то есть. Шесть месяцев — это слишком долгий срок, чтобы обойтись без секса.

— Первые три месяца своего контракта я провел с крупье из казино. После того, как ее контракт закончился, она его не возобновила. Я получил от нее e-мэйл через пару дней после того, как она ушла, в котором рассказывала, что устроилась на работу в Vegas. Это был наш последний разговор.

— Ты не захотел оставаться с ней на связи? Ты хотя бы ответил ей?

— Нет, это был просто секс, Ларк. Как только она ушла — все закончилось, это было соглашением. Думаю, она написала мне лишь для того, чтобы быть свободной в своих дальнейших действиях без чувства вины. Потому что, даже не смотря на то, что мы замутили

с ней случайно, я все еще уверен, что это было эксклюзивно. Я не делюсь ни с кем и не изменяю. Когда ты в моей постели, тебе лучше больше ни с кем не встречаться на стороне.

Я раздумываю по поводу нашего соглашения с Истоном, и мне интересно, является ли закономерностью то, как он ведет себя с женщинами. Узнала ли крупье о нем больше, чем я? И воспользовался ли он шансом со мной только из-за «Идеальный Пары»? Потому что, если уж на то пошло, у меня нет абсолютно никакого понятия, кто такой Истон, кроме как пары вещей, которыми он поделился со мной. Может быть, я здесь только для того, чтобы предоставить ему неделю умопомрачительного секса.

Как только он целует меня, часть беспокойства исчезает, а об остальной части я просто пытаюсь забыть. Я даже приняла для себя решение, что, если это просто секс, я это приму. Я должна это сделать, потому что, кому бы ни принадлежали крылья, расположенные на его спине, — она единственная, кто всегда будет владеть его сердцем.

Глава 12

Ларк

— Ты расскажешь мне о ней?

Истон приподнимает голову от моего живота, пока я играю с солеными от моря прядями его волос.

— Про кого?

Возможно, он будет нервничать, если я надавлю, но, увидев крылья на его спине, мне необходимо выяснить, почему они там. Поэтому я решаю спросить его:

— Про девушку, о которой ты пел. Это ее крылья, так ведь?

Истон замирает, как будто я не должна была его разгадать. У меня всегда хорошо получалось читать людей, поэтому сейчас чувствую, что Истон хочет спрятаться.

Я жду, предоставляя ему необходимое время для ответа, но он просто кладет голову мне на живот и говорит:

— Не сегодня, Ларк.

Сначала, я принимаю это близко к сердцу, но потом вспоминаю, каково это, раскрыть секреты, существование которых вы не желаете открывать. И это единственная причина, почему я готова подождать. Он не собирается рассказывать мне о шрамах, если их корочка еще не зажила. Нам еще предстоит пройти долгий путь, и нет необходимости покорять эту гору за один день. Поэтому я говорю:

— Хорошо, — и действительно имею в виду именно это.

Возможно, он ожидал борьбы с моей стороны, потому что его поцелуй в живот ощущается, как молчаливая благодарность.

— Я могу так оставаться всю ночь, Ларк, но должен в скором времени играть.

— Ты выгоняешь меня?

Он кусает мое бедро, недостаточно сильно, чтобы причинить боль, но достаточно для того, чтобы его потребность прикоснуться ко мне вернулась.

— Нет, я бы никогда не выгнал тебя, но жду твоего возвращения в мою постель после представления.

— Ты ждёшь этого? — утрирую я игриво, приподнимая свои бедра над кроватью. Все, что ему необходимо сделать, это немного высунуть язык, и этого для меня было бы достаточно. Вместо этого, он скользит вверх по моему телу, чередуя покусывания с легкими поцелуями.

Достигая груди, он останавливается.

— Ты выглядела бы чертовски сексуально с проколотым соском. Может, даже двумя.

От мысли о ком-то, прокалывающим меня иглой, особенно там, меня передергивает. Я не уверена, что создана для такого вида боли — даже если она временная.

— Я скорее бы сделала татуировку, чем пирсинг.

Он ухмыляется, его глаза бродят по моей нетатуированной коже.

— Ты должна увидеть, чего желаешь. Я знаю нужных людей.

Как раз, когда Истон выглядит так, будто готов проглотить меня, я выскользываю из-под него, уже сожалея, что оставляю тепло его постели, как только холодный воздух из вентиляции достигает моих ног. Моя одежда до сих пор влажная от купальника, из-за чего кажется, что в комнате еще холоднее.

— Черт, она ледяная.

Истон перегибается через край постели, взяв в руки футболку, которую он носил, прежде чем бросить ее в меня:

— Как мне не ненавистно, когда ты прикрыта, но надень это. — Футболка бьет меня по щеке, заставляя нас обоих засмеяться, когда у меня все падает из рук.

Я снова наклоняюсь, запихивая все влажные вещи в свою пляжную сумку, перед тем как натянуть его футболку на себя через голову. Ее едва ли достаточно, чтобы прикрыть меня, но зато теплее, чем стоять здесь голой. Поворачиваясь обратно, обнаруживаю Истона с одной рукой — под головой, а второй — поглаживающей свой ствол, и наблюдающего за мной.

— Что ты делаешь?

— Думаю о тебе, проделывающей весь путь до своей каюты без ничего под футболкой.

Я медленно начинаю приподнимать футболку, все выше и выше, дюйм за дюймом, пока его челюсти не сжимаются, и все тело не напрягается.

— Ты обеспокоен тем, что кто-то это увидит?

— Я хочу, чтобы ты вернулась ко мне сегодня вечером — одетая также, как сейчас.

— В этой же футболке без ничего под ней?

— Без единой вещи под ней. Поняла?

Я киваю головой, тяжело сглотнув при взгляде на него — твердость скалы в его руках. Ноги сами притягивают меня ближе к его кровати, подальше от двери и направления, в котором, предполагается, я должна идти. Но так я себя чувствую рядом с Истоном — трудно уйти и проще остаться.

— Тебе нужна помощь с этим?

— Что у тебя на уме?

Я позволяю сумке упасть на пол возле кровати, мои пальцы прочерчивают путь от его горла до его руки.

— А чего ты хочешь?

— Возьми меня в рот, Ларк.

Я забираюсь обратно в постель и располагаюсь между его ног лицом к нему, но он останавливает меня, и, зацепив рукой мою ногу, разворачивает в противоположную сторону. Каким-то образом за то время, пока я шла от дивана до кровати, все перестало быть только для него и стало для нас.

— Расслабься, детка. Ложись на меня.

Я даже не осознавала, что замерла в предвкушении того, что произойдет, трудно думать о чем-то другом, кроме как о вероятной перспективе, но я слушаюсь, ложась, как он мне сказал.

— Теперь я могу трогать тебя?

— Ты никогда не должна спрашивать у меня разрешения, Ларк. Если ты что-то хочешь, возьми это.

Он следует собственному совету, сжимая мою задницу и зарываясь лицом между моих бедер.

Моя спина прогибается, простая задача — делать две вещи одновременно — кажется практически невозможной. Но я хочу, чтобы он почувствовал себя также хорошо, как он заставляет чувствовать меня, поэтому я беру его в руку, поглаживая несколько раз, прежде чем обвести языком вокруг головки. Он отвечает хриплым стоном, который отдается прямо в мой центр удовольствия.

Без предупреждения, я беру его полностью в свой рот, пока он не достигает задней стенки моего горла. Я делаю это снова и снова, пока едва могу дышать. Когда я оттягиваю свой рот от него, Истон делает тоже самое со мной — теперь он большим пальцем поглаживает кругами поверх моего пульсирующего клитора.

Я хочу больше и, как будто читая мои мысли, он вставляет в меня два пальца. Истон вонзает зубы в мою задницу, лижет и посасывает кожу на моих бедрах, прежде чем, сжав меня еще крепче, добавляет третий палец. Это одновременно и слишком, и идеально.

— Истон, — прошу я, даже не уверенная, о чем.

Каждый раз, когда он сосет, я сосу еще сильнее. И каждый раз, когда он вставляет свой язык в меня, я заглатываю его до конца. Это игра в кошки-мышки, пока мы оба не тонем в удовольствии, кончая сильнее, чем прежде.

— Повернись, детка. Насколько сильно мне нравится этот вид, но мне нужен твой рот.

Моим усталым ногам слишком трудно перевернуться, но я заставляю себя оттолкнуться и оказываюсь снова лицом к лицу — осознание того, как близко он стал знаком с моим телом, заставляет меня покраснеть.

— Я никогда...

Он качает головой.

— Даже не говори мне, что ты не делала этого раньше. Я тебе не поверю.

— Нет, я никогда не делала этого раньше так. Это было...по-другому.

Он оборачивает руку вокруг моей шеи, притягивая меня ближе до тех пор, пока наши губы почти не соприкасаются:

— Блять, Ларк. Этот рот... — говорит он, пока лижет мою нижнюю губу кончиком языка. — Ты чувствовала так хорошо на мне, красавица.

Я пытаюсь увернуться от него, но он мне не позволяет. Истон держит меня прямо там, где ему хочется — не позволяя мне уклониться от правды.

— Ты опоздаешь на свое шоу, если непустишь меня.

Он смотрит на часы на ночном столике.

— Совершенно уверен, что уже опоздал.

Я краду один последний поцелуй, прежде чем встать и натянуть обратно его футболку, мои ноги едва способны держать меня.

— Удачи сегодня вечером.

Он скрещивает руки под головой на подушке и улыбается.

— Мне уже повезло. Остальное — это бонус.

Я улыбаюсь, медленно двигаясь обратно к двери с сумкой, перекинутой через плечо. Некоторые могли бы назвать его дерзким и самоуверенным, но для меня — в нем

правильная смесь уверенности и смирения. И я навсегда собираюсь пасть жертвой этого.

Глава 13

Истон

Третий день Круиза.

В открытом море.

Вчера вечером в театре присутствовал совершенно другой вид энергии, которого там не было уже действительно долгое время. У меня хватает мозгов, чтобы понять — это связано с женщиной в третьем ряду, наблюдающей за каждым моим движением. То, как она следила за мной на сцене, и как ее тело двигалось вслед за моим голосом — мы находились в идеальной гармонии.

К тому времени, как я был готов покинуть ночью театр, она ушла, и по дороге назад в каюту я чувствовал себя заряженным электричеством, из-за чего воспламенился бы за секунду, если бы ощутил прикосновения ее рук. Это чувство начало расти во мне с того момента, как она вышла из моей комнаты сегодня утром — определяющим фактором было предвкушение ее появления в одной только моей футболке. И даже она понимала, провокационная лирика, скрытая в созданных нами строках песен, нашла бы отражение в наших телах.

Прошло чертовски много времени с тех пор, как я занимался сексом всю ночь до рассвета, но находясь вместе с Ларк — это все, чем я хочу заниматься. Ее тело становится знакомой территорией, запах ее духов на сладко-соленой коже пробуждает мгновенную эрекцию. Тем, как она способна поставить меня на колени, вызывая фантазии, которые только она может осуществить, Ларк приближает меня к действительности впервые за двенадцать месяцев.

Но полночные часы быстро пролетели, а утреннее солнце разрушило наше веселье. Если бы мне не надо было сегодня работать, я бы продержал ее в своей постели немного дольше, еще раз наслаждаясь Ларк перед расставанием.

— Ты снова убрал мою футболку? — спрашивает она, оглядываясь вокруг, прикрыв руками свою грудь, как будто я не ласкал ее в течение нескольких часов. Застенчивая Ларк всегда будет для меня загадкой. Я никогда не смогу уложить в голове, насколько открыта она в моменты нашей близости и полностью закрыта после.

— Нет, но ты не должна скрываться от меня. Я уже все видел.

Она поднимает одеяло и трясет им, пока не обнаруживается сорванная мною вчера с ее тела футболка.

— Я не скрываюсь. Просто мне не комфортно ходить голой при свете дня.

Лежа на боку, опираясь на локоть, спрашиваю ее:

— Почему? Ты красивая.

— Я такая, какая есть, и не могу этого изменить.

Решаю бросить ей вызов — в основном потому, что у меня нет более интересного занятия на следующие несколько минут.

— Брось футболку.

Сдвинув брови, Ларк смотрит на меня.

— Зачем?

— Потому что она моя и нужна мне.

— Теперь я вижу, сколько в тебе дерьма. Это всего лишь футболка.

— Это больше, чем просто футболка, Ларк. Она — моя любимая. Давай, бросай ее. —

Она слушается, закатывая глаза, вместо этого хватая простыню.

— Простынь — тоже моя.

— Простынь принадлежит Круизной компании, осел. Ты прекрасно осведомлен, что, в соответствии с твоими инструкциями, я пришла в одной твоей футболке. Я не могу уйти отсюда голой. Меня арестуют.

— Это вероятность, с которой я готов смириться.

Ожидая, когда она разозлится или обзовет меня чем-то похлеще, чем «осел», но этого не происходит. Она стоит со скрещенными на груди руками, бросая мне вызов своим взглядом.

— Что-то не так? — спрашиваю я ее.

— Нет, не совсем. Ты тот, кто снова опоздает, не я. Я — единственная, кто в отпуске.

Я выбираюсь из постели, и, подходя к своему шкафу, вытаскиваю чистую футболку. Развернувшись, обнаруживаю ее с радостным выражением лица и надеждой, что футболка — для нее. Но, вместо этого, я натягиваю ее на себя через голову, расстраивая Ларк еще больше.

— Истон, пожалуйста.

— Люблю, когда ты умоляешь. Это делает меня твердым.

— А что не делает тебя твердым?

— Бабушки. — Она пытается не засмеяться, но попытка с треском проваливается, и лицо озаряется присущей только ей улыбкой. Блядь, она горячая.

Прежде чем она еще что-то мне скажет, я протягиваю ей еще одну из моих футболок из кипы в шкафу. Получив ее, она сразу же расслабляется.

— Спасибо, — говорит она, натягивая ее через голову.

Я копаюсь в своих вещах, пытаюсь найти что-то, чем она могла бы прикрыть свою задницу, когда она раздражается истеричным хохотом. С нижним бельем в руках я оборачиваюсь и понимаю, что дал футболку, которой у меня не должно быть.

— Ну, если бы это не было первой вещью, которая мне попала в руки, то я бы оказался в затруднительном положении.

— Не знаю, Истон, футболка говорит сама за себя. — Из всех, которых я мог ей дать, она одела ту, на которой написано: «Я с Дураком». На самом деле, это шуточный подарок с прошлогоднего Рождества.

Улыбаясь, бросаю ей пару своих боксеров.

— Одень их. Я предпочел бы, чтобы остальная часть корабля не видела этим утром твою попку.

— Мне кажется, тебя это особо не беспокоило прошлым вечером.

— Вчера было довольно поздно. Сейчас там больше людей.

Она скользит в мои боксеры своими длинными ногами, и я наблюдаю за каждым ее движением, придвигаясь ближе, пока она натягивает их по бедрам, закатывая резинку на талии для удержания. Руками ощупываю ее попку, и, пронзительно глядя в глаза, говорю:

— Это все мое, красавица. Поняла?

Она кивает, облизывая языком губы, пока смотрит на меня сквозь длинные ресницы. Я тянусь к ней, оборачивая ладони вокруг ее скул. Она цепляется своим холодными руками за мои предплечья — ее нежная кожа составляет разительный контраст с моей татуированной. Но эта часть привлекательности Ларк — ее мягкие изгибы против моей твердости. Она не имеет ничего общего с большинством женщин, с которыми я соприкасался в пути, и это

освежает. В то время как я — яркий и экспрессивный, по большей части благодаря моим татуировкам и музыке, она — робкая и застенчивая. Тихая душа с силой, способной убедить меня, что то, что мы делаем, не неправильно. Даже если она не имеет ни малейшего представления, почему этот вопрос всегда будет на первом месте.

— Спасибо, — шепчет она.

— Я говорил тебе, что ты не должна благодарить меня за то, что я позволяю тебе чувствовать себя хорошо.

Она пожимает плечами, возрождая застенчивую Ларк.

— В этот раз я хочу поблагодарить тебя, чтобы ты знал, я не только беру от тебя. Даже если ты уже говорил мне об этом.

Ее слова имеют большую силу, чем она представляет, по сути говоря, она сообщила, что это для нее больше, чем просто случайный роман — ей нравится происходящее между нами и она ценит то, что я даю ей. Настолько, насколько я даже не рассчитывал, или даже не ждал этого, впервые она также значит больше и для меня. Только по одной этой причине мне хочется попросить ее остаться немного дольше. Но я не могу.

— Поужинай сегодня вечером со мной.

Это не вопрос, а скорее еще одно требование. Тем не менее, она не спорит. Голос ее мягок и похож на ангельский, когда она говорит:

— Окей, — перед тем, как встать на кончики пальцев и поцеловать меня.

Я ожидаю медленного чувственного смешивания наших языков, но она просто дарит мне легкий поцелуй, что также ощущается хорошо. Я мог бы попытаться получить больше, но она уже ушла. Ее нежелательное отсутствие внезапно заставляет меня осознать, насколько близко я позволил ей подобраться ко мне.

Флиртовал бы я с Ларк при обычных обстоятельствах? Безусловно.

Хотел бы я заполучить ее в свою постель? Определенно.

Пригласил бы я ее на свидание, а после планировал увидеться с ней снова? Никогда.

Без помощи «Идеальной Пары» мы бы настолько не сблизились. А теперь, из-за Джинны и ее нежелания позволить мне жить собственной жизнью, я оказался по уши в дерьме. И все, о чем я могу думать, прислонившись к шкафу и пялясь на дверь на противоположной от меня стороне, это желание знать, что я буду делать в приближающуюся субботу. Как я смогу позволить этой женщине уйти от меня сейчас, когда узнал, как хорошо она ощущается в моих руках?

Дом открывает смежную между нашими каютами дверь, бросая мне банку пива. Высунув голову из-за угла в поисках признаков присутствия Ларк, он спрашивает:

— Она ушла?

Если бы он сделал это пять минут назад, то получил бы по шее за то, что не постучался. Даже не смотря на то, что Дом не привык к присутствию в моей комнате девушки на постоянной основе.

— Да, что случилось?

Он делает последний глоток пива, прежде чем смять алюминиевую банку в руке и выбросить ее в мусор.

— Ничего, мало виделись с тобой на этой неделе.

— Благодарю за это свою девушку. Джина — та, кто привел весь этот план в действие.

Дом двигается к дивану, листая каналы на плоском экране, как будто пытаюсь найти что-то достойное просмотра.

— Я так устал от дерьмового ТВ. Похоже, они пытаются заставить нас весь день смотреть их бездарные программы.

— Я совершенно уверен, так и есть, но почему ты мне не скажешь, зачем пришел на самом деле. У тебя есть собственный пульт, чтобы дискутировать на эту тему.

Он откидывает голову на спинку дивана, запятанного виски, за что, в конечном итоге, возможно, мне придется заплатить, прежде чем они позволят мне покинуть корабль.

— Это все Джина, чувак. Я даже не собираюсь врать, что она послала меня сюда.

— Вы — парочка упрямых засранцев. Снова в драку?

— Ненавижу говорить это, но, думаю, ты победил нас обоих в этой области.

— Что я должен сделать?

— Насколько мне ни больно говорить, но на этот раз я согласен с Джиной.

Я перекидываю полотенце через плечо, задаваясь вопросом, почему он, словно цыпочка, говорит загадками.

— По поводу чего?

— Тебе надо рассказать Ларк о Шай. Вы уже много времени провели вместе. Чем дольше ты ждешь, тем труднее будет, и она может разозлиться, если ты скроешь это от нее.

Всего три предложения, и мое настроение меняется, при чем совсем не в лучшую сторону.

— Я ничем не обязан Ларк в том, что касается Шай. Дело не в ней, но прямо сейчас ей это не нужно.

— Но это надо сделать, Ист. Особенно, когда ты все-таки в кое-кого влюбляешься.

— Я не влюбляюсь, Дом. Я всегда любил только любовное дерьмо от Шай. Только мне решать, кому рассказывать и когда. Конец разговора. Не говоря уже о том, что у Ларк есть собственная история, о которой она мне рассказала совсем немного. Я не единственный с багажом из прошлого.

Дом встает, держа руки в знак капитуляции.

— Рад, что ты с ней разговариваешь вместо того, чтобы просто трахаться, но она заслуживает знать. На этом я заканчиваю.

— Не то, чтобы это твое дело, но мы определенно трахаемся. И Ларк уже спрашивала с моей татуировке.

Он удивленно приподнимает бровь:

— И что ты сказал?

— Пока ничего. Но предполагаю, она собрала все воедино после шоу той ночью.

Обязательный взгляд сожаления проходит между нами, тот, который я стал ненавидеть больше, чем вопросы, которые идут вместе с ним.

— Даже если это будет абсолютный минимум, скажи ей правду.

— Когда и если я решу поговорить о Шай, то не буду сдерживаться. Шай заслуживает большего. Но прямо сейчас, я совершенно уверен, все, что мне нужно сделать, это найти еще выпивки.

— Хорошо, когда дерьмо станет реальным, и ты, наконец, начнешь чувствовать нечто иное, чем потерю, ты намеренно облажаешься и сможешь продолжать жить прошлым. Но у меня для тебя есть новость, ты не можешь продолжать использовать Шай в качестве оправдания. Держаться за женщину, которую ты желаешь видеть живой, не делает жизнь проще. Быть счастливым — единственное, что может это сделать.

— Боже мой, ты проводишь слишком много времени с Джиной.

— Учитывая, что мы — все, что у тебя есть, кто-то должен вправить тебе мозги. Подумай как следует о том, во что ты втягиваешь Ларк, когда она понятия не имеет, с чем ей придется столкнуться. На самом деле, мне даже жаль ее.

— По крайней мере, я знаю, на чьей ты стороне.

— Я не это имел в виду. Джина сделала это в качестве подарка, и я подтолкнул ее, потому что, если бы мне пришлось еще хоть один день видеть ее плачущей над твоей драмой, я бы собственноручно надрал тебе задницу.

— Что есть — то есть, Дом. Я не нуждаюсь в одолжении.

— Если бы ты не нуждался в одолжении, мы бы сошли с этого чертова корабля шесть месяцев назад. Оглянись вокруг, Ист! Такую жизнь ты хочешь вести следующие пятьдесят лет?

Я понимаю, о чем он говорит, но от этого все не легче слышать. Не тогда, когда я долгое время жил в отрицании. Достаточно долго для того, чтобы забыть, на что должна быть похожа обычная жизнь. Возбуждение; непрерывный выброс адреналина, который каждый раз не давал мне заснуть большую часть ночи, когда я выступал; то, как я кровоточил музыкой вместо боли. Но независимо от того, насколько я скучаю по всем этим вещам, по большому счету, это на самом деле ничего не меняет.

— Ты забыл, у меня достаточно денег на банковском счете, чтобы обеспеченно провести оставшуюся часть жизни. Я могу отказаться от всего хоть завтра и продолжать без них.

Дом отклоняет голову назад, выдыхая и зарываясь руками в свои длинные, до плеч, волосы.

— Ты безнадежный придурок, знаешь об этом?

— Меня называли и хуже.

Дом качает головой, показывая, что я безнадежен, и идет обратно в свою комнату, но едва я думаю, что это небольшое выступление, наконец-то, закончилось, он снова поворачивается. Я готовлюсь к столкновению, потому что его взгляд не показывает ничего хорошего.

— Не то, чтобы тебя заботило мое мнение, но Ларк — именно то, что тебе нужно, чтобы прийти в себя и благополучно вернуться на сушу. Если ты все испортишь, в этот раз все будет на твоей совести. Джина совершила попытку. Я совершил попытку, Истон. Прими решение, но убедись, что ты сможешь с ним жить.

Я никогда не любил, когда мне диктовали, что делать. Вероятно, по этой причине я покончил с карьерой, где всем заправлял. Это не означает, что я не могу взять на себя руководство, просто у меня есть определенный план. Только мой план развалился на хрен, прежде чем я перешел к запасному.

— Я могу позаботиться о себе, Дом. А ты — не совсем яркий пример того, как пережить расставание.

Он подпирает руками дверную коробку, его глаза полны гнева.

— И что это должно означать?

— Я имею в виду, ты облажался и никогда не говорил об этом Джине.

— Говорил мне что? — спрашивает Джина с порога, обнимая Дома сзади за талию.

Мои глаза расширяются, и я задумываюсь, как много она услышала из нашего разговора. Не важно, насколько я не согласен с тем, что сделал Дом, я бы никогда умышленно его не выдал. Его взгляд сцепляется с моим, одновременно требуя и умоляя хоть что-то сказать

Джине. Как бы я не хотел, чтобы он рассказал ей правду, это не моя история, чтобы ее выдавать. Он — единственный, кто должен мучиться совестью каждую ночь, лежа с ней в кровати.

— Ничего, я буду в душе.

Дом отворачивается и идет обратно в свою комнату. Джина смотрит на меня, но я не собираюсь торчать здесь вечно, чтобы отвечать на ее вопросы. Я никогда не соглашался с его выбором, но я также не собираюсь вмешиваться. Впрочем, глухой удар о дверь — первый намек на то, что дерьмо уже произошло.

Блядь.

Глава 14

Истон

После очередной хреновой встречи с моим менеджером на корабле, я должен был как можно быстрее добраться до бара. Я бы предпочел проспять весь день, но после того, как все закончилось с Домом и Джинной, возвращение в каюту — последнее, чего я сейчас хочу.

В пабе сегодня работает Аки, что означает бесплатные напитки, так что именно в этом месте оказывается моя задница. Один взгляд на меня, и он скользит через бар стаканом моего любимого виски. Сегодня я не собираюсь растягивать один стакан на весь вечер. Нет, сегодня я собираюсь загоняться один за другим, пока тепло не разольется по моему телу.

Как только я ставлю пустой стакан на барную стойку, раздражающий гогот веселья заставляет меня съежиться. Находясь в обществе правильных людей, я становлюсь счастливым, когда напиваюсь в хлам, но моя удача определяет меня рядом со столом, полным Канадцев — одних из счастливейших подонков на планете.

Намереваюсь покинуть паб, просто убраться от них подальше, когда сексуальная блондинка садится на противоположном конце стола. Ее глаза сканируют группу людей, с которыми она пришла, но ее взгляд такой же безжизненный, каким я себя чувствую внутри. Она выглядит так, словно ей лучше находиться в любом другом месте, чем там, где она сейчас. И никто из них не признает ее присутствия.

Как будто чувствуя, что я наблюдаю за ней, она поворачивает голову, оглядывая меня с ног до головы. Я не привык к деликатности, и ее отсутствие меня даже не напрягает. У нее занимает тридцать секунд, чтобы выскользнуть со своего места на стул рядом со мной.

— Как тебя зовут? — спрашивает она, когда я не предпринимаю попыток заговорить с ней.

— Это имеет значение?

— Имею ли я значение? — парирует она. У меня нет сомнения, что она могла бы стать самой легкой добычей за очень долгое время. Недооцененные цыпочки всегда бывают забавными. Вся накопленная сексуальная неудовлетворенность выплескивается на меня вместо парня, который должен о ней заботиться.

Аки кладет еще одну салфетку передо мной, перед тем как поставить на нее вновь наполненный стакан. Делая это, он смотрит на нас двоих, качая головой.

— Даже не искушай себя, Ист. Не сейчас, когда у тебя уже есть одна.

Его голос разума отвлекает мое внимание от искушения, сидящего рядом со мной.

— Аки, ты так плохо обо мне думаешь.

Но он прав, у меня есть лучше. Нет никакой вероятности, что «Канада» окажется в моей постели, но я ему в любом случае даю двойные чаевые в качестве молчаливой благодарности за предупреждение.

Она видит, что я бросаю наличные на барную стойку, возможно, задаваясь вопросом, почему я не расплачиваюсь морской картой, как все остальные. Когда я отталкиваюсь от стойки, она выглядит ошеломленной.

— Ты куда?

Я наклоняюсь ближе к ней, касаясь ее тела своим. Я так близко, что ее волосы щекотят мои губы. Медленно, так чтобы не разрушить ее уверенность в себе, я говорю:

— Дорогая, если бы я был доступен, мой выбор определенно пал бы на тебя.

Вместо разочарования, ее глаза загораются возможностями, которые никогда не произойдут. Я помогаю ей подняться со стула, прежде чем развернуться и выйти из паба. Кто бы ни отведал ее сегодня вечером, он будет чертовски счастлив.

Как только я выхожу из паба, меня ослепляет вспышка солнечного света. Я привык его использовать для того, чтобы прийти в чувства, как я этого и хотел. Но после месяцев одного и того же, это стало обычной рутинной, как и все остальное в моей жизни. А в такие дни, как сегодня, когда мы в открытом море, есть очень мало мест, куда можно сбежать, особенно, когда все, чего я хочу — это лишь немного пространства, чтобы очистить голову.

Около месяца назад мы с Джинной нашли частный лаундж на десятой палубе. Дополнительный, служивший для организации частных вечеринок, и его нечасто использовали. В удачный день, обычно прямо перед или после мероприятия, бар был полностью укомплектован. Но, так как сейчас мы в море, шанс, что там будет пусто — пятьдесят на пятьдесят, и возможность получить немного тишины и покоя заставляет меня идти быстрее.

Мне везет, я толкаю дверь и встречаюсь с полной тишиной. На полке — полные бутылки Джима и Джека. Оба были добры ко мне на протяжении последних двух лет, так что я хватаю уже открытую бутылку и выстраиваю в ряд на барной стойке четыре шота, наполняя их до краев.

Первый проскальзывает в мое горло с уже хорошо знакомым жжением, которое составляло мне компанию больше ночей, чем я могу сосчитать. Следом пошел второй шот, и еще один адский огонь извергается внутри меня. Третий стакан оказывается в моей трясущейся руке в то время, как двери позади меня распахиваются. Ожидаю, что это уборщик или организатор мероприятий, но это ни тот, ни другой. Джина устремляется внутрь, истерично рыдая. Она цепляется пяткой за ковер, катапультирующей ее на пол передо мной. Она падает на руки и колени, волосы прилипают к залитым слезами щекам.

Дом, наконец, рассказал ей правду.

Я позволяю ей выплеснуть все это наружу, наблюдая с края барной стойки. Но когда она начинает бить о пол кулаком, я иду остановить ее. Сначала она борется со мной, выкрикивая красочные проклятия, прежде чем понимает, что недостаточно сильна, чтобы остановить меня.

Но она не сдается. Как только я сажаю ее на диван, она размахивает руками перед моим лицом и бьет меня кулаком прямо в челюсть. От этого мои зубы ударяются друг о друга, но она не прилагает никаких усилий, чтобы остановить борьбу.

— Джина, это я. Остановись.

Как только она слышит мой голос, ее тело как будто сдувается в моих руках. Вместо борьбы со мной, она тянется, цепляясь за мою футболку. Все, что я могу делать, это поглаживать ее спину, когда она кладет голову на мои колени, свернувшись в крохотный сокрушенный шар.

Есть так много вещей, которые я хочу ей сказать, в основном, что мне жаль, что она не узнала об этом раньше. Я знал, что держать все в секрете не было правильным, но все рассказать ей — также казалось неправильным. Независимо от того, что бы я выбрал, одному из моих лучших друзей причинили бы боль. И с последней вещью, с которой я мог справиться, это еще один аргумент. Поэтому мне становится легче, когда она говорит.

— Извини, что ударила тебя. — Если бы она злилась на меня, то не стала бы извиняться.

— Это не первый раз, когда я принял удар. Вероятно, он не будет и последним.

— От тебя пахнет виски.

— Это потому, что я его пью.

— Обычно, ты пьешь виски, когда думаешь о Шай.

Когда я не отвечаю, она поднимает голову, ее припухшие глаза всматриваются в мое лицо в поисках разгадки, что со мной происходит.

— Что случилось, Ист?

— Разве не я должен задавать тебе этот вопрос?

— Да, но если ты бросил Ларк, я убью тебя, так зачем тратить время на мои проблемы, если ты в любом случае собираешься умереть.

Не могу удержаться от смеха над ее невероятно ужасной перспективой.

— Я виделся с ней сегодня вечером, расслабься.

Она вытирает слезы рукавом, глаза все еще блестят, но в них появляется немного надежды.

— Так, все хорошо? Она тебе нравится?

— Да, она мне нравится. Она — клевая цыпочка.

— Но ты видишь себя когда-нибудь влюбленным в нее? Или собираешься ее использовать только для секса, пока она не уедет домой? Предупреждаю тебя, если выберешь второе, я прямо сейчас почувствую себя чрезвычайно озлобленной. И не уверена, что не буду бить тебя снова.

— Секс невероятен, но насколько все это большее, я понятия не имею. Так или иначе, еще слишком рано об этом говорить.

— Будь честен со мной. Ты должен сказать ей что-то, или она перестанет продолжать возвращаться к тебе.

— Я предоставил это ей решать, если она вернулась — здорово. Если нет — жизнь продолжается. Но планы на сегодняшний вечер я составил прежде, чем она покинула меня сегодня утром.

— Ты такой глупый, Истон. Что, если бы она ушла прежде, чем у тебя появилась возможность решить, чувствуешь ли ты что-то к ней; но глядя на твое лицо могу сказать, ты уже что-то чувствуешь.

— Что бы ты ни думала, уверяю, это не то, что есть на самом деле. Прямо сейчас, я больше беспокоюсь о тебе, чем о Ларк. Что случилось? — Я не должен играть в идиота, потому что чертовски хорошо знаю, что произошло между ними.

— Дом случился, но давай сразу закончим этот разговор. Ты единственный человек в моей жизни, который не пудрит мне мозги. По этой причине, я смирилась с твоей драмой.

— Хорошо, раз ты так настаиваешь.

Она шлепает меня, но, тем не менее, смеется — нормальным смехом, который в итоге оставляет налет улыбки на ее лице.

— Если ты не можешь быть честным со мной, то будь честен с самим собой, Ист. Это нормально, если ты что-то чувствуешь к Ларк. Ты — человек.

— Чувствую, что мне нужна еще парочка шотов, прежде чем продолжить этот разговор.

Ожидаю, что Джина будет протестовать, но она удивляет меня, следуя за мной к бару и хватая собственный стакан из стопки на стойке. Только она не одна из тех девушек — любительниц крепких напитков. Несмотря на то, я никогда не видел ее пьющей что-то крепче пива, все равно наливаю немного виски.

Глава 15

Ларк

В течение последнего часа я бродила по кораблю, пытаюсь понять, почему Истон оказался точно таким же, как Грант. Я надеялась, может быть, хотя бы в этот раз меня будет достаточно. Проснувшись этим утром, я смотрела в глаза мужчины, который не был похож на кусок дерьма.

Возможно, я и сопротивлялась поездке, но оказавшись здесь, загорелась идеей круиза также, как Ноэлль. Каждую ночь, положив голову на подушку, не важно, была ли с Истоном или нет, я молилась о знаке, что нахожусь именно там, где и должна быть. Молилась, чтобы Истон восстановил мою веру в людей и никогда не прекращал заставлял меня чувствовать себя настолько живой, насколько я бываю с ним.

Но встреча Истона с другой девушкой в объятиях превратила его одновременно в лжеца и фальшивку. Я поверила, когда он сказал, что никогда не изменял. Он клялся, смотря мне в глаза, что никогда этого не совершал и не собирался в будущем — это так потрясло, что я поверила, потому что чувствовала — он говорит правду.

Но теперь я знаю — все было ложью, и единственное, что я хочу сейчас сделать, это забраться в кровать и оставаться там до субботнего утра, когда я смогу вернуться к жизни в одиночестве — без предателей и их ложных обещаний.

Роясь в своей сумке в поисках карты-ключа, я не замечаю поднос обслуживания номеров на полу рядом с дверью, пока не спотыкаюсь об него. Я неудачно падаю на руки и колени, вилка впивается мне в ногу. Наполовину съеденный торт в середине подноса — слабость Ноэлль в состоянии стресса. Нервничает она или нет, в любом случае у нее не может быть более хренового дня, чем мой.

— Ты в порядке?

Я понимаю, что это он, прежде чем поднимаю голову. Стоя передо мной, обутый в фирменные ботинки и в рваные джинсы, Истон протягивает мне руку, чтобы помочь подняться с пола.

Я отталкиваю его руку, вместо этого поднимаюсь самостоятельно, опираясь на стену для поддержки. Оказавшись снова на ногах, я открываю сумочку и продолжаю искать свой ключ-карту, игнорируя Истона, потому что это причиняет слишком много боли — даже просто видеть его лицо.

Он настойчиво придвигается ближе, пока его рука не оказывается на моей талии.

— Что случилось, Ларк?

— Я не могу найти свой ключ!

— Успокойся, мы можем взять новый у администратора. Я схожу с тобой.

— Нет, мы никуда не пойдём.

Я изо всех сил пытаюсь держать себя в руках, но моя губа так сильно дрожит, что мне приходится ее прикусить. Пытаюсь спрятаться за волосами, чтобы он не смог увидеть моих

начинающих катиться слез, но Истон не дает мне этого сделать. Он заправляет волосы за ухо, взяв мое лицо в свои ладони, как он обычно делает, заставляя чувствовать себя желанной.

— Детка, что случилось? Поговори со мной.

— Не называй меня так.

— Ларк, серьезно. Что происходит?

— Не строй из себя идиота, Истон. Просто не надо. Ты знал, что это может сделать со мной, но все равно сделал.

Он придвигается ближе, обнимая за талию, когда я отворачиваюсь от него. Через секунду я снова чувствую его руки на мне, возникает желание развернуться и накричать на него, прося оставить меня в покое прежде, чем все пойдет слишком далеко. Но я не могу произнести ни слова.

Я еще раз обыскиваю свою сумку, вытаскивая полотенце из спа. Ключ падает на пол, и мы вместе пытаемся нагнуться за ним. Наши руки соприкасаются, моя — дрожит от эмоций, изо всех сил сдерживаемых внутри. Истон пытается успокоить ее своей рукой, пробегая большим пальцем вперед-назад.

Прежде, чем я снова в нем растворюсь, я поднимаюсь и вставляю ключ в отверстие с такой силой, что меня удивляет, как он не ломается пополам. Я уже почти внутри каюты, когда он тянет меня за руку, останавливая от побега. Он достаточно умен, чтобы понять — я не приглашаю его внутрь.

— Ларк, подожди.

Я даже не могу повернуть голову и взглянуть на него.

— Это все было игрой для тебя? Ты постоянно проворачиваешь подобное с пассажирами? Уламываешь их заняться сексом, кормишь сплошной ложью, а затем переходишь к следующей жертве.

— Ларк, ты — первый пассажир, с кем я проводил время. Я не хожу на свидания. Я говорил тебе об этом.

— Просто ответь на вопрос, Истон. Я всего лишь та, с кем можно скоротать время — та, кого ты хочешь трахнуть, потому что тебе больше нечем заняться в свободное время?

Не получив ответа, я решаю, что с меня хватит. Я убираю его руку со своей и иду внутрь каюты. Он просовывает свой ботинок в дверь, чтобы я не смогла ее закрыть.

— Ларк, подожди. Джина зарегистрировала меня, не спросив, но ты мне не безразлична. Мне нелегко в этом признаться, но между нами что-то есть. Мне кажется, мы доказали это.

— Между нами **было** что-то, — подчеркиваю я, — прежде чем ты все испортил.

— Посмотри на меня, Ларк. Я не смогу все исправить, если ты не расскажешь мне, что не так.

Наперекор своему благоразумию, я поворачиваю голову для того, чтобы взглянуть на него. Не уверена, что я ожидала увидеть — наверное, виновность. Но то, как он смотрит на меня прямо сейчас, выражает всего лишь замешательство. Это не то же самое выражение, которое я увидела, поймав Гранта. Его грудь не вздымается, он не умоляет меня простить его, и он не кается в своих грехах. Истон просто смотрит на меня в поиске ответов, как будто все это только плод моего воображения.

— Я видела тебя, Истон. Я тебя видела.

— Что?

— Ты, действительно, собираешься здесь стоять и разыгрывать из себя дурака? После того, как я тебе рассказала через что прошла?

— Мы можем войти внутрь и поговорить об этом?

— Доказательства не врут. Здесь нечего обсуждать.

Прежде чем он может разубедить меня, я закрываю дверь, желая навсегда забыть о существовании Истоны.

Если я не могу справиться с этим сама, то в этом мне может помочь текила. Я смеялась над Ноэлль, когда она спрятала две бутылки в багаже, клянясь, что они для экстренного случая. Но прямо сейчас, это вовсе не весело. Это просто идеально для меня.

Открыв одну, я забираюсь с бутылкой в постель, держа ее словно младенец, хватающий плюшевого мишку для успокоения. Возможно я и двадцатисемилетняя женщина, но я бы все отдала за то, чтобы снова стать маленькой девочкой — когда моим самым большим беспокойством было сочетание туфель Барби с ее нарядом. Или необходимость убедиться, что Корвет заправлен воображаемым бензином для того, чтобы отправиться в Дом Мечты.

Прислонившись спиной к изголовью кровати, я чередую глотки текилы с содовой, смотря один и тот же скучный прогноз погоды снова и снова. В комнате так тихо без непрерывной болтовни Ноэлль, что я с трудом это выношу.

Как только я начинаю засыпать, желание пописать становится настолько сильным, что я раздумываю над идеей выбраться из кровати. До тех пор, пока веки не становятся слишком тяжелыми, чтобы держать их открытыми без вставки зубочисток. Я сдаюсь, как только звонит телефон. Для того, чтобы найти сил подползти к столу, мне требуется затратить каждую унцию энергии.

К тому времени, как я добираюсь до телефона, мне приходится использовать кресло для поддержки. Ноги похожи на желе, но остальная часть тела слишком онемела, чтобы о ней волноваться. Я медленно подношу трубку к уху, сначала задом наперед.

— Алло?

— Ларк?

— Даа.

— Звучишь весело. С тобой все в порядке?

— О-фи-ги-тель-но. Как дела?

— Хорошо, я надеялась найти тебя в хорошем настроении. Я хотела снова привести Линкольна в каюту. У тебя есть планы с Истоной?

Не знаю, почему так поступаю, но я лгу. Не ее вина, что я не могу удержать мужчину дольше пяти минут.

— Дай мне время переодеться, и комната в твоём распоряжении.

— Ты лучшая. Мне правда кажется, что у нас появился прогресс в отношениях с Линкольном, — говорит она, прежде чем прошептать, — я думаю, что мы сделаем это сегодня вечером.

— То есть, сейчас самое подходящее время, чтобы убрать грязное белье с дивана?

— О боже мой, пожалуйста. Мне будет так стыдно, если он увидит мое нижнее белье.

— Разве не в этом смысл привести его в каюту?

— Да, но я хочу, чтобы он сначала раздел меня, прежде чем его увидеть. Почему мы вообще ведем этот разговор? — веселится она на другом конце линии, после чего раздаётся приглушенный шепот и какая-то возня. Наконец, она раздражается в истерике, — я должна идти, — хихикает она, прежде чем линия отключается.

— Ладно, тогда, — бормочу я сама себе, повесив трубку. Я рада, что Ноэлль хорошо проводит время. Она стала другой с тех пор, как встретила Линкольна, но возможно, это всегда случается, когда встречаешь того единственного. Возможно, ты становишься другой версией себя. Той, которую едва ли можешь узнать, потому что нуждаешься в своей второй половинке, чтобы почувствовать себя цельной. Или, может быть, я просто слишком много выпила. Или, может быть, недостаточно учла, что все еще помню запах одеколona Истона, когда он так близко стоял ко мне, что хотелось обнять его за шею и еще немного притвориться, что все хорошо.

Но я и так притворялась последние два месяца — два месяца убеждения моей лучшей подруги и коллег, что со мной все хорошо. Проходить через это без своей второй половинки было так же легко, как и быть с ним. Потому что так я поступаю всегда. Когда что-то не получается, я делаю вид, что этого никогда не происходило. Даже если мое сердце разбито на миллионы осколков, и каждый из них разрывает меня изнутри.

Видимо, та же боль снова разъедает меня, но я ложусь на пустой шезлонг рядом с водой, притворяясь, что мой мир идеален. Нет места лучше, где бы я хотела находиться, чем бассейн с нещадно палящим полуденным солнцем.

— Что я могу предложить, красавица? — спрашивает бармен со знакомым лицом.

Я прищуриваюсь, пытаюсь прочесть имя на табличке.

— Аки?

— К вашим услугам. Вы девушка Истона, правильно?

— Не совсем, но я уверена, Вы знаете все его пикантные секреты.

Он стискивает руками свой поднос, качая головой в знак несогласия.

— Он довольно закрытый человек.

Он настолько закрыт, что может обманывать двух женщин одновременно. Конечно, я не произношу этого вслух, но определенно так думаю. Это не вина официанта, что он дружит с придурком.

— У вас есть фирменные коктейли?

Он протягивает мне заламинированное меню, демонстрирующее около десяти разных тропических коктейлей.

— Выбирайте Вашу отраву.

— В каком из них есть текила?

Он указывает на большую часть верхнего меню, что делает выбор немного сложнее. Шрифт слишком расплывчатый, чтобы я смогла прочесть, поэтому указываю на самую яркую картинку, надеясь, что коктейль достаточно крепкий.

— Что-нибудь еще нужно?

— Неа, просто принесите напитки, пожалуйста.

— Вы преследуете определенную цель?

— Цель — забыть. Некоторые вещи не всегда являются тем, чем кажутся, вы понимаете?

Он кивает головой, забирая у меня меню и торопясь обратно к бару. Я не могу винить его за побег. У него есть более важные дела, чем выслушивание моей болтовни о еще одном разбитом сердце.

Спустя примерно полчаса Аки подходит к моему шезлонгу с кувшином в руке, спрашивая, подлить ли мне еще. Конечно, я не отказываюсь. Я выпиваю еще три, прежде чем понимаю, что мне больше не нужны солнечные очки. Солнце начинает садиться, и вокруг

становится меньше людей в купальниках. Их место занимают загорелые тела, разодетые в пух и прах в костюмы и платья.

Оглядываясь вокруг, понимаю, что пары, окружающие меня, также впервые встретились на этой неделе. Я смотрю на них, абсолютно очарованная тем, как далеко похоже они продвинулись в своих отношениях. Мы с Истоном не сильно отличались от них, но так и не влюбились. Мы сделали все возможное от нас, подстраивались под его график работы и всегда придумывали, как нам встретиться в полночь. Приложив так много усилий, я заслуживаю порядочного человека, и все же, я вхожу в небольшую часть контингента, сидящего здесь в полном одиночестве.

— Не хотели бы вы что-нибудь съесть?

Я поворачиваю голову в сторону Аки, задаваясь вопросом, почему он лично продолжает обслуживать меня весь день. Это определенно не входит в его должностные обязанности.

— Вы приглашаете меня на ужин?

Он улыбается, но говорит.

— Как бы мне ни хотелось это сделать, Истон надерет мне задницу. Если Вы голодны, я могу принести что-нибудь из кафе. Поскольку Вы не одеты.

Я смотрю на бар, который он пополнял весь день и теперь, к моему удивлению, ставший пустым.

— А что с баром?

— Он закрывается на ночь. На самом деле, я уйду до утра. Как насчет гамбургера и картошки фри, пока я не ушел?

Учитывая, что мне некуда идти, я принимаю его предложение. Это избавит меня от самостоятельного поиска еды.

— Договорились, и возьмите мне еще один коктейль.

— Ок, все будет. Я вернусь через несколько минут.

Не могу сказать точно, сколько прошло времени, только уже практически стемнело, когда Аки приносит мне тарелку с едой и еще один коктейль. Я даже не понимала насколько была голодной на самом деле.

— Спасибо.

Он садится на край шезлонга рядом со мной, пока я ем.

— Ты пойдешь на шоу Истона?

Я оглядываю себя, качая головой.

— Не думаю, что получится сегодня.

Волосы у меня спутаны, кожа все еще липкая от крема. Единственное место, куда я могу пойти — это душ.

Аки смотрит на часы:

— У тебя есть час, чтобы привести себя в порядок. Истон хочет, чтобы ты там была.

Я беру последний кусочек картошки фри, перед тем, как поставить тарелку на свое кресло.

— Меня уже, на самом деле, не волнует, чего он хочет. Кроме того, у него есть кто-то другой на примете. Он даже не заметит, если я не появлюсь.

— Истон, наконец, рассказал тебе про Шай?

От неожиданности, что он знает ее имя, я резко вскидываю голову в его сторону.

— Очевидно, я не знаю всех деталей, но мне этого достаточно. Он оказался не тем, кем я думала.

— Только потому, что он с самого начала не рассказал тебе о ней? Я пытался убедить его, что если он скроет это от тебя, в итоге все обернется против него, но иногда Истона сложно переубедить.

— Думаю, у меня есть полное право быть расстроенной, разве нет?

Аки пожимает плечами:

— Не уверен, что ты можешь использовать его прошлое против него. По крайней мере, не в этом случае.

В мире рок-н-ролла должно быть действуют иные законы, чем в реальном мире, потому что я не знаю ни одной девушки, которая бы согласилась с тем, что у ее парня есть другие подружки. Но совершенно не важно, что я думаю по этому поводу. Истон устанавливает собственные правила.

— Вся эта поездка была глупой затеей.

Аки больше не задает вопросов. Только наблюдает, как я перекидываю ноги на противоположную сторону кресла и пытаюсь попасть ими в шлепанцы. Это занимает у меня несколько попыток, прежде чем я обуваю их правильно, но когда я пытаюсь подняться, Аки предугадывает мои действия, как будто ожидая, что я могу упасть плашмя вниз лицом. Признаю, если бы он не поддержал меня, был шанс, что такое могло случиться.

— Хочешь, я провожу тебя в каюту? — спрашивает Аки.

— Нет, я в порядке.

Если бы я была умнее, то позволила бы Аки помочь мне вернуться в каюту, но признание необходимости помощи только заставит меня выглядеть такой же жалкой, как я себя чувствую. Ларк Уильямс не нуждается в заботливом мужчине. Она способна испортить все сама, без посторонней помощи.

— Ты уверена? — Аки кажется неуверенным, и не может решиться оставить меня, скорее всего потому, что именно он обеспечивал меня коктейлями весь день. Не то, чтобы кто-то заставлял его, я хотела забыться.

— Просто направь меня в нужном направлении, прежде чем уйдешь.

Он поворачивает меня за плечи лицом к ближайшему выходу с пляжной палубы:

— Иди прямо через двойные двери. Лифты находятся справа.

— Спасибо.

Я волочу ноги внутрь корабля, не совсем уверенная, из-за чего нарушено мое равновесие, из-за беспокойного моря или алкоголя. Возле лифтов — скопление пассажиров, ожидающих, когда откроются двери. Когда прибывает лифт — я проскальзываю внутрь с ними, убедившись, что смогу опереться о стену, пока буду ехать. Но как только последний человек занимает место внутри лифта перед дверью, я вспоминаю, что Ноэлль просила освободить номер сегодня вечером. Даже не смотря на то, что отчаянно нуждаюсь в душе, я выхожу из лифта, когда он останавливается на первом этаже.

Вокруг меня суета, все куда-то спешат. Это заставляет меня еще больше скучать по дому. Особенно когда блуждающие взгляды людей время от времени останавливаются на мне, вероятно интересуюсь, почему раздетая, пьяная девушка опирается о стену для поддержки. Должно быть, я выгляжу настолько же жалкой, как себя чувствую.

Проходит еще десять минут, а я так и не стала ближе к составлению плана своих дальнейших действий, с тех пор как ушла от Аки. Часть меня желает отправиться на поиски Истона. Часть, которая заслуживает объяснений, даже если не хочет их слышать. Другая часть предпочла бы где-нибудь прилечь и поспать, делая вид, что этого дня никогда не было.

Я пользуюсь шансом, когда натыкаюсь на солярий — убежище только для взрослых, что означает тихое и спокойное место. Место, где я легко могу скрыться, пока не буду готова снова столкнуться лицом к лицу с остальным миром. В дальнем углу зала даже есть роскошное кресло, окруженное тропическими растениями.

Как только мое тело падает на диванные подушки, я закрываю глаза и молюсь, чтобы бы быстрее пришел сон и унес меня прочь. Реальности сегодня было слишком много.

Глава 16

Истон

Как только моя смена в лаундж баре подходит к концу, я обыскиваю комнату в поисках Аки. Он весь день присматривал за Ларк, пока я застрял на работе. Если бы это зависело от меня, я бы немедленно свалил, настолько мне было тошно уйти от нее, когда она была так расстроена.

Звонок Аки из бара, как только Ларк появилась там, только заставил меня захотеть свалить как можно быстрее. Но если я не мог быть с ней, по крайней мере, у меня есть парень, которому я могу доверять присмотр за Ларк, пока не смогу все исправить.

— Ист? Далеко собрался? Мы должны быть в театре через пятнадцать минут.

— Ты видел Аки?

Дом сканирует толпу в поисках Доминиканского бармена, на которого мы полагались больше раз, чем я могу сосчитать.

— Нет, но он будет здесь, если сказал, что придет.

Как только я начинаю обдумывать, было ли у меня достаточно времени до начала шоу, чтобы успеть добраться до каюты Ларк, Аки появляется из-за угла.

— Как она? Пожалуйста, скажи, что ты знаешь, где она.

— Я приглядывал за ней весь день. Она довольно много выпила и сидела все время в своем шезлонге. Прежде чем мне пришлось уйти, она поела то, что я ей принес, а затем отправилась обратно в свою каюту.

— В каком она была состоянии, когда ты уходил?

— Упрямая, но вела себя пристойно. Она не позволила мне отвести себя в каюту, как ты хотел.

— Почему ты не пошел за ней?

— Чувак, она не знает меня. Это было бы неправильно. Я указал ей правильное направление и затем пришел сюда.

— И она пила весь день?

Он кивает: — Да, так и есть, я сам делал для нее все коктейли. Если бы она изначально была трезвой, то заметила, что я обманул ее в части алкоголя. К счастью, ей нравилось то, чем я наполнял ее стакан. А алкоголя для нее было более чем достаточно, чтобы почувствовать обман.

— Спасибо, Аки. Я твой должник.

— Ты мне ничего не должен. На самом деле, чертовски приятно видеть, что тебе есть дело до кого-то еще, кроме себя. Я считал тебя тяжелым случаем со всеми твоими побегам с поджатым хвостом, но, наконец-то, ты снова в игре.

— Я бы не сказал, что снова в игре. Мы оба из программы «Идеальная Пара». Это не то же самое, если бы я подцепил ее в баре.

— В целом нет, но ты ведь на самом деле познакомился с ней в баре.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Это не просто интрижка. Встреча с Ларк — это работа

Джины.

Не важно, был ли я готов к встрече с ней или нет, Ларк умудрилась подобраться близко к моему сердцу. Аки прав, я заинтересован в этих отношениях.

— Я просто рад, что ты рассказал ей про Шай. Не знаю, что могло бы произойти с такими секретами, тучей нависшими над твоей головой.

Я чуть не свернул шею, резко повернувшись в сторону Аки, не понимая, о чем вообще он говорит: — Я ничего не рассказывал ей о Шай. Если ты проболтался, клянусь Богом Аки...

Аки поднимает руки вверх, будто сдаваясь, как только чувствует растущий во мне гнев. Это только мое решение, когда рассказывать Ларк, не его. Только я знаю всю историю до конца.

— Она сказала, что в курсе. Я говорил, что она не может использовать твое прошлое против тебя, не в данных обстоятельствах, но похоже она была со мной не согласна.

Я провожу рукой по своим волосам, спрашивая себя, каким образом все так быстро запуталось. Все было хорошо. Мы понимали друг друга и были на одной волне.

— В этом нет никакого смысла. Ларк понятия не имеет о Шай. Я абсолютно уверен.

— Может быть, она объявится, и вы проясните ситуацию. Верно?

Я наблюдаю за дверью все время, пока Аки разговаривает со мной. Я даже не могу рассказать, о чем он бормочет, потому что в моей голове мысли только о Ларк. Каждую минуту я ожидаю, что она вот-вот войдет в дверь. Но чем дольше я жду, и чем ближе становится время начала шоу, тем быстрее я начинаю осознавать, что она не придет. Что бы ни творилось внутри ее маленькой хорошенькой головки, мне придется подождать до окончания шоу, чтобы это выяснить.

Директор круиза выходит на сцену, объявляя «Полночную судьбу». Дом подает мне сигнал, и я продвигаюсь к занавесу. Прежде чем идти к метке на сцене, я оборачиваюсь в последний раз.

— Аки, наблюдай за дверью — просто на всякий случай.

— Ее здесь нет? — спрашивает Дом, пока я беру свою гитару и закидываю ее на шею.

— Не появилась.

— Хреново, чувак. Мне жаль, что у Вас не сложилось, но еще раз спасибо тебе за помощь с Джиной. На мгновение я подумал, что у нас все кончено.

Я люблю Дома, как члена семьи, но эти двое постоянно ругаются. Сегодня был далеко не первый раз, когда мне пришлось тащить пьяную Джину обратно в их комнату. А затем меня озарило, как будто ударило цунами, обрушивающееся о борт корабля и переворачивающее снова и снова своей силой. Ларк видела меня с Джиной.

— Блять!

Дом съеживается, глядя через плечо в сторону офиса менеджера, ожидая Бака, находящегося всего лишь в пяти футах от нас, выбегающего с нашим контрактом в руках и угрожающего разорвать его уже в десятый раз за шесть месяцев. Мы получили уже больше, чем одно, предупреждение за свое поведение и постоянные напоминания о том, что это не одно из наших обычных шоу. Как бы он нам сказал: «это работа на круизной линии, ориентированной на семейные ценности». Я особо не нуждаюсь в напоминаниях, так как прекрасно осведомлен, где нахожусь, и о жизни, которую оставил позади.

На этот раз я беру микрофон, и когда говорю — мой мозг настолько затуманен, что я не могу придумать, что бы иного сказать публике, чем обычно. Как будто кто-то нажимает

кнопку воспроизведения записи, я начинаю шоу на автопилоте.

— Вы готовы ЗАЖЕЧЬ?

Традиционный рев толпы летит по залу, но я настолько торможу, что даже не могу уловить вступление в первую песню. Дом с остальной командой начинают играть заново, публика не замечает моего промаха. В этот раз я вступаю, но прекращаю петь на словах «лучше без тебя», каждое слово кажется ложью. Если я не верю в то, о чем пою публике, это не прокатит.

Дом подходит ко мне с обеспокоенным взглядом: — Мы можем все отменить, если ты не готов.

Это наша политика — все отменить вместо того, чтобы делать вполсилы. В обычной ситуации я бы с ним согласился, потому что мне сейчас нечего делать на сцене, но, правда в том, что теперь я знаю, что произошло с Ларк, и не совсем уверен в том, как все исправить. Не после того, как она сбежала от парня, который ей изменил. Что вообще мне ей сказать, чтобы убедить — я не нарушал данного ей обещания?

— Да просто у меня голова забита проблемами, но я играю.

Не важно, что творится в моей голове, я позволяю своему телу делать то, что у него получается лучше всего. Работая на чистом адреналине и мышечной памяти, мои пальцы рвут струны гитары, мой голос передает слова из песен, которые я написал, спасая себя от темных страниц прошлого.

Мы играем добрых полчаса, прежде чем я решаю сменить список песен.

— Мы отменяем «Падшего Ангела».

Дом выглядит шокированным, учитывая, что эта песня значит для меня больше, чем остальные. Качая головой, он немедленно отклоняет мою идею: — Мы не можем, Ист. Уже финал, а это лучшая песня, какая у нас есть. Они сходят с ума каждый раз, когда мы ее играем.

Мне плевать, насколько они любят эту песню. Они не понимают, что за ней скрывается и сколько времени мне понадобилось, чтобы вложить всю свою боль в слова. Это песня — все, что у меня осталось от нашей связи, и я не сомневался, что если бы поймал каждую эмоцию, которую мы с ней разделили, у меня бы получилась музыкальная капсула времени, которая бы существовала вечно.

— Я не чувствую ее сегодня вечером. Окей?

— Клянусь, если ты не расскажешь Ларк о Шай, мне придется сделать это самому ради тебя. Эта цыпочка так тебя запутала, она внутри твоей головы трахается с твоей музыкой, а никто не смеет так поступать с твоей музыкой.

Если бы это было так просто, рассказать Ларк, что я потерял того, кого любил, я бы давно это сделал, но это не так. Здесь кроется нечто большее — ее чувства, мои, то, что нас связывало. Это чертовски сложно.

— Хотя это не особо важно, но я бы предпочел не петь о своей мертвой подруге, когда девушка, с которой я сейчас встречаюсь, находится где-то на этом корабле, думая, что я изменяю ей с Джиной.

Глаза Дома расширяются, пока до него доходит, насколько запутана данная ситуация.

— Черт, я не знал. Можем тогда вместо нее сыграть «Осенний край».

— Ты хочешь, чтобы вместо нее мы пели про твою бывшую подружку?

— Нет, не хочу, но чем еще мы можем заменить «Падшего Ангела», какая еще песня заслуживает быть финальной?

— Мы и не можем. Просто давай сыграем эту чертову песню, но это в последний раз. Я не могу петь о ней, как она этого заслуживает, когда у меня башку переклинило.

Прежде чем у него появляется шанс вступить в спор, я отворачиваюсь и теряюсь в музыке до окончания шоу. Дом рискует нарваться на гнев Джинны и поет песню, которую написал для своей бывшей. Даже если в том числе и из-за него я оказался в данной ситуации, я все равно ему обязан.

После одной песни на бис, занавес закрывается. Я, наконец, снова могу дышать, потому что знаю, что теперь могу отправиться на поиски Ларк. Дом подходит ко мне сзади, хлопая меня по-братски по плечу. Он всегда определял, когда мой мозг кипел, как паровой котел.

— С тобой все нормально, Ист?

Я убираю свои барабанные палочки в сумку и закрываю футляр для гитары. Я даже не знаю, как ответить на этот вопрос. Со мной все в порядке?

— Я должен перестать думать, старик.

— Не думаю, что ты можешь просто от этого спрятаться. Независимо от того, хочешь ты ее или нет, она принадлежит тебе. У тебя не будет еще одной Шай, но это не значит, что у тебя не может быть чего-то столь же хорошего.

— Вот, ты снова говоришь, как Джина.

Он пожимает плечами, даже не пытаясь это отрицать.

— Она, мать твою, моя. Я ничего не могу с этим поделать. Она владеет мной.

Моя...прошла вечность с тех пор, как я мог назвать кого-то «моей», не говоря уже о том, чтобы кто-то владел какой-либо частью меня.

— Иди найди ее, Ист.

— Я рассчитываю на это.

Я забегаю к себе в каюту, чтобы закинуть свои палочки и гитару, палочки все еще напоминают мне о Ларк. Только холодный душ может заставить прекратить думать о том, где они побывали. Блять, это была такая горячая ночка.

Несмотря на холодный душ, я продолжаю думать об ее обнаженном теле, пока иду к ее каюте. Добравшись до комнаты, я замираю на секунду, пытаюсь придумать правильные вещи, чтобы все ей объяснить, когда она откроет дверь. Собравшись с духом, стучу в дверь.

Когда она открывается, я уже готов ворваться, даже не принимая «нет» в качестве ответа. До тех пор, пока я не осознаю, что передо мной стоит какой-то парень вместо Ларк. На мгновение, я думаю, что должно быть ошибся дверью. Я уже почти собрался уйти, но вспомнил, что я дважды проверил номер на двери, прежде чем постучать — дважды.

— Где Ларк?

Ее соседка просовывает голову под рукой парня и выглядывает в коридор.

— Она же должна была быть с тобой.

— Я не был с ней весь день. Аки сказал, что она вернулась сюда.

— Кто такой Аки? — спрашивают они одновременно.

— Не важно, — я разворачиваюсь и ухожу.

— Истон, подожди! — кричит она мне вслед.

Я поворачиваюсь и вижу, что она что-то шепчет своему парню. Он исчезает внутри комнаты, и когда она спешит догнать меня, я замечаю, что на ней надета футболка с эмблемой нашей группы.

— Милая футболка.

Она краснеет, как будто забыв, что на ней надето.

— Извини, большой поклонник. И учитывая, что моя лучшая подруга спит с горячим солистом, я должна была начать ее носить.

— Спасибо, наверное. — Было время, когда бы я не раздумывал дважды и пофлиртовал в ответ, но теперь я другой человек.

— Я была так потрясена, что ты стал парой Ларк, даже немного позавидовала. Но я рада, что она счастлива. И все-таки, где она?

— Этого я совсем не понимаю. Я работал большую часть дня в лаундже, а потом у меня было шоу. Я надеялся, что ты знаешь.

Ноэлль обнимает себя руками и бормочет.

— Черт.

— Что такое?

— Я отослала ее из комнаты сегодня днем, потому что она сказала, что у нее были планы с тобой. Я бы никогда не попросила ее освободить комнату, если бы ей некуда было пойти.

К счастью, на корабле не так много мест, куда она могла пойти. Не похоже, что она могла сойти с корабля, учитывая, что мы находимся посреди океана.

— Не беспокойся об этом. Я найду ее. Извините, ребята, что потревожил Вас.

Она пренебрежительно взмахивает рукой в воздухе: — Даже не беспокойся об этом. Я сейчас получила больше впечатлений, чем за весь день. — Я могу понять почему, учитывая, что парень, открывший дверь, выглядит столь же впечатляющим, сколь задача по математике. — И скажи ей, что она может вернуться в каюту, хорошо? И скажи ей, что мне очень жаль.

— Я скажу, но она останется сегодня со мной. Нам надо кое-что прояснить.

Ларк должна услышать всю историю, не важно, готов ли я ее рассказать или нет. Возможно, она и была брошена в мои объятия словно приз, но я не сожалею о встрече с ней. Я не могу. Она первая, кто заставил меня почувствовать что-то иное, кроме полной и безмерной ненависти. А это нелегкое дело.

Ноэлль обнимает меня, крепко сжимая.

— Спасибо. Она нуждается в этом больше, чем ты можешь себе представить.

Я абсолютно уверен, что Дом сказал бы то же самое обо мне, если бы здесь был, и как только Ноэлль отпускает меня, я иду по холлу, сам не зная, куда именно. Все, что я знаю — мне необходимо найти ее, где бы она ни скрывалась.

Я тщательно обыскиваю каждый дюйм корабля. Я проверяю везде, где есть шанс, что Ларк может быть там. В каждом кафе, закусочной и лаундже, куда я захожу, я не получаю никакого результата. Спортивная палуба, библиотека, даже бутики — нет никаких признаков Ларк. В качестве последней инстанции я проверяю бассейн, где, как сказал Аки, он сегодня работал. Там темно и пусто.

Я продолжаю идти, надеясь, что, в конце концов, наткнусь на нее. Но чем дольше я ищу ее, тем больше мой уставший мозг начинает придумывать самые худшие сценарии. Прямо сейчас, я представляю ее с кем-то в постели, и я даже не мог бы злиться на нее за это после того, как она видела меня с Джиной, именно я был бы тем, кто довел ее до этого. В какие бы неприятности она ни ввязалась, это моя вина.

Я уже почти готов сдаться, поэтому присаживаюсь в кресло в солярии, чтобы придумать новый план. Хождение кругами не вернет мне Ларк. До тех пор, пока мой взгляд не падает на пару знакомых загорелых ног. Это может быть кто угодно, но эти ноги обнимали меня, и

я точно знаю, кому они принадлежат, не важно, где бы я их увидел.

Меня влечет к Ларк, словно мотылька на пламя. Я подхожу ближе, осторожно, чтобы не испугать ее. Но оказавшись рядом с креслом, я нахожу ее свернувшейся в клубок, с заплетенными волосами, лежащими на щеке, и поджавшей руки под подбородком. Она выглядит так юно, совсем не как женщина, с которой я познакомился в лаундже. В ночь нашего знакомства, она излучала уверенность и сексуальную привлекательность, но сейчас, она выглядит так невинно — уязвимой и совершенно одинокой.

Даже не пытаясь ее разбудить, я просовываю под нее руки и поднимаю. Единственное, что она делает — прижимается к моей груди, а ее кулак крепко хватает меня за футболку. Мысль о том, что кто-то мог запросто подойти и поднять ее, как я, выводит меня из себя.

Я злюсь на нее не больше минуты, потому что, когда она открывает свои мягкие губы и произносит мое имя, я понимаю, что даже в своих снах она осознает, что это я несу ее.

— Я держу тебя, детка.

И это правда, даже если только сейчас. По крайней мере, пока она не проснется.

Глава 17

Ларк

Четвертый день.

Шарлотта-Амалия, остров Сент-Томас

Открыв глаза, я ожидаю увидеть вокруг себя солярий, но, как только окончательно просыпаюсь и осматриваю темную комнату, внезапно рукой касаюсь теплого тела рядом со мной. Я даже не попыталась разглядеть, кто это — мне слишком стыдно здесь находиться. Все, что я хочу сейчас сделать, это вернуться в свою каюту и забыть то, что происходило в последние двадцать четыре расплывчатых часа.

Я цепляюсь за простыни, вытаскивая свое уставшее тело из-под них. Поднявшись, удивляюсь, что не обнажена, но футболка, одетая на мне, так же чужда, как и этот момент. Как я очутилась здесь? Когда?

У меня так сильно стучит в голове от похмелья, что я не могу здесь больше оставаться. Во рту так сухо, что я с трудом могу проглотить собственную слюну. Как только моя рука находит дверную ручку, живот болезненно скручивает, и у меня возникает ощущение, что если я не выберусь из этой комнаты прямо сейчас, то могу заблевать весь пол. Босиком, в одной футболке, я бегу в сторону лифтов, бью по кнопке своего этажа, прикрывая рот тыльной стороной руки, пытаюсь остановить вырывающуюся наружу желчь.

Слеза стекает по моей щеке, когда я понимаю, что натворила. У меня нет моей одежды, моей сумки, моей обуви и моего ключа, поэтому, как только я оказываюсь перед своей каютой, то стучу в дверь со сверхчеловеческой силой, отчаянно пытаюсь попасть внутрь, туда, где безопасно.

Ноэлль открывает дверь меньше чем на дюйм, шепотом спрашивая через щель: — Кто там?

Я толкаю дверь в ответ, ударяя Ноэлль и опрокидывая ее навзничь на пол.

— Это я.

— Как ты ее разблокировала? — спрашивает она с ковра.

Окидывая взглядом кровати, молюсь, чтобы она была одна. В данный момент, мне нужна моя подруга.

— Думаю, я напортичила этой ночью. Я вообще ничего не помню, но проснулась почему-то в чужой кровати. Я не могу вспомнить, как туда попала, вдруг он накачал меня

наркотиками?

— Разве ты была не с Истоном?

— Ноэлль, мы даже не разговаривали. Вчера он изменил мне — уже. Это заняло даже меньше недели.

— Хорошо, потому что если ты была не с ним, то получается, ты тоже изменила.

Оставляю это на совести моей лучшей подруги — швырнуть мне в лицо суровой действительностью.

— Это впервые. Как такое могло произойти?

Ноэлль смеется надо мной. У нее на самом деле хватает наглости смеяться. Не понимаю, почему она так беспечно к этому относится. Для меня это серьезно. Обычно я не занимаюсь небезопасным сексом с незнакомцами.

— Ты невыносима. — Я обхожу ее и иду к кровати, молясь, чтобы «Мистер Штаны Хаки» не лежал на моем месте. А если это так, я лично скину его с кровати. К счастью, когда я коленями касаюсь простыней, они прохладные и свободные. Слава Богу.

Ноэлль включает приглушенный свет над туалетным столиком и встает в изголовье кровати со скрещенными на груди руками.

— Посмотри, во что ты одета.

— Она не моя.

— Я это знаю, она — Истоны.

— Откуда ты это знаешь? Ноэлль, на мне даже нет нижнего белья. Кто-то раздел меня и может быть... — я останавливаюсь прежде, чем произношу слова, главным образом потому, что они застряли у меня в горле.

— Ларк, посмотри на футболку. Прочитай.

Тяжело читать вверх ногами, но возможно разобрать, что там написано — «Полночная Судьба».

— Ой, — шепчу я.

— Да, ой. Истон отправился на твои поиски, и, похоже, у него это получилось. Он бы никогда не позволил тебе попасть в постель к незнакомцу. Даже я это знаю.

— Не вижу причины, почему нет. У него же была другая женщина в его постели.

— Кстати об этом, я на самом деле считаю, что все это было недоразумением. Он явился сюда вчера ночью не как сумасшедший, пытающийся скрыть следы преступления. Он, скорее, выглядел как обеспокоенный парень, потерявший дорогого ему человека и испытывающий необходимость немедленно найти его.

— Ну, в одном ты права. Он определенно потерял меня.

Ноэлль садится на кровать рядом со мной.

— Ты же ведь несерьезно.

— Измена для меня — это повод для расставания. У меня нет сил иметь дело с еще одним Грантом.

Как только Ноэлль говорит, что я должна идти и бороться за Истоны, раздается стук в дверь.

— Даже не представляю, кто это может быть? — говорит она, с ехидной ухмылкой. От этого мне хочется ее шлепнуть.

— Пожалуйста, не позволяй ему войти. Мне нужно немного времени подумать.

— Да, да, — говорит она через плечо. Но открыв дверь, оказывается, что это не Истон стоит за ней. Это кто-то из управляющего персонала просунул бумаги под дверь.

Она благодарит женщину, прежде чем закрыть дверь и протянуть мне один из конвертов. На лицевой части конверта — логотип «Идеальной Пары», очевидный знак той игры, в которую мы играем. Некоторые из нас жаждут этого больше, чем остальные.

Ноэлль расправляется со своим конвертом с таким рвением, что практически разрывает его на две части. Я ожидаю ее пронзительного крика, когда она читает хорошие новости, но она лишь ахает, а ее письмо падает на пол рядом с кроватью.

— Что такое?

Ноэлль бледнеет, вся краска сходит с ее лица, а ее глаза теперь следят за моими.

— Этого не может быть.

Ее реакция заставляет меня поспешить открыть свой конверт, но я не была готова к словам, напечатанным на листе бумаги даже больше, чем она: «Мисс Уильямс, с сожалением сообщаем Вам, что результаты Вашего предкруизного тестирования были поставлены под сомнение. Наша круизная линия нацелена на обеспечение самого высокого качества работы, и мы приносим Вам искренние извинения за осложнение опыта с «Идеальной Парой».

Я дочитываю письмо с бьющим в ушах пульсом. Это была какая-то ошибка.

— О боже мой, Ноэлль. Этого не может быть.

Моя Идеальная пара не Истон. Это Линкольн Хайез.

Слезы Ноэлль градом текут по ее лицу, но я не могу сказать, слезы ли это облегчения или сожаления. Не секрет, что она никогда не была увлечена Линкольном так, как надеялась. И если кто из нас двоих и должен был попасть в пару с рокером, так это Ноэлль.

— Так значит Истон — твоя пара? — спрашиваю я ее, неуверенная, что хочу слышать ответ.

Она кивает головой: — Да.

— Фактически, они перепутали наши конверты. Я получила твой, а ты мой.

Это звучит просто как ошибка, совершенная организаторами, как будто это не разрушительный удар. Мужчина, которому я отдалась, с кем я провела последние несколько ночей, не был изначально предназначен мне.

— И что нам, блядь, со всем этим теперь делать?

— Ларк, пожалуйста, успокойся. Все совершают ошибки.

— Почему тебя все это не злит? Мы несколько дней провели не с теми людьми. Я встречалась с парнем, который был предназначен тебе. Ты должна быть сейчас так зла на меня. Именно ты хотела этого больше, чем кто-либо другой.

— Я не собираюсь забирать у тебя Истона. Я его не хочу. Не пойми меня неправильно, он парень моей мечты, и я была бы с ним без всяких вопросов, но он хочет тебя — не важно, идеальная пара или нет.

— Может, уже прекратишь это говорить! Мы спорим и больше ни о чем не сходимся во мнениях. Мы запутались. Все запутано, потому что он даже не моя пара! В реальной жизни такой ошибки бы не произошло. Такой ошибки бы не было потому, что изначально я бы никогда никуда не пошла с Истоном.

— Ларк, это и есть реальная жизнь. Да, Линкольн действительно очень далек от парня моей мечты, но не потому, что организаторы напортачили. А потому, что я, честно говоря, не выношу этого парня. С ним невозможно вести диалог. Он эгоист и настолько же возбуждающий, насколько может быть наблюдение за растущей травой. Он настолько надежен, что это даже пугает.

— Ноэлль, мне нужна надежность. Я хочу надежности после того, через что прошла с Грантом. Я нуждаюсь в гарантиях.

Она тянется за моей рукой, даря ей успокаивающее сжатие.

— Ты не хочешь Линкольна.

— Может быть, хочу.

Ноэлль отпускает мою руку, хватая бутылку воды с прикроватного столика и выливает остатки мне на голову, полностью намочив мне волосы и футболку.

— Что ты делаешь?

— Возвращаю тебя к действительности. Я лично потребую, чтобы тебя оставили на одном из островов, если ты не придешь в себя. Остановись. Прекрати притворяться, что то, что происходит между тобой и Истоном — полная ерунда. Он бы так тебя не разозлил, если бы тебе было на него наплевать. Все просто.

— Все совсем не просто. Ничего, касающегося Истона не является простым.

У меня больше не остается возможности продолжать доказывать свою точку зрения, потому что раздается еще один стук в дверь. Могу только предположить, что это один из двух человек — возможно оба. Скорее всего, им также передали письма.

— Я открою.

— Ты вся мокрая.

— Плевать.

Я делаю глубокий вдох, прежде чем открыть дверь. В основном потому, что скоро все изменится. Истон больше не будет моим, а Линкольн наоборот. Впервые встретившись взглядом с Линкольном, я ничего не почувствовала. Это пустое, странное чувство, которое я сразу возненавидела. Но как только появился Истон, мое тело ожило. Сердце заколотилось, и ладони начали потеть. Он заставляет меня нервничать, я хочу закрыть дверь и спрятаться. Не хочу его видеть, но также я и не хочу уходить от него.

— Войдите, — шепчу я, прежде чем повернуться и начать искать какие-нибудь штаны.

За моей спиной раздается рычание Истона: — Клянусь, если ты еще раз посмотришь на ее задницу, я лично выбью тебе все зубы.

Линкольн улыбается над угрозой Истона, поднимая руки вверх и отвечая: — Я не хочу высказывать неуважение Ноэлль, но, думаю, мы оба поняли, что не подходим нашим парам. Я совершенно уверен, у вас двоих сработало потому, что у него есть деньги.

— Второй промах, козел, — говорит Истон сквозь стиснутые зубы. — Еще один и ты пожалеешь, что открыл свой рот.

Ноэлль встает между Истоном и Линкольном с неуверенным взглядом, куда смотреть и что говорить. В первый раз моя чрезмерно самоуверенная подруга теряет дар речи. Не могу сказать того же самого про себя. У меня нет проблем с тем, чтобы поставить Линкольна на место.

— Не сказала бы, что у нас все вышло. На самом деле, я совершенно уверена, что мы потерпели полный провал.

— Ларк, — предупреждает Ноэлль.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я поворачиваюсь в сторону Истона, глядя ему в глаза в первый раз с тех пор как, кажется, прошла вечность.

— Я не права?

— Я отвечаю за каждое слово, которое тебе говорит. Джина — не моя. Ты — моя.

— Это не важно, твоя она или нет.

— Ларк, в чьей кровати ты была этой ночью и прошлой?

— Это не имеет значения, Истон. Это на самом деле не имеет значения. Это не должно быть так сложно, поэтому я знаю, что все это не правильно. — Я смотрю на свою лучшую подругу, и мои глаза на мокром месте, потому что я забрала у нее шанс на счастье в ту же секунду, как переспала с Истоном. Она даже теперь шага не сделает в его сторону. — Истон, Ноэлль отлично бы тебе подошла. Если бы я не появилась на пути, она бы могла сделать тебя счастливым. Я все еще думаю, что это может произойти, но она упрямая, как ты. Даже если она очень хочет, она этого не сделает. Но хоть раз в своей жизни, я собираюсь быть эгоисткой. Я даю Линкольну справедливый шанс и хочу того же самого для тебя — с другой.

— Черт тебя подери, — рычит Истон. — Ларк, это просто лист бумаги. Ты на самом деле собираешь позволить письму от какого-то осла из корпорации диктовать твои действия?

Ноэлль улыбается, похоже, согласная с ним.

— Я чувствую то же самое. Истон, для меня честь быть твоей парой, но, на самом деле, ты — не моя пара, а ее.

Линольн прочищает горло, вставая перед Истоном: — Ларк, не окажешь ли ты мне честь провести этот день со мной. Я предлагаю тебе приятную прогулку по пляжу и небольшой ужин. Что скажешь?

— Третий промах, долбоеб.

Прежде чем я могу остановить его, Истон хватает Линкольна за шею и одним махом кидает его на пол. Ноэлль прыгает на его спину, словно маленький ниндзя, и практически душит Линкольна, пока я подглядываю сквозь щели между пальцами, закрывающими мои глаза. Два взрослых мужчины борются на полу, в то время как моя лучшая подруга оседлала их обоих, чтобы разнять. Я опустила ниже плинтуса.

Как только у Линкольна появляется шанс подняться, он вскакивает на ноги. Он поправляет свою рубашку и волосы перед зеркалом прежде, чем снова обратиться ко мне: — Я зайду за тобой через час.

— Я буду готова. — как ни больно мне говорить эти слова, но я должна убедиться, что Линкольн именно тот парень, который мне нужен. Может быть, мне и небезразличен Истон, но он способен уничтожить меня еще сильнее, чем Грант. И возможно, небольшая часть меня хочет причинить ему немного боли после ночи, проведенной без него.

Не важно, его Джина или нет, это все еще очень неприятно. Если бы у него хватило терпения мне раскрыться, я бы знала, кто она. Я бы не оказалась пьяной и одинокой. Пока Истон не решит быть открытым и быть честным с другими, он будет продолжать разрушать и обжигать.

Даже не попрощавшись, Истон идет к двери. Он останавливается с рукой на двери, но не оборачивается, чтобы посмотреть на меня. Я рада, потому что не могу гарантировать, что не брошусь к нему. Он только произносит: — Я принес твою сумку. Ты забыла ее в моей каюте.

— Спасибо.

— Наслаждайся своим днем, — говорит он, достаточно громко, чтобы я могла услышать, и выходит из комнаты и из моей жизни.

В ту же секунду как закрывается дверь, я сожалею о своем решении принять приглашение Линкольна на свидание. Что я натворила?

Глава 18

Ларк

— Мы на этом поедим в бухту? — Один взгляд на открытый грузовик с рядами сидений под небольшой жестяной крышей, и на меня обрушивается еще одна волна сожаления. Возникает желание развернуться и попросить Линкольна просто забыть обо всем этом.

— Их бы не использовали, если бы это было небезопасно.

Безопасно это или нет, холодок пробегает вдоль моего позвоночника. Предчувствие подсказывает, что мы должны добраться туда в целостности и сохранности, и шанс, что произойдет что-то плохое, вероятнее всего невелик, но я все еще колеблюсь.

Он берет меня за руку, переплетая свои пальцы с моими. — Ты должна доверять мне, Ларк. — Вместо того, чтобы утешиться его словами и наслаждаться его прикосновением, я думаю о том, насколько по-другому ощущается его кожа, по сравнению с кожей Истона. Там, где у Истона мозоли от игры на гитаре, у Линкольна кожа мягкая, как у младенца. Очередное доказательство того, насколько они разные.

— Не обижайся, Линкольн, но мы только что познакомились. Прямо сейчас я даже себе не особо доверяю после того, что произошло. Мое мнение о поездке было омрачено произошедшей ситуацией.

Он пожимает плечами и улыбается.

— Иногда приходится рисковать, или ты никогда не найдешь того, чего была лишена.

— Как бы красиво это ни звучало, но это не та причина, по которой я ввязалась во все это.

— Но ведь ты все равно уже ввязалась, разве нет?

— Да.

Я забираюсь в грузовик, но, даже вопреки тому, что я могу справиться с этим сама, Линкольн кладет руку на мою задницу, подталкивая меня вперед. Как только я оказываюсь внутри, Линкольн забирается, пристраиваясь рядом со мной, и занимает крайнее место в ряду ближе к дороге. Он тянется и рукой придвигает меня ближе к себе таким образом, что наши тела соприкасаются от плеча до бедра. Он обнимает меня и вместо того, чтобы плавиться от его прикосновения так, как это происходит у меня с Истоном, я застываю.

— Детка, о чем ты думаешь?

О том, что мне хочется выпихнуть тебя из грузовика и сбежать обратно на корабль. Конечно, я не произношу вслух, вместо этого жеманничая: — Ну, у меня есть свои маленькие секреты.

Он ошибочно принимает мой комментарий за что-то большее, и наклоняется еще ближе ко мне. На самом деле, он настолько близко, что я могу почувствовать его дыхание на своей коже.

— Ларк, я никогда не пасовал перед трудностями.

Я отодвигаюсь немного дальше от человека, сидящего рядом со мной, устанавливая между нами максимально возможную дистанцию. Линкольн это замечает, но больше не предпринимает попытку перетащить меня ближе. Он просто кладет ладонь на мое бедро, сжимая ногу чуть выше колена. Он продолжает ее удерживать даже тогда, когда мы начинаем отъезжать от порта.

Немного оглядевшись вокруг, я начинаю задаваться вопросом, почему я решила, что это будет хорошей идеей. Мы с ним провели вместе от силы полчаса, а у меня уже готов список его недостатков. Ноэлль — добродушная и беззаботная. И если она не смогла отыскать даже

малейшей совместимости с Линкольном, не понимаю, почему я решила, что смогу это сделать.

Как только мы подъезжаем к первому повороту, Линкольн начинает осваиваться, двигаясь рукой все выше и выше по моему бедру. Я накрываю его руку своей, давая ему возможность понять, что он заходит слишком далеко.

— Ларк, ты так напряжена. Расслабься немного.

— Я в полном порядке. Просто много мыслей в голове.

— Я понимаю тебя. Было тяжело, потому что нас связали не с теми людьми, но я рад, что письма пришли прежде, чем стало бы слишком поздно для нас.

— Да, — соглашаюсь я. — Теперь все раскрылось.

Оставшуюся часть пути он больше ничего не произносит, и я благодарна ему за это. Я настолько потерялась в своих мыслях, что даже не замечаю окружающей меня красоты, пока Линкольн не помогает мне выбраться из грузовика. И как только я это осознаю, у меня перехватывает дыхание. Вода бирюзового цвета, практически белый песок, и множество пушистых облаков на голубом небе превращают Бухту Маген в рай на Земле.

— Что ты думаешь?

— Вода просто — вау.

Она настолько чистая, что я уверена, независимо от того, как глубоко я рискну зайти, я буду видеть свой свежий маникюр даже под водой. Здесь спокойно, безмятежно, нет волн, и больше похоже на бассейн, чем на океан.

— Я даже не знаю, что сказать. Здесь очень красиво.

Я все еще стою, загипнотизированная водой, когда Линкольн смотрит на меня и говорит: — "Красиво" — я бы тоже использовал это слово. — Его комплимент заставляет меня покраснеть и на мгновение задуматься, может с Линкольном не все так уж плохо.

— Я до конца жизни буду помнить это место.

— Если ты будешь со мной, то сможешь увидеть каждый дюйм этого мира. Есть места даже лучше, чем это. Я много повидал.

Я не готова строить планы на будущее с Линкольном, но сама идея посещения мест, о которых я только мечтала или видела в интернете, возбуждает меня. Буклеты, которые я просматривала на корабле, не отдали должное Бухте Маген. Меня не удивит, если то же самое произойдет в отношении остальной части мира.

— Пошли, Ларк. Тебе здесь еще больше понравится, как только мы спустимся по этой тропе.

Я позволяю ему вести меня, следуя за ним. С каждым шагом, мои шлепанцы поднимают горячий песок и подбрасывают его мне на ноги. Чем дальше мы идем, тем горячее он становится, пока это не становится настолько невыносимым, что мне приходится отпустить руку Линкольна и бежать в сторону воды.

Линкольн смеется, когда, наконец, догоняет меня.

— Полегчало?

— Да, я даже не была босиком, а ноги чуть не сгорели.

— Я помассирую их, как только мы ляжем.

Я могла бы наслаждаться массажем ног с правильным парнем, но Линкольн, массирующий мои ноги, не заводит меня. Ни бабочек в животе, ни мурашек — ничего.

— Я абсолютно уверена, что на песке лежать будет даже еще жарче. Возможно, нам следует остаться прямо здесь.

Он поворачивает голову и указывает в сторону около пятидесяти ярдов вниз по пляжу.

— На одном из тех домиков должны быть наши имена.

— Ты арендовал один из них на весь день?

— Я подумал, что нам было бы неплохо уединиться, таким образом, мы смогли бы узнать друг друга немного лучше.

Я сглатываю, не готовая ко времени наедине с Линкольном. В физическом плане, он один из самых привлекательных парней на пляже. Его идеально уложенные светлые волосы прекрасно сочетаются с зелеными глазами. Мышцы, напрягающиеся под его футболкой, выглядят сексуально, но каждый раз глядя на него, мой мозг обманывает сам себя, думая, что сейчас увидит Истона. И каждый раз, когда я в итоге не вижу татуировок Истона или его темных волос, попадающих ему в глаза, если он наклоняет голову слишком сильно вперед, я чувствую разочарование.

Тем не менее, я позволяю Линкольну взять меня за руку, надеясь, что в этот раз у нас найдется время спокойно сесть и попробовать узнать друг друга, чтобы все кусочки головоломки, которые я изо всех сил пытаюсь разгадать, легко встали на место. Если это произошло однажды, то наверняка может произойти снова.

Он ныряет под навес домика, затаскивая меня внутрь вместе с ним. Внутри еще жарче, но обдувающие из каждого угла вентиляторы, заставляют чувствовать, что здесь намного прохладнее. Я уверена, без них мы бы задохнулись.

— Здесь мило.

Он потягивается, руками касаясь затылка и натягивая рубашку вверх. Его спина изгибается, обнажая мускулы во всех местах, до тех пор, пока его кожа не становится открытой на обозрение. Это горячо. Он горяч. Черт.

Я еще больше распускаю слюни, когда он расстегивает свои шорты и начинает стягивать их вниз по бедрам. В конечном итоге моя фантазия заканчивается, когда моему взгляду открываются одни из самых маленьких плавок, которые я когда-либо видела на мужчине. Как будто на меня вылили ушат холодной воды, успокаивая мое либидо.

— Что ты думаешь? — спрашивает он, сокращая дистанцию между нами.

Должно быть он шутит. Вот в чем дело — это проверка.

— Интересный выбор. Очень по-европейски.

— Правда? Мой стилист специально создал их для этой поездки. Он работает со всеми крупнейшими дизайнерами Милана, Парижа и Нью-Йорка.

Во мне поднимается тревога.

— У тебя есть стилист?

— В основном, он работает на мою мать, но вся семья также может пользоваться его услугами. Включая тебя, если ты вернешься домой со мной.

Я отступаю от него на шаг. Ему надо сбавить темп. Мы не должны обсуждать долгосрочные отношения на первом свидании, по крайней мере, по моему прошлому опыту.

— Я даже не знаю, откуда ты.

— Мы живем на Кейп-Коде (полуостров на северо-востоке США в 120 км от Бостона самая восточная точка штата Массачусетса), но много путешествуем. Моему отцу принадлежит компания по производству яхт, и он ведет бизнес по всему миру. Взрослея, я проводил больше времени в море, чем на суше. Это я имел в виду, когда говорил, что могу отвезти тебя, куда ты только захочешь.

Он плюхается в центр кровати, укомплектованной простынями, подушками и

лепестками роз. Я точно знаю, что аренда домика не предусматривает лепестки роз. Я видела фотографии в буклете. У Линкольна должно быть так много денег, что он не знает, что с ними делать.

— Похоже, ты ведешь весьма роскошную жизнь.

Я присаживаюсь рядом с ним на край кровати, словно он может укусить меня, если я приближусь слишком близко. Я не могу его раскусить. В одно мгновение он говорит что-то милое, а в другое — вызывает неприятные чувства. Возможно, он слишком сильно старается впечатлить меня или, может быть, думает, что мне нужны дорогие подарки. Но я не такая девушка. Я усердно работала, чтобы получить все, что у меня есть, и меня это устраивает.

— Да, довольно приятную, — соглашается он. — Иди ко мне, отдохни.

Я никогда не испытывала проблем во флирте с Истоном, но с Линкольном я не чувствую себя здесь так же естественно, как было с ним. Я не могу обниматься, но ложусь на свою половину кровати рядом с ним, головой опираясь на руку.

— О чем еще ты хочешь поговорить?

Он перекачивается на живот и смотрит мне прямо в глаза.

— Я хочу знать все, что-нибудь еще и даже сверх этого. Ты можешь начать первой. Спроси меня о чем-нибудь, я — как открытая книга.

Меня не удивляет, что он хочет еще немного поговорить о себе. Из того, что я успела заметить, он в этом довольно неплох. Я-то подумала, что он, хотя бы, спросит меня, откуда я родом или чем зарабатываю на жизнь, но я дам ему возможность оправдаться и подожду, пока не придет его очередь задавать мне вопросы.

Я даже решила помочь ему, спросив: — Чем ты зарабатываешь на жизнь?

— У меня подписан контракт с модельным агентством в Нью-Йорке, но когда я не снимаюсь для рекламы, я сотрудничаю с хедж-фондами и с другими инвестиционными фондами. Мой трастовый фонд позволяет мне играть, что значительно интереснее. Нам всем необходимо что-то, чем можно заняться в дождливый день, верно?

— В дождливые дни я обычно смотрю кино, но ты вроде говорил, что живешь на Кейп-Код.

— Да, но у меня также есть пентхаус в городе. Я часто мотаюсь туда-обратно. Я не могу каждый раз останавливаться в отеле. Плюс, я предпочитаю стряпню Мисс Берни.

— Оу, — спокойно реагирую я, его огромное количество денег заставляет ощущать мою гораздо меньшую зарплату совсем незначительной. Я горжусь своей работой и своим трудом, но не могу соревноваться с парнем, который сорит деньгами, ради веселья.

— Кто такая Берни?

— Это наша экономка в Кейп-Коде. Берни — сокращенное имя от Бернадетт.

Я стягиваю солнечные очки с макушки и бросаю их в сумку. От его рассказов меня клонит в сон, поэтому я кладу голову на подушку рядом с ним. Линкольн пользуется возможностью придвинуться ближе ко мне, дотягиваясь и водя пальцем по моей щеке.

— Извини, я не задал тебе ни одного вопроса.

И вот опять — его более мягкая, милая сторона.

— Ничего страшного.

— Ты очень красивая, ты знаешь это?

— Спасибо.

— Если я вернусь домой с тобой, мои друзья сойдут с ума. Они были убеждены, что моей идеальной парой будет пожилая женщина с маленькими буферами. — Он поглядывает

на мою грудь и ухмыляется. — Мне нравится доказываться им, что они не правы. Что ты скажешь, если мы пошлем им селфи?

— Что? Я ужасно выгляжу. Здесь так жарко, и я потею.

— Я только что сказал тебе, что ты классная штучка. Плюс, твои волосы немного в беспорядке. Они подумают, что мы занимались этим. — Он спрыгивает с кровати, копаясь в своей барсетке, вероятно, также выбранной его стилистом, и достает из нее свой смартфон. Он наводит камеру на меня, но останавливается. — Сними свою футболку.

— Что?

— Почему ты все время переспрашиваешь?

— Потому что думаю, ты сошел с ума.

— На тебе ведь надет купальник? Я же не прошу тебя раздеться полностью.

Без особого желания я стягиваю свое прикрытие через голову, и Линкольн бросает свой телефон на кровать в ту же секунду, как только появляются мои сиськи, практически высывая язык изо рта. Это заставляет меня чувствовать себя дешевкой, и, внезапно, мне больше не хочется, чтобы меня фотографировали.

— Почему ты на меня так смотришь?

— Потому что я хочу тебя.

Он может любить свои яхты, банковские счета и дорогую жизнь, но это не то, чего я ищу. Идеальная пара или нет, Линкольн никогда не будет моим. В этом я больше, чем уверена.

— Давай, детка, улыбнись для папочки.

Он, блядь, серьезно? Я встаю, хватаю свою сумку и скольжу ногами в свои шлепанцы.

— Я не твоя детка. И мой папочка находится дома в Дэлавэре.

Я уже почти вышла из домика, когда он хватается мою сумку и затаскивает меня обратно внутрь.

— Извини. Нам не обязательно фотографироваться. Я далеко не лучший в этом — обычно для меня организывают свидания и все, что мне нужно сделать — это появиться и вывести в свет. Для меня непривычно кого-то добиваться.

— О чем ты говоришь? Ты привык пользоваться услугами эскорта или сам работаешь в эскорте?

— Нет, детка. Мне не надо платить за свидания. Они все — дочери или племянницы бизнес-партнеров моего отца. Мне просто говорят, куда нужно приехать и ее имя. Вот и все.

— Это звучит удручающе и совсем не романтично, как и выглядит. Разве ты не хочешь жить своей собственной жизнью? Принимать решения самостоятельно?

— Честно? На самом деле, нет. Я привык к этому и до тех пор, пока мои родители счастливы, я буду обеспечен до конца жизни. Мама сказала, что это может сработать в мою пользу. Очевидно, что она была права — я встретил тебя.

Я не хочу ввязываться во все это свою лучшую подругу, но не могу уйти, не спросив его: — А что не так с Ноэльль?

— Да все. Она очаровательная, даже смешная, но, Ларк, она не «десятка», как ты. А я должен вернуться домой с «десяткой». Я хожу на множество благотворительных мероприятий, и меня много фотографируют. Мне нужен кто-то, похожий на тебя, рядом со мной.

— Линкольн, ты думаешь, что ты «десятка»?

Он ухмыляется, снова придвигаясь ближе ко мне.

— Это ты мне скажи, детка. Ты видишь «десятку», когда смотришь на это тело? — Он проводит рукой по своей груди и ниже по животу, прежде чем взять меня за талию и притянуть ближе к себе.

Я не смогла достаточно быстро сбросить его руки с себя, поэтому отталкиваю его. Он спотыкается, шокированный тем, что я его отшила.

— Когда я смотрю на тебя, то вижу перед собой жалкого типа в невероятно маленьких плавках, вероятно прикрывающих также невероятно маленький член. В тебе нет ничего привлекательного. На самом деле, я думаю, что ты отвратителен.

— Ах ты, маленькая сучка, — рывкает он в ответ, пока я вылетаю из домика. — Ларк, ты понятия не имеешь, кто я такой.

— Ты прав. Не имею. Но у меня даже нет желания оставаться и выяснять это.

— Куда ты собралась? Мы в нескольких милях от корабля.

— Я на минутку. — Должно быть, его крошечный мозг поверил в то, что я вернусь, потому что он разворачивается и позволяет мне уйти. Дело не в том, что я хочу, чтобы он побегал за мной, но если бы он был Истоном, он должен бы был. Впрочем, я бы никогда Истону не сказала всех этих вещей на первом свидании. Его сердце никогда не было холодным, самодовольным, несмотря на его успех.

Освободившись от Линкольна, я бегу в сторону воды, песок снова нещадно обжигает мои ноги. Я зла на Линкольна, что он оказался таким придурком, но на себя я зла еще больше. Я не должна была идти на это свидание. Я не должна была заходить в океан, который меня пугает, потому что мне некуда больше идти. Но как только моя разгоряченная кожа соприкасается с соленой водой, все мое скрытое напряжение выливается наружу. Вся эта неразбериха оттеснила в сторону здравомыслие — у меня есть чувства к Истону. Чувства, уходящие за пределы физических. Он мне безразличен, я скучаю по нему.

Я настолько погрузилась в размышления, что не поняла, как добралась за пределы зоны купания, пока резко не оборвалось мягкое, песочное дно, затягивая меня вниз под воду. Я изо всех сил барахтаюсь, пытаюсь сделать все возможное, чтобы моя голова оставалась над водой, но внезапный шлепок по моей ноге, обжегший мое тело огнем, заставляет меня кричать от боли.

Солёнейшая вода, которую я когда-либо пробовала, заполняет мой рот, вызывая тошноту. Я барахтаюсь, пока не сильно глубоко, но еще один шлепок обжигает мою ногу. Боль настолько сильная, что я уверена, тоже самое испытывают при ударе током.

Пальцами я снова пытаюсь отыскать песчаное дно, но мои ноги не в состоянии довести меня до берега. Я пытаюсь плыть на спине, но у меня слишком сильно кружится голова, чтобы мой мозг мог скоординировать свои действия с остальной частью тела. Все, что я могу делать, это ждать, пока все не закончится. Я сама во всем виновата. Я была такой упрямой.

Словно мои молитвы были услышаны, сильные руки обхватывают меня и держат над водой. Я никогда не была так рада видеть Линкольна.

— Я держу тебя, — говорит он. — Детка, с тобой все в порядке.

— Истон? — я слишком слаба, что сказать что-то большее, мое тело вялое и безжизненное в его руках. Постепенно, вода покрывает меня все меньше и меньше, пока он несет меня на берег. Он укладывает меня на песок на краю воды, но солнце бьет прямо в глаза, и я не могу видеть его лицо. Возможно, я все придумала. Может быть, его даже здесь нет.

Только когда он передвигается по другую сторону от меня, я понимаю, что это не было галлюцинацией. Крошечные капельки воды падают с его всклокоченных волос, и каждая приземляется на меня. Мои глаза сосредоточены на его губах, его слова сначала выходят глуховато, как будто он находится далеко от меня. Но как только он прикасается к моему лицу, все встает на место.

— Истон, — шепчу я.

— Я здесь. Почему ты оказалась здесь одна? Ты хоть представляешь, что с тобой могло произойти?

— Мне нужно было успокоиться и убраться подальше от Линкольна.

— Детка, но ты ведь ненавидишь воду.

— Я не думала, что зайду так далеко, но прежде чем я это поняла, оказалось слишком глубоко. Истон, мои ноги жжет. Не думаю, что смогу подняться.

— Тебя довольно сильно ужалили. Спасатели уже идут, чтобы помочь тебе, а затем ты вернешься на корабль для осмотра доктором.

— Я не хочу идти одна. Ты останешься со мной?

Он закрывает глаза и глубоко вздыхает, прежде чем произнести: — Я не брошу тебя.

— Даже несмотря на то, что я бросила тебя?

— Даже несмотря на это.

— Как ты узнал, где меня найти?

Он смеется, качая головой.

— Я и не собирался позволять тебе пойти одной с этим чертовым идиотом. Я следил за тобой.

Я улыбаюсь, не обращая внимание на то, что моя нога горит. Не могу придумать лучшего описания для Линкольна. — Он самый большой чертов идиот, какого я встречала в своей жизни. Он не имеет ничего общего с тобой.

Истон затихает, кажется, на целую вечность, но он ни на минуту не прекращает прикасаться ко мне. Он продолжает держать меня за правую руку, а другой гладить меня по щеке.

— Черт, почему они так долго? Я бы лучше сам отнес тебя на корабль.

— Все нормально. Больно, но ты мне помогаешь. — Все, что я могу видеть — это облака над моей головой и ярко-голубое небо. Уверена, все на пляже наблюдают за нами, пытаюсь понять, что со мной произошло.

— Блядь, что за дерьмо надето на этом болване?

— Ты слишком много материшься. Я скучала по этому.

— Думаю, он это заслужил. Разве я не прав?

Учитывая, как Линкольн себя вел, ни разу не встав на мою сторону, не спросив, как у меня дела и не сказав Истону отвалить, думаю, он заслуживает все, что Истон хочет сказать о нем.

— Ноэлль все это время была права. Он не очень хороший парень. С ними было не комфортно.

— Ларк, пожалуйста, скажи, что он не прикасался к тебе. — он крепко сжимает мою руку, пока ждет моего ответа.

— Нет. Даже близко ничего не было.

Он выдыхает, а затем отстраняется от меня. Двое мужчин забирают меня, прося меня не двигаться, пока перекатывают на бок и кладут под спину жесткие носилки, как будто я

попала в аварию вместо того, что меня ужалило отрядом каких-то идиотских медуз.

Без предупреждения, они поднимают меня, отчего перехватывается дыхание, и я пытаюсь руками за что-нибудь схватиться.

— Истон?

— Я здесь.

Он держится рядом со мной, пока мы не загружаемся в заднюю часть фургона, где настолько жарко, что я потею. Истон пытается открыть окно, потому что здесь настолько же жарко, насколько и неприятно пахнет.

— Чем это пахнет?

— Они наложили повязку с уксусом, чтобы остановить распространение ожога.

— О, я думала это просто чистая вода. Это отвратительно. Карма та еще сука.

Истон перемещается со своего места на пол и придвигается настолько близко, что моя голова теперь лежит у него на коленях. Я не могу видеть его лицо, но чувствую, что у него есть что сказать. В конце концов, я сбежала от него. Я заслуживаю, чтобы на меня кричали, обзывали и даже больше этого.

Но он, не повышая голоса, просто спрашивает.

— Ларк, зачем ты с ним пошла?

— Потому что почувствовала, что наши отношения были ошибкой, и это так больно. Я сделала единственное, что мне пришло в голову в ту минуту. Но теперь, по истечении времени, которое у меня было на раздумье, мое решение кажется совсем не рациональным. Я сделала неправильный выбор.

— Ты до сих пор думаешь, что наши отношения — это ошибка?

— Ты и я?

— Ты и я, — повторяет он.

— Нет, теперь я думаю совсем наоборот. Тот, кто спас мою жизнь, не может быть ошибкой.

— Даже Грант?

Я задумалась, чтобы понять, был ли Грант ошибкой. Возможно, он и разбил мне сердце, но если бы этого не произошло, я бы не встретила Истона. Только по этой причине я не могу сожалеть о Гранте.

— Мы можем прекратить этот разговор, пока не выберемся из фургона? Я даже не могу видеть твое лицо, когда разговариваю с тобой.

— Нам не обязательно его продолжать. Не имеет значения, был он ошибкой или нет. Все что мне нужно знать, вернешься ли ты в мою каюту сегодня или планируешь идти дальше собственным путем, без меня.

Последнее, что мне сейчас нужно — это расставание, но я не знаю, как мне продолжать отношения с человеком, у которого нет желания мне открыться. Помимо его группы, я не имею ни малейшего понятия, что он из себя представляет без «Полночной судьбы».

— Признаю, что запаниковала, когда получила конверт, и на нем больше не было твоего имени. Истон, мне нравится быть с тобой, но существует множество нерешенных вопросов, возникших между нами — и ты ничего не предпринимаешь, чтобы разобраться даже в некоторых из них. И после этого я вижу тебя в обнимку с другой девушкой, поэтому я перестала тебе доверять.

— Я могу объяснить, что ты увидела, и могу гарантировать, это совсем не то, о чем ты подумала.

— У меня не было возможности узнать это. И я по-прежнему не понимаю.

— Не то, чтобы я хотел, чтобы ты увидела меня с ней, но если бы ты подождала в холле еще минуту, то увидела бы, как я передал ее в руки Дома. Это не еще одна женщина. Это была Джина. Та же девушка, которая зарегистрировала меня в Идеальной Паре.

Я поднимаю голову, изо всех сил пытаюсь сесть, но Истон мягко давит мне на плечи, останавливая от лишних движений.

— Мне нужно видеть твое лицо, — говорю я ему. Мне нужно доказательство, что он говорит правду. Доказательство, которые я могу найти только в его глазах — тех же глаза, в которых глубоко скрыты его тайны.

— Мы через пару минут будем на корабле. Тебе не следует подниматься, пока они тебя не осмотрят.

Несмотря на то, что он прямо так ничего мне и не рассказывает о своем прошлом, Джине или крыльях на его спине, тон его голоса говорит о многом. Я была не права — сильно не права. Я зашла слишком далеко, когда согласилась пойти с Линкольном.

— Извини.

Он не принимает и не отвергает мое извинение, вместо этого поднимается на ноги и закрывает окно фургона.

— Мы приехали. — это ранит, что он не прощает меня, но, как бы я этого ни заслуживала, я не могу сдержать слез, скатывающихся по моим щекам и заливающим мою шею. Возможно, я испортила самое лучшее, что случилось со мной в жизни.

Я благополучно оказалась на кровати в кабинете врача, Истон притягивает стул рядом с моей койкой прежде, чем снова взять меня за руку, что ощущается, как начало прощания. От этого у меня только сильнее начинают течь слезы.

— Пожалуйста, не плачь.

— Мне страшно. — мне страшно, что он собирается покинуть эту комнату, и я никогда больше с ним не увижусь. Что еще хуже, я боюсь больше никогда не почувствовать себя снова такой живой. Так как, несмотря на гнев, слезы и разочарование, он дает мне больше, чем, я думала, мне было нужно. Он научил меня, что необязательно заботиться о себе самой. Это нормально зависеть от мужчины в основных потребностях — любви и счастье.

— Мы закончим этот разговор, как только тебя осмотрят. В том случае, если ты все еще собираешься вернуться в мою каюту.

— Ты приглашаешь меня?

— Ну, да. Но это только твой выбор. Я не могу тебя заставить делать, чего ты не хочешь.

— Истон, единственное место, где я хочу быть — рядом с тобой.

Глава 19

Ларк

Если бы Вы мне сегодня утром сказали, что я, в конечном итоге, променяю Истона на Линкольна, а затем, пытаюсь сбежать от парня, чуть не утону в океане, то я бы сказала, что Вы — неменяемый безумец. Только я не могу так сказать, потому что именно это со мной и произошло.

— Ты уверена, что с тобой все будет хорошо?

— Да, — отвечаю я Истону уже в третий раз за последние пять минут. У него сегодня должна состояться встреча с боссом и, судя по всему, очень важная. Скорее всего, по поводу контракта — пришло время Истону принять решение по поводу будущего группы. — Со мной все будет хорошо. Ты постоянно опаздываешь из-за меня — поспеши.

Он проводит рукой по своему слегка обгоревшему лицу и кивает головой.

— Если ты уверена...

— Ты слышал, что сказал доктор, меня отпустят через пятнадцать минут.

Прежде чем Истон снова вступит в спор, медсестра, ухаживающая за мной с тех пор, как меня прикатили на корабль, указывает ему на дверь. Я одними губами благодарю ее. Как бы мне не хотелось, чтобы Истон оставался со мной, у него сейчас есть более важные дела.

Как и было обещано, баночка Адвила и бумаги на выписку появляются у меня на руках менее, чем через десять минут после того, как Истон вышел за дверь кабинета. Медсестра предлагает отвезти меня обратно в каюту, но я не хочу остаток путешествия провести прикованной к инвалидному креслу. Истон, вероятно, настаивал бы на этом, но, даже если моя нога до сих пор опухшая и воспаленная, боль стала намного терпимей.

Чего я не ожидала обнаружить, вернувшись в свою каюту, так это Ноэлль, стоящую лицом к дивану с чьими-то руками, обнимающими ее за бедра. Его лицо закрыто ее телом, но прохромав вглубь комнаты, я не была удивлена, увидев сидящего перед ней барабанщика из «Полночной Судьбы».

Ноэлль оглядывается через плечо, и нежный румянец медленно поднимается по ее шее и покрывает щеки. Сразу становится ясно — ей действительно нравится этот парень. И я, наконец, могу смело сказать, что теперь это ее тип — прямая противоположность Линкольну и достаточно плохой для нее, чтобы влюбиться.

— Извините, что помешала.

Ноэлль отпускает Лейна сразу же, как только понимает, что я пострадала.

— Что, черт возьми, с тобой произошло? И где Линкольн?

— Меня ужалила медуза в океане, а Линкольн, надеюсь, подавился своими Спидо (плавки).

Она теряет дар речи на несколько секунд, молча открывая и закрывая свой рот, прежде чем прийти в себя и произнести: — Подожди, что? С тобой все в порядке?

— Лучше, чем я этого заслуживаю за то, что сотворила. — Лейн смотрит на меня и отодвигается от Ноэлль, чтобы подняться. Он не должен из-за меня уходить.

— Сиди, все нормально.

— Ты уверена? Я не против подождать снаружи.

— Абсолютно. На самом деле, я была с Истоном. Но сейчас он на встрече с вашим боссом.

— Какое облегчение. Мы его повсюду разыскивали. На самом деле, именно поэтому я здесь и оказался.

— И как же ты оказался с языком Ноэлль во рту? Чувствую, что пропускаю некоторые ключевые моменты во всей этой истории.

Ноэлль со стоном закрывает лицо руками. У нее нет права жаловаться. Ее отличительная черта — ставить меня в неловкие ситуации. На самом деле, это в новинку для меня — быть по другую сторону.

— Вопреки тому, о чем ты думаешь, — говорит она. — Я не заставляла его войти.

— Какая жалость, потому что, вообще-то, я одобряю, чем бы вы тут ни занимались. Особенно учитывая, что Линкольн — ничтожество, а пара, предназначенная для тебя — запретная зона.

Ноэлль улыбается с коварной ухмылкой на лице.

— И когда это Истон стал запретной зоной?

— С тех пор, как я решила, что он мне очень нравится.

Ноэлль закидывает голову вверх со сложенными перед собой ладонями.

— Боже, спасибо тебе, — благодарит она небеса. — Ты, наконец, прозрела.

— Было не трудно понять, что у Линкольна примерно столько же серого вещества в голове, сколько у куска жеваной резинки.

— Не могу не согласиться с тобой. Думаю, я больше удивлена тем, что ты оказалась в воде. — Ноэлль сидит рядом с Лейном, склонив голову ему на плечо. Они чувствуют себя очень уютно друг с другом для тех, кто только что познакомился. Это заставляет меня задуматься о том, что она скрывала от меня всю неделю. Может быть, она и не проводила с Линкольном столько времени, сколько я считала.

— Все так быстро произошло. Если бы Истон не следил за мной, не уверена, чем бы вообще все закончилось. Я даже не хочу об этом думать.

Никогда больше я не буду принимать свою жизнь как нечто само собой разумеющееся. Особенно, когда понимаешь, что она может быть отнята в мгновение ока. Сегодняшний день был настолько ужасен. Хотя, может быть, именно в этом я и нуждалась, чтобы осознать, насколько готова отпустить все, что произошло с Грантом и сосредоточиться на ком-то другом.

— Хорошо, я рада, что ты в порядке. Напомни мне поблагодарить Истона.

— Уверена, он не возьмет все лавры себе, и я пошла в душ. Лейн, позаботься о моей девочке. — Никто из них не произносит ни слова, пока я проскальзываю в ванную комнату. Как только я включаю воду в душе, меня накрывает реальность.

Просто наблюдение за каплями воды, стекающими вниз по стене душевой кабины, напоминает мне, каким мог бы быть конец этого дня. Я могла умереть, если бы Истон не решил проследить за мной.

Последние сказанные мной Истону слова выражали бы только гнев и злобу. Я бы навсегда осталась в его памяти, уходящий из каюты с другим. С мужчиной, с которым я даже не могу стоять рядом.

Это могло бы произойти.

Конец.

Мне удастся вымыть волосы и тело, но, только при взгляде на воду, стекающую в водосток, становится трудно дышать. Моя голова опускается вниз, и плечи начинают трястись, пока из меня начинают выходить слезы облегчения и благодарности.

Ноэлль просовывает голову в ванную комнату и видит меня сжавшейся в комок. Даже не задавая вопросов, она выключает воду, стягивает полотенце с вешалки и оборачивает его вокруг меня.

— Пошли, Ларк.

Я зажимаю полотенце перед собой и следую за ней в кровать, где окончательно разваливаюсь. Я часами держалась на адреналине и теперь просто обессилена.

— Тебе что-нибудь нужно? Что я могу для тебя сделать?

— Я приду в себя через минуту. Сегодня я получила большую дозу солнца. Я не привыкла к жаре.

Она массирует мне спину через полотенце, утешая меня так, как это может сделать только лучшая подруга.

— Я та, кому ты всегда можешь все рассказать, помнишь? Тебе не нужно лгать мне.

Я киваю, а слезы продолжают катиться из глаз. Ноэлль не подталкивает меня к

разговору, и я благодарна ей за это. Она просто натягивает на меня одеяло и выключает свет.

— Спасибо. Думаю, мне нужно немного времени, прежде чем я снова увижу Истона.

— Ларк, делай все, как считаешь нужным. Он поймет. Никто никуда не денется.

— Хорошо, — шепчу я, закрывая свои припухшие глаза. — Кстати, мне нравится Лейн.

— Когда тебе станет лучше, нам надо будет о многом поговорить. Я буду с Лейном в пабе, так что, если тебе что-нибудь понадобится — звони. Постарайся поберечь ногу.

— Постараюсь. Повеселись.

Однажды я прочитала, что у среднестатистического человека занимает семь минут, чтобы уснуть. Я практически уверена, что у меня на это ушло секунд тридцать. Наконец проснувшись, я обнаружила, что в комнате стало вполтину темнее с тех пор, как я заснула. Вечернее солнце медленно садится, и я волнуюсь, что спала слишком долго, потратив попусту время, которое могла бы провести с Истоном. Но, стянув с себя одеяло, и осторожно спуская ноги с матраса, я вижу прекраснейшие цветы на прикроватной тумбочке рядом.

Вдохнув сладкий аромат маргариток и лилий, я открываю конверт с логотипом "Идеальная Пара" и вытаскиваю из него сложенную карточку:

Ларк,

Детка, в том случае, если тебе нужно подтверждение в письменной форме, ты — моя идеальная пара.

Истон

Просто читая его слова, нацарапанные на листе бумаги, мое сердце начинает биться быстрее. Карточка падает на кровать, и я роняю полотенце, обернутое вокруг меня, на пол. Близится конец недели, и у меня не так уж много времени на размышление, поэтому, со все еще красной от ожога ногой, я добираюсь до стойки с одеждой и хватаю длинное платье, припасенное на особый случай. Это определенно особый случай.

Я так сильно тороплюсь к Истону, что покидаю комнату со шлепанцами в руках, пока хромаю по холлу в сторону лифтов. Оказавшись внутри, я обуваюсь и бью по кнопке, прежде чем двери закроются. И только тогда я ловлю свое отражение в зеркале, осознавая, что не нанесла никакого макияжа и даже не потрудились расчесать свои слегка влажные волосы.

Возвращаться обратно — не вариант, поэтому я провожу пальцами сквозь волосы, пока не разбираю большинство спутанных прядей. Оказавшись, наконец, перед дверью Истона, я стучу в нее. Дверь медленно открывается, и он появляется передо мной, одетый только в рваные, выцветшие джинсы. Ступни и грудь обнажены, темные волосы в идеальном беспорядке.

— Могу я войти? — выдавливаю я из себя, эмоции внутри меня готовы снова вспыхнуть. Он очаровательно потирает прищуренные глаза. — Извини, если разбудила.

Смотря на меня, он прислоняется к открытой двери. Я жду, что он мне скажет "все в порядке, заходи", но он не может ждать больше, чем я, когда тянется за моей рукой и произносит:

— Детка, иди сюда и перестань извиняться.

Но мгновение мне кажется, что он забыл про мою ногу, поэтому, как только он видит мое внутреннее замешательство, то останавливает меня. Он разворачивает меня к себе лицом, большими пальцами смахивая мои слезы.

— Не плачь, красавица.

Я больше не могу сдерживаться, поэтому поднимаюсь на носочки, несмотря на боль и все остальное, в поисках его губ. Я так сильно прижимаюсь к нему, что он отступает назад,

спиной ударяясь о дверь шкафа.

— Извини, — бормочу я ему в губы.

Мне так много нужно ему сказать. Но прежде, чем мы перейдем к чему-либо более серьезному, и прежде, чем у него появится шанс рассказать мне, как прошла его встреча, я просто хочу насладиться ощущением его губ на мне — его тела, прижатого к моему.

Он хочет этого также сильно, как и я, его руки медленно скользят вниз по моему телу до тех пор, пока он не начинает собирать в руки ткань моего платья. Когда подол поднимается достаточно высоко по бедрам, чтобы он смог до него дотянуться, он тянет его вверх и снимает платье через голову, оставляя меня совершенно обнаженной перед ним.

— Черт, Ларк. Я не... я не ожидал этого.

Он смотрит на мою голую грудь, и его прикрытые глаза еще больше суживаются, осматривая каждый кусочек моего тела. В обычной жизни я бы застеснялась, но не сегодня. Сегодня я его во всех смыслах этого слова. Сегодня он спас меня от самой себя.

Он берет мое лицо в свои руки и обрушивает свои губы на мои. В его движениях нет ничего нежного. Он заполняет собой все пространство вокруг меня, но, несмотря на то, что Истон совсем не жаден в постели, я позволяю ему взять от меня все, что нужно — потому что я должна ему весь мир.

Дюйм за дюймом, его рот сосет и лижет себе путь вниз по моей шее, Истон подталкивает меня к кровати, пока я не касаюсь ногами края матраса. Я падаю назад прямо в центр, но он осторожно хватает меня за лодыжки, придвигая ближе к себе, пока мои бедра не оказываются на краю. Я ожидаю, что он ляжет на меня сверху, но он удивляет меня, когда кладет мои ноги себе на плечи и зарывается лицом между моих бедер.

Его отросшая щетина, уже превратившаяся в бороду, создает невероятные эротические ощущения на моей чувствительной коже. Мои бедра вздрагивают под его ртом, прижимая его к себе настолько близко, насколько он еще никогда не был.

Он снова и снова дразнит меня своим языком, подводя меня так близко к краю, что я отчаянно нуждаюсь в том, чтобы он дал мне кончить. Но несмотря на это, он не собирается позволить этом случиться. Он поднимает голову и с большим благоговением, с которым я когда-либо сталкивалась в своей жизни, произносит:

— Скажи, что это тело мое.

Я киваю, потому что задолго до этого момента приняла это решение.

— Оно твое.

Из Истона вырывается рычание, когда он зубами царапает мою кожу, покусывая в наиболее чувствительных местах. Руками он мнет мою попу, доводя до точки, когда я готова взорваться под ним. Как только его язык входит внутрь меня, моя спина выгибается над кроватью. Его ласки настолько медленные и такие мучительные, что я едва могу их выдерживать.

Но затем он начинает посасывать мой клитор, и я пропадаю. Как будто я прыгаю со скалы, всю меня сотрясает такое количество наслаждения, я даже не представляла, что такое возможно, и отдается по всему моему телу, попадая во все нужные точки одновременно.

У меня занимает несколько секунд, чтобы прийти в себя и отдышаться, но как только я спускаюсь с небес, я медленно поднимаюсь и тянусь к поясу на его джинсах. Он отталкивает мои руки, но я не принимаю «нет» в качестве ответа.

— Истон, позволь мне.

— Ларк, это было только для тебя.

Я тяну его за футболку к себе, пока его лицо не оказывается в дюйме от моего.

— Нет, это все для нас.

Мы продолжаем смотреть друг другу в глаза, но в этот раз, когда я тянусь к нему, он не пытается меня остановить. Дрожащими пальцами я берусь за кнопку на его джинсах и расстёгиваю ее. Я не спешу, убеждаясь в том, что дарю ему тоже самое количество мучительного предвкушения, когда медленно тяну молнию вниз. Стоит такая тишина, что можно слышать, как разъезжаются металлические части.

Расстегнув джинсы, я просовываю руки внутрь, спуская джинсы по его заднице и зацепляюсь большими пальцами за его боксеры, стягивая их вниз, пока они не опускаются достаточно низко, чтобы освободить его. Я могу взять его в рот прямо так, но я лишь провожу языком по его головке, и опускаюсь перед ним на колени.

— Ларк, — предупреждает он. Я обожаю каждую секунду его терпения на грани.

— Я хочу почувствовать твой вкус.

Со сжатой челюстью он произносит:

— У тебя есть около тридцати секунд перед тем, как я брошу тебя на эту кровать.

— Не думаю, что этого времени достаточно для того, что я задумала. Но, может быть..., - задумываюсь я, снова обводя языком вокруг головки, дразня его круговыми движениями. — ...может быть, у меня получится.

Он рычит, как только я беру его в рот, а его головка ударяется о заднюю стенку моего горла. Это все, что он позволяет мне сделать, прежде чем вытаскивает из моего рта, поднимает меня и швыряет на кровать, как и обещал. Мгновенно, он оказывается надо мной с вздымающейся от желания грудью.

— В любой другой день я бы позволил тебе наслаждаться мной столько, сколько хочешь, но я больше не могу ждать ни минуты, мне нужно быть внутри тебя, Ларк. После того, что сегодня произошло.

За секунду моя потребность в нем исчезает, заменяясь только лишь на сожаление. Я отворачиваюсь от него, стыдясь того, насколько была бездушна к его чувствам.

— Мне жаль, — снова извиняюсь я, каждый раз имею в виду еще большее сожаление, чем в предыдущий. Мне нужно, чтобы он понял, насколько я искренна в своих чувствах, так что я показываю это единственным способом, который могу придумать. Я оборачиваю ноги вокруг его талии, притягивая ближе к себе, пока конец его члена не располагается напротив моего входа. Один небольшой толчок, и он оказывается внутри меня, там, где я нуждаюсь в нем.

Наша физическая связь никогда не была слабой. Уже в первый раз стало ясно, что мы способны на большее. То, чем мы занимаемся, больше, чем просто секс. Это больше, чем случайная связь. И это больше, чем я когда-либо думала возможно.

— Блядь, Ларк. Мне всегда будет тебя мало, — говорит он, медленно раскачивая бедрами, внутрь меня и наружу.

Я наблюдаю, как с каждым толчком напрягаются мускулы на его шее и груди. Я разглядываю его пресс и чернила на руках. Я ощущаю каждый его дюйм, но подобно неразгаданной истории, написанной на поверхности всего его тела, я не имею понятия, кто на самом деле такой Истон Бэк. Меня пугает, что один мужчина может заставить чувствовать себя настолько невероятно, но все может оказаться только иллюзией. Я отдаю ему всю себя, но я все еще нуждаюсь в большем. Я нуждаюсь в эмоциональной связи, которая будет столь же сильной, как и физическая. И я понятия не имею, как мне это

получить.

— С тобой все хорошо?

Я киваю.

— Все хорошо.

— Потрогай себя, — шепчет он. — Позволь мне видеть тебя.

Он наблюдает, как я провожу руками по своей груди, прищипываю себя за соски, после чего прокатываю затвердевшие бутоны между пальцами.

— Так?

— Да, именно так.

Насладившись зрелищем, он хватается мои запястья правой рукой и пригвозждает их у меня над головой. Исчезает карающий ритм, с которого он начал, и его место занимает более чувственный Истон. Он раскачивается медленнее, внутрь и наружу, с определенной целью, но без спешки.

Наши глаза встречаются, когда он располагает руку между нашими телами. От одного его взгляда у меня перехватывает дыхание, и я полностью теряюсь в нем, в то время, как он крошечными кругами водит вокруг моего клитора. Я не могу пошевелиться, хотя и абсолютно свободна. Я нахожусь во власти Истоны и нет другого места, где бы я сейчас хотела находиться.

Через несколько секунд я кончаю во второй раз, распадаясь на части. Пока я сжимаюсь вокруг него, его темп снова ускоряется. Расположив ладони по обе стороны от моей головы, он, сжав зубы так сильно, что я могу слышать их скрежет, входит в меня последний раз.

— С тобой все хорошо?

— Да.

— Не так я хотел это сделать.

Я ухмыляюсь, понимая, что он имеет в виду. Он планировал обращаться со мной, как с пострадавшей хрупкой девушкой — неторопливо, заботливо и очень осторожно.

— Любой другой вариант был бы ужасным, — шучу я.

— Да?

— Худшим.

На этот раз Истон, наконец, верит мне и улыбается, его нежно-голубые глаза снова блестят.

— Не ожидал, что ты появишься без ничего под платьем.

— Мне хотелось сделать тебе сюрприз. — Он обвивает рукой мою талию и притягивает поближе к себе, пока мы не оказываемся лицом к лицу на одной подушке. — Извини, — снова шепчу я. Я извиняюсь уже не первый раз, но мне необходимо, чтобы он действительно поверил.

Он пробегает пальцем вниз по моей щеке и распухшим губам.

— Тебе не за что извиняться.

— Нет, есть. Я практически убила себя, и все из-за своей мании, чтобы все всегда было идеально организовано. Прочитав письмо и обнаружив, что ты не моя пара, я была не просто разочарована. Я была опустошена. Я запаниковала. — Я всматриваюсь в его глаза, но все еще не вижу в них ни капли гнева — только боль. — В этом месте ты должен сказать мне, что я идиотка, потому что была такой легкомысленной.

Вновь удивляя меня, он улыбается.

— Ларк, ты не идиотка. Ты приехала сюда, чтобы найти свою пару, но, как бы мне не

было тошно видеть твой уход на прогулку с Линкольном, я понимаю, почему ты это сделала.

— Я тоже это понимаю, но я не хотела быть с ним. Я хотела быть с тобой.

— Но ты все еще ревновала меня, потому что незадолго до этого увидела, как я нес на руках другую девушку, и захотела показать, что у тебя все под контролем.

— Я никогда в своей жизни так сильно не ревновала. Даже увидев вертихвостку Гранта, я не хотела причинить ей боль. Весь мой гнев была направлен только на Гранта, даже несмотря на то, что она была виновна в ситуации не меньше его. На тебя я также была зла, но с Джиной мне хотелось совершить действительно плохие вещи. Вещи, в которых даже стыдно признаться, что они пришли мне в голову.

— Теперь все в прошлом. Сейчас ты находишься там, где и должна быть. Не имеет значения, как ты здесь оказалась.

— Что ты под этим подразумеваешь?

— Ларк, ты хочешь быть со мной?

— Да, но все не так просто. Мы живем в разных городах. И, честно говоря, я ничего о тебе не знаю.

С хитрой ухмылкой, он наклоняется вперед и целует меня в губы.

— Я бы не сказал, что ты ничего не знаешь.

— Истон, я не это имею в виду. Нам хорошо в физическом плане, но насчет остального я не уверена. Я не могу быть с тем, кто близко не подпускает меня к себе. Твое прошлое создало тебя таким, какой ты есть, не важно, хорошее оно или плохое.

Истон опускает взгляд, уставившись на простыни на кровати, а не на меня. Его глаза медленно открываются и закрывается, прежде чем он произносит.

— Ее зовут Шай. Это ее крылья.

Не знаю, что я ожидала от него услышать, возможно немного о его семье, или откуда он родом, или даже как он организовал свою группу. Чего я действительно не ожидала, так это того, что он с готовностью поднимет тему о ней.

— Ты расскажешь мне о ней?

— Я сделал татуировку в ночь перед ее похоронами. Я никогда не забуду, как саднила моя спина после этого, и как мне было чертовски больно каждый раз, когда кто-то меня обнимал. То есть в итоге это стало своеобразным отвлечением — на некоторое время я сосредоточился на другом виде боли. Я даже не мог видеть тату, если не смотрел в зеркало. Просто знал, что она есть.

— Татуировка прекрасна. Должно быть, Шай много для тебя значила.

— Она родилась с наследственным заболеванием — муковисцидоз. В сущности, Шай со своего первого вдоха была приговорена. Это был лишь вопрос времени, когда ее тело сдастся, намного раньше, чем она этого заслуживала. Она не заслуживала смерти.

Я кладу руку ему на грудь в области сердца, каждый сильный удар которого бьет напротив моей ладони.

— Ты все равно бы ее любил, независимо от смертельного приговора. Истон, это многое о тебе говорит. Не каждый остался бы с человеком, зная, что тот должен умереть.

— Я не святой, — быстро отвечает он. — Она всегда была самой сильной из нас.

— Истон, вы оба были сильными. Теперь, когда я узнала немного о ней, думаю, крылья — это прекрасный символ.

— Ближе к концу она много говорила о жизни после смерти. Я поймал ее на том, что она читает статьи о другой стороне и о том, на что это похоже — перейти туда. Поначалу

она боялась, что ничего не произойдет, когда ее сердце перестанет биться — жизнь закончится в тот же момент, и она больше никогда не увидит следующий день. После этого я попросил своего дедушку приехать и поговорить с ней. У него случился инсульт, когда ему было почти семьдесят. Он никогда не был религиозен, но находясь в отделении неотложной помощи, борясь за свою жизнь, он клялся, что видел белый свет и говорил с Богом. Это человек, который пережил Вторую Мировую Войну и был ранен.

— У него получилось успокоить ее?

— Да, после этого они общались каждый день. После ее ухода именно дедушка убедил меня, что она была ангелом. В ту же ночь, я оказался в кресле городского тату салона, набивая новую татуировку.

От его рассказа о ней у меня на глаза наворачиваются слезы. Я поражена любви, все еще звучащей в его голосе, только во мне нет ни капли ревности, как это было с Джиной. Его связь с Шай доказывает, насколько сильно он способен любить. Если бы нам был дан шанс изучить наши отношения за пределами корабля, тогда я получила бы больше Истона, чем могла себе представить. От осознания того, что я практически все чуть не разрушила, слезы начинают литься сильнее.

— Спасибо, что рассказал мне о ней. Возможно, однажды ты расскажешь мне больше.

— Возможно.

— Думаю, независимо от того, кому принадлежат эти крылья, я приняла их еще до того, как узнала правду.

— Почему?

— Потому что, если кто-то значил для тебя так много, тогда крылья находятся на своем месте.

— У меня не было серьезных отношений с тех пор, как я ее потерял. Было эгоистично с моей стороны сделать эту тату. Я никогда не задумывался, как другая девушка воспримет ее, потому что в то время, я вообще не представлял никого на ее месте.

— А потом ты познакомился со мной. — Когда он не пытается поцеловать меня или обнять, даже после намека о том, что он готов для наших отношений, я понимаю, что есть что-то еще. Он еще что-то продолжает скрывать от меня. — В чем дело?

Несколько секунд он колеблется, после чего произносит: — Это ничего не меняет между нами, но она была моей невестой. Я сделал ей предложение прямо перед кончиной. Я бы женился на ней прямо там в тот же момент, но она не позволила мне пройти через это.

— Ты сделал это? — Он говорит, что это ничего не меняет между нами, но «невеста» — это гораздо больше, чем подружка. Он собирался провести с ней остаток своей жизни. Она была создана для него. Только ее болезнь выиграла битву, прежде чем у них появилась возможность пойти к алтарю.

Он отводит волосы с моих глаз и целует меня в губы, каждый удар его языка напротив моего — молчаливая просьба смириться с этим. Я отвечаю на его поцелуй, даже несмотря на то, что все еще пытаюсь переварить полученную информацию. Я не могу злиться на него за то, что произошло до меня. Не тогда, когда я тоже до него жила с другим мужчиной.

Он еще три раза чмокает меня в губы, прежде чем окончательно отстраниться. Вместо этого он берет мою руку, переплетая ее со своими пальцами.

— Ларк, когда я сказал, что сделал предложение прямо перед ее кончиной, я имел в виду перед самой ее кончиной. Послушай меня, детка.

Подняв голову, я слушаю. Я внимаю каждому его слову.

— Последние несколько дней я не покидал ее дом. Она находилась в хосписе, и мы знали, что конец уже близок. Доктора больше не могли ничего для нее сделать — это был просто вопрос времени, когда она перестанет самостоятельно дышать. Я хотел сделать как лучше для нее, поэтому позвонил ювелиру к телефону и попросил ее выбрать кольцо. Конечно, она рассмеялась и сказала, что я сошел с ума, но она также была без ума от блестящих штучек, поэтому выбрала одно, чтобы угодить мне. Я написал ее маме, и она подобрала размер. Позже этой ночью, я встал на одно колено рядом с ее кроватью и попросил выйти за меня замуж.

Мое горло перехватило от волнения, обжигающего каждый раз, когда я пыталась сглотнуть.

— И она ответила "да". — Это был не вопрос, а скорее устное подтверждение для моего сердца.

— На самом деле она была совершенно растеряна, потому что думала о том, что это будет означать для девушки после нее. Это просто была Шай, которая всегда больше заботилась о других, а не о своем счастье. Такой она была во всем.

— Она замечательная.

— Я говорю тебе это не для того, чтобы пустить пыль в глаза или заставить думать, что я никогда не смогу заботиться о тебе так же, как заботился о ней. Я пытаюсь донести до тебя, что я однажды был помолвлен — в течение десяти часов и семнадцати минут. И надеюсь, ты не разочаровалась во мне из-за этого, потому что у Шай никогда не было бы собственных детей, собственного дома и работы ее мечты, но на короткое время у нее был я.

— Разочароваться в тебе? — У меня так безумно участился пульс, что я могла ощутить его в ушах. — Истон, я бы разочаровалась в тебе, если бы ты не сделал ей предложение. Я бы никогда не захотела, чтобы ты отпустил хоть одно из своих воспоминаний, потому что именно они создали из тебя невероятного парня, к которому, так случилось, у меня есть чувства.

Он посмеивается, немного закатывая глаза. — Возможно, ты взяла бы свои слова обратно, если бы узнала больше. Я не был таким замечательным после того, как она ушла. Я много пил, почти ежедневно срывался, вел себя, как настоящий засранец. Все быстро начало разваливаться, не буду вдаваться во все нелюбимые подробности, но я опустился на самое дно. Именно поэтому я забрал группу подальше от глаз общественности в море. Я понял, что если бы продолжил так себя вести, то все было бы потеряно — для всех нас.

— Ты достиг критической точки после того, что с тобой случилось. Тебе нужно было вернуть жизнь обратно в колею. Истон, в этом нет ничего слабого или жалкого.

Он тянется к моему подбородку, удерживая меня на месте большим пальцем, пока высовывает язык и облизывает линию моих губ. — Ларк, моя жизнь, особенно мое прошлое, это слишком много. Я не пытаюсь нагрузить тебя. Просто пытаюсь быть с тобой честным. Теперь ты в курсе, во что ввязываешься.

— Я не хочу, чтобы ты скрывал от меня детали, но я никогда не буду заставлять тебя обсуждать вещи, которые ты предпочел бы сохранить между собой и Шай. Ты не обязан рассказывать все подробности этих отношений — это только твое.

— Это не мешает нашим отношениям?

Я была бы лицемеркой, если бы ответила, что мешает. — Я планировала однажды выйти замуж за Гранта. Мы собирались идти по жизни вместе. Также, как и ты с Шай, я видела свое будущее в нем. До той ночи, когда я пришла к нему, он был моим прошлым,

настоящим и будущим.

Истон перекачивается на спину, закрывая глаза и большими пальцами поглаживая брови. — То есть, ты хочешь сказать, что мы не можем испытывать ревность, потому что мы оба шли к одной и той же цели.

— Мне нравится то, что ты сделал для Шай, и как ты подарил ей нечто ценное. Но я просто девушка, и, насколько бы я ни любила романтику и сентиментальность, очень сложно не испытывать ревности к тому, что у вас было. Я пытаюсь изо всех сил помнить о сопутствующих обстоятельствах.

Он перекачивается на бок с самодовольной ухмылкой. — Прямо гора с плеч.

— Моя ревность к твоей покойной невесте — для тебя облегчение?

— Ну, нет, но, Ларк, я так чертовски ревную к Гранту. К тому, что у него столь долгое время была ты. К тому, что он прикасался к тому же телу, которое обожаю я. И к тому, что ты его любила. От этого мне хочется надрать ему задницу.

— Он не достоин ревности. Он не хороший человек, как ты.

— Ты любила его. Ты была в него влюблена.

— Этого уже не изменить.

— Как Вы познакомились?

Это простой вопрос, и один ответ я дать могу, потому что встреча с Грантом означала влюбленность, а я прежде никогда не влюблялась.

— Ларк, ты выглядишь потрясающе, — говорит Ноэлль, заканчивая вносить последние штрихи в свой распутный наряд арбитра. Она ничего не знает о спорте, но считает это верным способом привлечь к себе внимание парней — обманно заставить поверить их в то, что ей нравится футбол.

— Ты тоже, но я думала, что ты хочешь быть Минни Маус.

— Я не думаю, что парень хотел бы оказаться внутри мыши. У этого наряда не было сексуальной привлекательности, и было бы несправедливо по отношению к Диснею с его несколькими странными нарядами.

Мне не совсем комфортно демонстрировать свои прелести так, как Ноэлль, поэтому я решила пойти в костюме менее распутной версии Дороти из Страны Оз, в красных башмачках и во всем остальном. У меня даже была маленькая корзинка с чучелом Тото, чтобы завершить мой образ.

— Ну, выглядит так, как и было задумано, ты готова?

Ноэлль кивает, и мы гуськом выходим из квартиры, но, не успев даже покинуть крыльцо, я осознаю, что мой костюм оказывает противоположный эффект. Мой сосед свистит и пытается поймать меня, прежде чем я успеваю добраться до тротуара.

— Знаешь, Ларк, бьюсь об заклад, если ты стукнешь каблучками три раза, то попадешь сразу в мою кровать.

Ноэлль закатывает глаза и изображает рвотный рефлекс. Я полностью игнорирую его, надеясь, что парни на вечеринке будут немного более зрелыми или, по крайней мере, увидят в моем костюме культовый персонаж, а не билет в один конец на улицу извращенцев.

Отбившись от одного чрезмерно нетерпеливого мудака, я уже вижу перед собой следующего. Только на этот раз, я к этому уже готова. Прежде чем он произносит хоть один слог, я поднимаю руки в попытке остановить его.

— Послушай, это уже больше, чем я могу выдержать за один вечер. Пожалуйста, оставь меня в покое.

Я начинаю отходить, но он хватает меня за руку, возвращая обратно.

— Ты очень хорошо выглядишь, — произносит он вполне вежливым тоном, не таким, каким ко мне обращались другие парни. Он не язвительный, грубый или унижительный. По правде говоря, я на самом деле верю ему.

— Спасибо.

— Ты хотя бы скажешь, как тебя зовут? Обещаю, у меня нет задних мыслей.

— Ларк.

— Теперь это имя стоит запомнить.

Одна простая улыбка, за которой последовал один простой комментарий, и первый раз за этот вечер мне не хотелось сбежать. Мне захотелось остаться здесь и узнать больше об этом парне, одетом в костюм куска бекона. Так как, давайте посмотрим правде в глаза, кто не любит бекон?

— Ты здесь вместе с яйцом? Или поджариваешься один?

Он откидывает голову назад и хохочет самым заразительным смехом, который я когда-либо слышала. — Я поджариваюсь один. Не хочешь потанцевать?

Я киваю и кладу свою маленькую корзинку на стол около двери. — Конечно.

Звучит энергичный трек, недостаточно медленный для того, чтобы можно было неторопливо раскачиваться под него, но он все равно прижимает меня к себе. Мы остаемся в таком положении и следующую песню, и последующие две. Каждая новая песня приближает нас друг другу, пока наши губы не начинают танцевать друг с другом вместе с нашими телами. Я уже понимаю, что мне нравится это парень, а я даже не знаю его имя.

Когда мы наконец разрываемся, он остается рядом, прижавшись своим лбом к моему. — Может быть, выйдем на улицу подышать свежим воздухом?

— Конечно. — Он вкладывает мою руку в свою и ведет нас сквозь медленно разбредающую толпу. Мы сидим на перилах крыльца, разговаривая обо всем, что угодно, и это ощущается так естественно, словно мы знаем друг друга вечность.

Он задает простые вопросы, но чем больше мы смеемся, тем легче становится общение. И тот факт, что его на самом деле волнуют мои ответы, только еще больше притягивает меня к нему. Потому что, давайте посмотрим правде в глаза, необходимо укорениться в земле, прежде чем вы сможете раскинуть ветви. И на данный момент, у нас с ним уже есть основа.

Минуты превращаются в часы, а затем мы наблюдаем восход солнца между двумя дубами на заднем дворе. В первый раз я прогуляла всю ночь, и уже надеюсь на то, что это начало многих первых разов с Грантом. Спросив номер моего телефона, он, наконец, говорит мне, как его зовут. Узнав его имя, я чувствую, будто теперь знаю о нем все.

— Вероятно, я уже должен проводить тебя до дома, — говорит он с неохотой. Я не больше его горю желанием расставаться.

— Настоящий джентльмен, — прикалываюсь я, но, благодаря комплименту, достаиваюсь сногшибательной улыбки, еще быстрее решающей мою судьбу.

Это становится еще очевиднее, когда он держит меня за руку весь путь до дома, каждые пару шагов останавливаясь для поцелуя. Чем ближе мы к моей комнате, тем более опьяняющим становится каждый поцелуй. К тому времени, как мы до нее добираемся, никто из нас не готов прощаться. Вместо этого, я оказываюсь прижатой спиной к дереву перед моим общежитием еще более глубоким поцелуем.

— Когда я смогу снова увидеть тебя? — Он осыпает поцелуями мою шею, ожидая ответа.

— Сейчас, через пять минут, когда захочешь, — отвечаю я, повиснув на его бицепсах для поддержки. Если я и почерпнула что-то сегодня, так это то, что опьянение Грантом способно поглотить мою душу. В нем заключается все. Все, чего я так долго ждала и даже больше.

И теперь он мой.

Но многое изменилось за эти годы. Возможно Грант и был моим с той секунды, как мы познакомились, но все оказалось просто вспышкой, медленно угасающей и превращающейся в обязаловку и нежеланную ответственность. Гранту не нужна была я. Он просто хотел мой образ без особого напряжения или обязательств.

— Ты продолжаешь думать о Гранте? — спрашивает Истон, когда понимает, что я уставилась в пустоту и не слышала ни одного слова за последние пять минут.

— Извини, я здесь. Честное слово.

Он глубоко вдыхает, прежде чем выпустить воздух. Я не была готова к словам, которые последуют после этого. — Позволь мне показать тебе, как настоящий мужчина любит женщину, — говорит он с полной уверенностью.

— Ты готов отпустить Шай?

Сомнение на его лице говорит все, что мне нужно знать, но он добавляет: — Не уверен, что смогу когда-нибудь отпустить ее полностью. Также, как и Грант всегда будет обладать властью скрывать твои мысли от меня.

— Я понимаю. — Я почти уверена, что смогу со временем это принять. Меня всегда будет тревожить, достаточно ли я хороша для него, но не могу решить, это из-за нее или из-за того, что сделал Грант. Если откровенно, возможно, немного и того и другого.

— Ларк, я знаю, о чем ты думаешь. Поэтому я хочу, чтобы ты это оставила.

— Почему, Истон?

— Потому что я хочу пробраться тебе в душу и остаться там навсегда. Я хочу тебя, Ларк. Шай заслуживает покоя. Если он говорит, что хочет меня, тогда кто я такая, чтобы его отговаривать. Именно поэтому я могу с полной уверенностью ему сказать: — Я верю тебе.

— Что заставило тебя передумать?

Было бы так просто ответить, что я настолько устала от движения вспять, что в отчаянии найти того, с кем могу двигаться в будущее, но сейчас я вижу это в нас. Истон был шансом, который, возможно, дается раз в жизни. Все могло бы пойти совершенно неправильно, если бы он не обладал ни одним качеством, в котором я нуждалась. Но каждый раз, находясь с ним, я чувствую себя желанной, и это больше, о чем я могла попросить судьбу после Гранта.

Единственный способ объяснить ему — взять его руку и приложить к своему сердцу: — Ты это чувствуешь?

— Детка, у тебя сердце стучит.

— Вот, что заставило меня передумать. Истон, ты заставляешь меня снова чувствовать. Я думала, что все, на что я способна, это гнев и страх. — Я отпускаю его руку, но он продолжает ее держать на том же месте, куда я ее положила, все еще накрывая мое сердце. Когда, наконец, он начинает двигаться, то проводит кончиками пальцем по моей груди и ниже по животу, оставляя за собой обжигающую дорожку. — И что мы будем дальше делать?

— Ты позволишь мне отвести тебя на ужин.

— Тебе не надо работать?

Он качает головой, удивляя меня. — Вот об этом мы еще поговорим.

— О контракте?

— Да, — все, что я слышу в ответ. Он наклоняется вниз к полу рядом с кроватью за моим платьем, которое он ранее отбросил. — Я понимаю, что это платье было для меня, но ты хочешь пойти на ужин полуголая, только с этим кусочком ткани между нами, или хочешь вернуться в свою каюту и переодеться?

— Я хочу идти именно в том, в чем пришла.

— Блядь, я надеялся, что ты так скажешь. Несмотря на то, что это будет мучительно.

Глава 20

Ларк

Шестой день

В море

Находясь в компании Ноэлль и Джинны, я беру полотенце и сворачиваюсь калачиком в шезлонге в углу солярия — в том же самом углу, в котором до сих пор помню, как мне было плохо, когда пыталась напиться до беспамятства. Но, с тех пор, как я находилась здесь последний раз, тяжесть с моих плеч была снята. И теперь, когда наступило облегчение, я больше не вижу угрозы в прошлом Истона или в Джине. Я конечно не совсем наивная и понимаю, что Шай обладает властью встать между нашими отношениями еще несколько раз, прежде чем мы заслужим право быть вместе, но, по крайней мере, сейчас я понимаю, с чем имею дело.

Джина плюхается на шезлонг рядом со мной, она все утро ходит в очках, даже внутри помещения:

— Мне кажется, я до сих пьяная.

— Ха, похмелье — то еще состояние.

— Если бы Дому не нужно было вставать на работу, я бы сейчас была все еще в кровати. Ноэлль пытается что-то промычать, но даже это, кажется, дается ей с трудом.

— Вы обе выглядите жалко. Разве вы не выспались за всю ночь?

Джина не двигается, и, возможно, она уже заснула, поэтому я переключаюсь на свою лучшую подругу, интересуясь, что именно произошло прошлой ночью. После ужина, мы собрались вместе с остальной частью группы, но Истон был настолько озабочен мыслью вернуть меня обратно в его кровать, что мы пробыли с ними только около десяти минут.

— Мы пили до утра, я оттрахала Лейна до потери пульса, а потом мы разговаривали о контракте, пока не заснули.

— Могла бы обойтись и без первой части, а что Лейн рассказал тебе о контракте?

Ноэлль приподнимает очки, смотря на меня с подозрением.

— Ты серьезно не знаешь, что происходит?

— Нет. У меня еще не было возможности обсудить этот вопрос с Истоном. Было несколько других вопросов, которые нам надо было решить в первую очередь.

— О, мне кажется, я могу предположить, какие вопросы вы решали всю ночь, учитывая, что сегодня — наш последний день на корабле. С наступлением утра все изменится для нас.

Ноэлль не нужно напоминать мне об этом. Мне прекрасно известно, что время на исходе. Это одна из причин, почему я, проснувшись сегодня утром, избегала вопросов о контракте Истона. Я просто хотела насладиться им еще немного, не отвлекаясь на другие вещи, как можно дольше.

— Мы поговорили о Шай, но это все, что мы успели обсудить.

— Ты должна рассказать мне об этом разговоре, но тебе на самом деле, надо

поговорить с Истоном прежде, чем будет слишком поздно.

Если бы это было что-то серьезное, жизненно важное или беспрецедентное, Ноэлль не сидела бы спокойно на своем шезлонге, потягивая воду и страдая от похмелья. Моя лучшая подруга сошла бы с ума, если бы Лэйн покидал ее навсегда. Это единственная причина, почему я могу спокойно здесь сидеть и не пугаться до смерти.

— Поговорю сегодня.

— Хорошо, попробуй не снимать с себя одежду так долго, как только сможешь, чтобы, наконец, нормально поговорить. Думаю, все ваши разговоры до этого, происходили в голом виде.

Я беру бутылку защитного крема и швыряю в нее:

— Передохни, засранка. Хватит ворчать.

— Мы только начали. Бери сумку.

Я только «за», когда Ноэлль встает рядом с моим шезлонгом и протягивает мне руку.

— Есть место получше, чтобы насладиться солнечными лучами.

— И где оно находится? — Я сажусь, хватая крем и убирая его обратно в сумку.

— Увидишь, когда мы туда дойдем. Джина рассказала мне об этом месте прошлой ночью.

Я приостанавливаюсь, смотря на Джину в поисках подсказки, но она лишь улыбается даже сильнее, чем Ноэлль.

— Если я сейчас расскажу, ты откажешься. Подожди, пока мы туда дойдем, прежде чем принять решение.

— Я с места не сдвинусь, пока вы не расскажите, куда меня ведете.

Джина смеется, потому что я все равно следую за ними на выход. Оказывается, наш пункт назначения находится прямо за углом. Я гуляла в этой части корабля много раз, но только сейчас, когда они мне указали на табличку, я поняла, что она указывает на палубу для загорания нагишом.

Как будто, раскрывая самый большой секрет, известный человечеству, Джина начинает:

— Я только недавно узнала об этом месте. На самом деле, оно не афишируется. Многие отдыхающие из Европы, пользуются им. Они немного более раскрепощенные в плане обнажения и сексуальности. В любом случае, я умирала от любопытства, поэтому однажды решила его посетить. Я была только топless, потому что мне некомфортно находиться полностью обнаженной на публике, но этого было достаточно, чтобы получить один из самых невероятных опытов ощущения свободы, который у меня когда-либо был. Дом не знает, но я посещаю его, по крайней мере, раз в неделю.

Я сглатываю, пытаюсь понять, почему Ноэлль хочет этого. Она потратила целое состояние на свои купальники и теперь хочет их снять.

— Разве это не странно, что посторонние люди будут вас разглядывать?

Джина качает головой:

— В том то и дело, никто даже не посмотрел на меня. Там немного людей, а те, кто есть, просто загорают. Это совсем не отвратительно или унижительно, как я думала. Кроме того, это отличный способ избежать незагорелых мест на теле от купальника.

— И ты хочешь, чтобы мы все вместе туда пошли?

Ноэлль тянет меня за руку:

— Ларк, давай попробуем разок. Может быть у нас не будет другого шанса. Я не попробовала этого даже во Франции, где это считается нормой.

Грызая ноготь большого пальца, я обдумываю, как мне следует поступить. Я итак уже воспользовалась столькими возможностями в этом путешествии. Я совершила так много не характерных для меня вещей, что еще одна уже не сможет мне повредить. Верно?

— А мы не будем там долго?

— Полчаса и мы можем идти, — убеждает она меня.

— Я пойду, но, к слову сказать, если у тебя все серьезно с Лейном, велика вероятность, что в ближайшем будущем, ты будешь много путешествовать. Именно этим они и занимаются.

Она улыбается и кивает:

— То же самое можно сказать и про тебя.

— Я в этом не уверена.

У меня дома работа и карьера, которую я не могу бросить. Мне слишком тяжело досталось то, что у меня сейчас есть. Я бы с удовольствием хотела проводить с Истоном все дни, но я также не могу взять и все бросить.

— Так, если мы собрались это сделать, пошли.

Ноэлль хлопает в ладоши: — Я знала, что эта поездка пойдет тебе на пользу. Ты уже стала совсем другой женщиной.

— Ты же мне сказала, что я потеряла себя. Думаю, я сделала достаточно на этой неделе, чтобы доказать, что я вернулась. Разве, ты так не думаешь?

— Милая, неделя еще не закончилась. Кроме того, ты еще не поговорила с Истоном. Я пойму только после этого разговора, останешься ты с ним или нет.

Я хорошо поработала на этой неделе, чтобы прийти в себя. Я отпустила Гранта, как бы тяжело это не было, и продвинулась в отношениях с Истоном. Мне еще предстоит принять самое сложное решение в моей жизни. Я собираюсь совершить нечто такое, что очень много значит для меня. Это пугает даже больше, чем прощание со своим прошлым, потому что мое будущее это все, что у меня остается.

Внезапно, я с ужасом осознаю, что увязла по уши.

Глава 21

Истон

К тому времени, как мы закончили послеобеденное выступление в Лаундж, я уже был более чем готов начать собирать свои вещи. Такое ощущение, что прошла вечность, с тех пор как я жил в обычной квартире. У меня были прекрасные апартаменты в самом сердце Нью-Йорка, до того, как я все бросил. Но теперь я буду счастлив найти что-то хоть немного похожее за те же деньги.

— Ты все еще беспокоишься по поводу квартиры? — спрашивает Дом, пока мы идем в сторону солярия.

Он все продумал и придержал свою, сдав ее в аренду, пока нас не было, своему двоюродному брату. Если бы у меня в то время было все в порядке с головой, я мог сделать тоже самое, прежде чем свалить.

— Да нет, все нормально. Когда вернемся, я что-нибудь придумаю. Просто сейчас чертовски жарко, а мы не совсем подходяще для этого одеты.

— Я тебя понимаю. Честное слово, я провожу больше времени на этих палубах в поисках Джины, чем сплю.

— Я так устал, — добавляет Лейн. Хотя, на самом деле, он не выглядит слишком расстроенным из-за недостатка сна, учитывая самодовольную улыбку, красующуюся на его

лице. Он совсем немного рассказал о Ноэлли, кроме того, что хотел бы еще немного времени, чтобы натрахаться перед тем, как наша поездка завершиться. Что касается Лейна, это означает практически предложение руки и сердца. Он больше всех из нас боится обязательств.

Прочесав весь солярий и окружающие палубы, мы так и остались ни с чем. Я уже готов вернуться обратно в свою каюту и подождать Ларк там, но Дом встает, как вкопанный, качая головой, — мне кажется, я знаю, где они.

— Где? — спрашиваем мы с Лейном одновременно, мгновенно оживившись.

Он указывает на табличку перед узкой лестницей, ведущей в одно из мест на корабле, где бы я не рискнул появиться.

— Ты серьезно?

— Джина раньше ходила сюда. Она говорила, что прекратила, но я знаю, что она все еще продолжает его посещать. Это как будто запретная зона для нее.

— И тебя это не волнует?

— Как я могу остановить ее, когда работаю. Не то, чтобы мне нравится, когда другие мужчины разглядывают ее сиськи, но это также имеет свои преимущества. Каждый раз после этого она возвращаются в каюту чрезвычайно заведённой.

— Ну, в таком случае, я могу точно определить, когда она здесь побывала. Стены намного тоньше, чем тебе кажется, Дом. Так, кто туда пойдет, ты и я?

Он вытягивает руку, останавливая меня от очередного шага в сторону лестницы, — Ты туда не пойдешь и не увидишь Джину голой.

— Я уже видел Джину голой. Лейн, кстати, тоже.

Назовите это жизненным опытом для «Полночной судьбы», или безрассудным пьянством, не важно. В результате кульминацией принятия слишком большого количества алкоголя стала, никогда прежде не виданная, раскованность и обнаженка. После это привело к похмелью невиданных масштабов.

— Черт, я забыл. Учитывая, что я не видел Ларк и Ноэлли, может быть тебе стоит пойти туда без меня.

Лейн смеется, делая вид, словно ему наплевать, кто кого видел. Он всегда действует под лозунгом: покажите мне свое, а я вам покажу свое. Удивляя нас обоих, он, в конце концов, становится голосом разума.

— В любом случае, каждый из нас видел чью-то девушку обнаженной. От этого никуда не денешься, поэтому позвольте сделать это мне, ради всеобщего блага.

Мы с Домом впились в него взглядом, потому что в этом месте его логика потерпела поражение.

— Думаю, что мы пойдём туда все вместе. Держите взгляд на своих девушках, понятно? И если Вы не хотите, чтобы одна из них подала ваш член вам же на обед, не позволяйте взгляду блуждать там по кому-нибудь еще. Даже если это будет горячая официантка из Швейцарии, понятно?

— По рукам. Мы ослепли.

Возглавив процессию, я медленно поднимаюсь вверх по ступенькам лестницы на верхнюю палубу. И как я не знал о ее существовании? Я стараюсь также воспользоваться своим советом, держа взгляд исключительно на Ларк, но как только девушки оказываются в поле зрения, я сканирую пространство в поисках того, кто за ними наблюдает.

Плечом к плечу мы целенаправленно двигаемся к их шезлонгам. Но Ларк понимает, что

у них появилась компания только тогда, когда мы закрываем послеполуночное солнце, образуя тень над ними. Она так быстро садится, что солнечные очки падают с ее лица, — Истон! Который час?

Я раскрываю полотенце, перекинутое через край шезлонга, и прикрываю им открытые части ее тела. Она прижимает его ближе к себе, румянец щек перекрывает даже цвет ее загара, — мы закончили работать около получаса назад. И все это время искали вас троих.

— Черт! — она посмотрела на Ноэлль и Джину, которые продолжают дремать в своих шезлонгах, прежде чем снова повернуться ко мне, — я потеряла счет времени и не ожидала, что ты придешь сюда.

— Нет? — спрашиваю я, пытаюсь сохранить голос ровным, не злым, но и не приятным. — Ты полагала, что я был на работе, поэтому не имело значения, как бы я мог к этому отнестись, правильно?

Она тяжело сглатывает и тянется за своей сумкой. Даже не потрудившись надеть купальник, она натягивает платье через голову и встает: — Это была не моя идея. Они хотели сюда прийти.

— И ты тоже пошла.

— Ну, да. Я не собиралась сидеть внизу одна весь день. Почему ты пытаешься заставить меня чувствовать себя виноватой из-за этого? Я взрослая девочка. Я могу принимать самостоятельные решения.

— Ясно.

— Истон, серьезно? Пожалуйста, не злись из-за этого.

— Ларк, ты точно поймешь, когда я рассержусь. Сейчас я пытаюсь быть разумным.

— Разумным? Я думаю, что ты ведешь себя сейчас, как осел.

— Хорошо, если ты считаешь, что мое желание видеть свою девушку одетой в общественных местах — преступление, посади меня в тюрьму.

— Ты просто смешон.

Она отталкивает меня и уходит, закатывая глаза. Джина хлопает в ладони, как только шоу заканчивается, ее грудь до сих пор остается открытой на всеобщее обозрение, — хорошая работа, Истон.

— Если бы ты прекратила ее развращать, этого бы не случилось.

— Это называется быть живой, получать новый опыт за пределами вашей зоны комфорта. Ты не можешь держать ее в закрытом пузыре всю оставшуюся жизнь. Она девушка решительная, успешная и хочет бороться. Нет никакого шанса, что она будет подчиняться тебе все время. И именно поэтому она так сильно мне нравится.

Ноэлль, также же обнаженная, перегибается в сторону Джини и дает ей «пять», прежде чем присоединиться к этой поучительной беседе. Во-первых, я все еще не могу поверить, что смогла затащить ее сюда. Заставить ее оставить своих драгоценных клиентов на работе — это было одно, но попытаться убедить, что она сможет найти себе кого-то, чтобы провести с ним остаток своей жизни, было практически невозможно. Она решила на эту поездку только для того, чтобы заткнуть меня, после того как я сказала ей, что она закончит жизнь старухой с тридцатью кошками. Она остолбенела из-за кошек. В любом случае, я не ожидала, что она начнет встречаться с солистом «Полночной Судьбы», и чья-то ошибка вовлечет нас в череду этих событий.

Я намереваюсь забрать Ларк с собой в Нью-Йорк, как только мы сойдем с корабля, полагая, что ее ничего не держит дома. Но после этого разговора с Ноэлль, я осознаю, что

совершенно не имею представления о ее жизни на суше. Мы обсудили Гранта и все выяснили, но нравится мне это или нет, Ларк собирается вернуться домой и, судя по всему, не со мной.

Я был настолько сосредоточен на том, как нам лучше обсудить Шай и в довершение решить вопрос о контракте, что не уделил внимание тому, чтобы задать нужные вопросы. Мне нужны ответы. Сейчас.

Не произнеся ни слова никому, я поворачиваюсь и двигаюсь, не останавливаясь до тех пор, пока не добираюсь до бара у бассейна, где работает Аки. Он видит меня и кивает головой, предлагая протиснуться ближе к нему.

— Мне нужна бутылка виски.

Продолжая работать над коктейлем, он лишь спрашивает, сколько я уже выпил.

— Нисколько, но велика вероятность, что мне понадобится целая бутылка к тому времени, как этот день подойдет к концу.

Как только я решил, что удача в кой-то веки на моей стороне, так снова на моем пути появилось препятствие. Я был так близок, чтобы обладать желаемым... Но я опередил события.

— Черт. Возьми бутылку с полки, но ты бы никогда не получил ее от меня, если бы опять не втянул себя в неприятности. Истон, виски — не твой друг. Помни это.

Он уже видел меня не один раз перебравшим виски. Его предупреждение обоснованно.

— Я не проболтаюсь. Спасибо, друг.

— Нет проблем. Не забудь попрощаться перед отъездом. Я слышал, тебя отпустили.

— Да, думаю пришло время. И группе тоже уже пора.

— Удачи.

— Спасибо.

Я не побеспокоился вернуться в свою каюту. Я иду прямо в каюту Ларк. Возможно, она не позволит мне войти, но в любом случае ей придется со мной поговорить. Нам нужно много чего выяснить и у нас осталось не так много времени для этого.

Конечно же, постучав в ее дверь, я не получаю никакого ответа. Возможно, ее нет в каюте, хотя более вероятно, что она меня просто игнорирует. Я нахожу решение, как только замечаю стюардессу. Одна моя улыбка и ее щеки становятся краснее пламени.

— Ты — рок-музыкант, — говорит она застенчиво.

— Да, — отвечаю ей, — у меня небольшая проблема, с которой, я надеялся, вы мне сможете справиться. Мой друг забыл дать мне ключи от своей каюты. Вы позволите мне войти?

Она осторожно смотрит на дверь каюты. Нет сомнения, она хочет дать мне все, что я пожелаю, но также она хорошо осведомлена о политике корабля. Пойти против — может стоить ей работы, в которой она отчаянно нуждается. Не все работники на этом корабле сбегают. Большинство пытается обеспечить лучшую жизнь своим семьям, проводя месяцы, иногда даже года вдали от них. Это заставляет подвергнуть ее работу угрозе из-за какого-то мудака вроде меня.

— Я тоже здесь работаю. Я не втяну тебя в неприятности.

Этого достаточно, чтобы убедить ее, потому что она лезет в карман и достает оттуда универсальную ключ-карту от всех замков. Проведя ей один раз сквозь щель, цвет на дверном замке сменяется с красного на зеленый.

— Не заставь меня пожалеть об этом, — шепчет она, прежде чем повернуться и уйти.

Тихо, я вхожу в комнату, пытаюсь понять, где Ларк. Работает душ и я счастлив, что есть причина, почему она не ответила на стук в дверь. С бутылкой виски в руке я сажусь на кровать и жду. Я жду либо нашего конца, либо начала.

Проходит всего пара секунд, прежде чем дверь ванной открывается и выходит Ларк с полотенцем, обернутым вокруг тела. Сначала она не видит меня, но подняв голову — подпрыгивает. Полотенце падает на пол. Я ничего не хочу больше, чем того, чтобы полотенце продолжало оставаться у её ног. Заставить ее подойти и показать мне, почему именно я тот единственный мужчина, который впредь будет видеть ее обнаженной. Но сегодня данная тактика не сработает. Сегодня должно произойти нечто большее, чем просто секс, если я хочу сохранить наши отношения.

Как бы мне не было больно, я не произношу ни слова, когда она наклоняется и поднимает полотенце с пола, закрепляя его подмышками.

— Как ты вошел в мою каюту?

— У меня свои методы.

— Перестань так себя вести. Просто поговори со мной, если тебе есть что сказать.

Я ухмыляюсь, по большей части потому, что она так горячо выглядит, когда взвинчена. А не потому, что насмехаюсь над ней.

— Мне открыла дверь стюард.

— Я могу сдать вас обоих!

— Мне все равно. Я вчера уволился. Я свободный человек.

— Ты уволился?

— Срок моего контракта истекает завтра. Я могу остаться, а могу и уйти.

— Хорошо...то есть ты решил вернуться домой. Я догадывалась об этом. Виски — для празднования? У меня не то настроение, чтобы напиваться, но если это тебе так нужно, тогда давай, действуй.

Она наблюдает за мной, ожидая, когда я открою бутылку, но я этого не делаю. Я призываю ее подойти ко мне. Она колеблется, но приближается, на лице образуются тревожные морщинки. Это заставляет меня осознать, через какой стресс нам пришлось пройти за эту неделю. Я еще должен быть благодарен, что она не выгнала меня пинками под зад.

— Истон, что случилось?

Я начинаю понимать, что в Ларк нет злобы. Она скорее предпочтет убедиться, что со мной все в порядке, чем накричать.

— Мне не понравилось, что ты была там голой.

— По-моему, мы уже все выяснили на верхней палубе, когда ты заставил меня чувствовать себя перед всеми маленьким ребенком.

Я притягиваю ее к себе между ног, обнимая за бедра, — ты назвала меня ослом.

— Потому что ты вел себя, как осел.

— Кроме этого, меня еще много чего тревожит. Ты изменилась, и я не могу понять, из-за чего это произошло: из-за того, что круиз подходит к концу, или из-за того, что я поделился с тобой о Шай. Может быть, и не из-за этого, и я себе все придумываю.

— А как насчет загорания нагишом? Ты не думаешь, что из-за этого?

Я качаю головой, потому что понимаю, что уже забыл об этом, — это никогда меня особо не беспокоило.

— Хорошо, так ты не злишься?

— Мне не нравится, когда другие мужчины видят тебя голой. И это уж точно не делает меня счастливым. Это также не повод расстаться с тобой. Ларк, ты красивая. Я ничего не могу с этим поделать.

— Это просто смешно...ты — нечто. Я даже не твоего уровня, но спасибо за то, что не указываешь мне на этот факт. Для меня это был большой опыт, и я переживу, если он больше никогда не повторится.

— Нас ты тоже видишь, как часть опыта?

— Я говорила совсем не об этом. Почему ты перевираешь мои слова?

— Это не так. Я пытаюсь понять, чего ты хочешь. Девушка, с которой я провел прошлую ночь, хотела меня. Она хотела нас. Мне необходимо понять, как все будет происходить завтра утром. Я весь день об этом думаю.

Она отступает из моих объятий, подходя к туалетному столику и поднимая щетку для волос. Глядя в зеркало, она проводит ей по своим влажным волосам.

— Прошлой ночью мы должны были поговорить о контракте, но я испугалась. Мне хотелось продолжить жить в этом мире грез еще какое-то время, прежде чем реальность снова обрушится на меня. Я не выдавливала из тебя информацию потому, что хотела представить, что завтра не наступит никогда — что мы сможем еще, ни о чем не думая, на неделю остаться на корабле — только ты и я.

— Ларк, наше время подошло к концу, — я понял, почему она так себя вела, мне тоже необходимо больше времени. У меня также было множество возможностей прошлой ночью поднять вопрос о контракте. Но я этого не сделал, потому что также нервничал. Но теперь пришло время все выяснить.

— Вот, что пугает меня.

Я не хочу, чтобы она боялась. Моя забота — избавить ее от страхов, а не прибавлять их. Только я все еще привыкаю к мысли о ней. Я не ожидал познакомиться с тем, кого не смогу отпустить через неделю. Она стала огромным сюрпризом для меня так же, как и я для нее.

— Я боролся с мыслями о тебе, даже когда ещё не встретил. Мне тоже страшно.

— Что ты имеешь в виду?

Она ждет, что я продолжу, но я смотрю на бутылку виски в своих руках так упорно, как будто собираюсь раздавить ее или выпить залпом. Я начинаю говорить прежде, чем может произойти одна из этих вещей, — виски стал моим лучшим другом. Я пытался заглушить боль и оцепенение внутри себя просто, чтобы пережить день. Год назад я опустился на самое дно. Мне потребовалось долгое время, чтобы вытащить себя из черной дыры, которая поглотила меня, но, в конце концов, я оказался здесь.

— Я рада, но каким образом это связано со мной? Или с бутылкой у тебя в руках?

— Все это связано с тобой, потому что именно ты вытащила меня из темноты. Именно ты вернула меня к жизни. Я находился в подвешенном состоянии последние пару месяцев. Я довольствовался жизнью на корабле, которой на самом деле не хотел ни для себя, ни для своей группы. Но после того, как ты вошла в мою жизнь, я начал желать большего. Для меня теперь этого недостаточно. Ларк, я хочу вернуть обратно свою жизнь, но я хочу, чтобы в ней была ты.

Она прижимает щетку к груди, глядя на меня через отражение в зеркале, — ты этого хочешь?

— Да, я здесь для того, чтобы отдать эту бутылку тебе — как знак полной капитуляции. В том случае, если ты принимаешь мое прошлое и согласна быть частью моего будущего.

— Истон, я уже приняла твое прошлое, как только ты рассказал мне правду. Тебе никогда не надо было выбирать между мной и Шай. Ты можешь продолжать хранить все, что с ней связано. Я никогда не задам тебе вопросов по этому поводу.

— Она была для меня всем, также как и ты.

— Она и сейчас — все для тебя, — поправляет Ларк.

— Также как и ты, — добавляю я. Она застенчиво улыбается, как обычно, когда я делаю ей комплимент. Ларк какая угодно, только не высокомерная. На самом деле, я думаю, что она даже не осознает, насколько она замечательная. Возможно потому, что ей давно об этом никто не напоминал.

— Истон, нет никаких правил, когда речь идет о любви. Каждый момент является уникальным всепоглощающим опытом. То, что работает для одной пары, может быть разрушительной для другой. Все, что мне когда-либо было нужно от тебя — это честность.

— Ларк, я был честен с тобой. Я никогда ни перед кем не раскрывался о Шай так, как перед тобой. С тобой было легко — ты заставила меня захотеть открыться тебе. Потому что ты ценишь это.

— Если это все, что я сделала для тебя, я все равно буду счастлива. Потому что осознание того, что ты вновь обретешь счастье, значит для меня больше, чем мое собственное.

Она говорит правильные вещи, почему же они ощущаются так не правильно. Такое ощущение, что она говорит о нас так, будто все подходит к концу.

— О чем ты говоришь? — в ту же секунду, как я вижу первую падающую слезинку, я понимаю, что предчувствие меня не подвело. Она не пытается обсудить со мной наше будущее. Она пытается попрощаться со мной прежде, чем это сделаю я, — красавица, поговори со мной.

Она всхлипывает, прерываясь на минуту, чтобы перевести дыхание, — я прокручивала миллион раз в голове то, что хотела бы тебе сказать, но ничего из этого не звучит сейчас правильно.

— Тогда не говори. Скажи что-нибудь другое. Расскажи то, что хочешь, не важно, как это будет звучать.

— Я хочу остаться на этом корабле навсегда и никогда не возвращаться в реальный мир. Я хочу сохранить всего тебя для себя и никогда не волноваться по поводу работы или денег, или чего-то другого, не думать о том, куда нас доставит корабль завтра. Но это просто мир фантазий, который не имеет ничего общего с реальностью. Я боюсь, что ничего из этого не окажется реальным, как только наши пути разойдутся — и я не смогу забыть то, что между нами было.

— Я не хочу, чтобы ты забывала. Я хочу, чтобы ты поехала со мной. Невозможно предсказать, где окажется группа, но я хочу, чтобы ты была со мной на этом пути, потому что ты вернула меня к жизни на этой неделе. Неосознанно, ты помогла мне сделать выбор, чтобы начать все заново. Ларк, я закончил играть в прятки.

— И я так рада слышать, что это произошло благодаря мне. Вся моя жизнь в Делавере. Именно туда я отправлюсь, как только корабль приплывет в доки завтра утром — в противоположное от Нью-Йорка направление.

— Мне не обязательно возвращаться в Нью-Йорк.

Она качает головой, — не важно, в какой город ты поедешь, потому что независимо от того, где он находится, ты не удержишься там надолго. Твоя жизнь всегда будет в дороге —

покоряя мир. Это твой шанс вернуть группе популярность. Вернуть твои песни в чарты. Ты сам сказал, что готов. Истон, ты заслуживаешь это. Я не собираюсь вставать между тобой и твоей музыкой — никогда. Я бы никогда не сделала этого с твоей группой.

— Ларк, я не собираюсь выбирать между тобой и группой. Я хочу Вас обеих.

— Я не прошу тебя выбирать. Вопрос выбора никогда не стоял.

— Если речь не идет о выборе, тогда о чем конкретно ты говоришь?

Ее слезы начали падать еще сильнее, когда она прошептала: Я говорю «прощай».

Глава 22

Ларк

Я сама была удивлена, когда эти слова слетели с моих губ. Я не ожидала, что попрощаюсь с Истоном сегодня, но чем больше я думаю о жизни за пределами корабля, тем меньше понимаю, каким образом все будет происходить. Теперь, когда я знаю о Шай и через что он прошел, было бы нечестно с моей стороны удерживать его или требовать, чтобы он поставил меня на первое место. Его музыка — это его жизнь. Именно музыке всегда будет принадлежать его сердце, даже если он говорит, что хочет меня.

Я же хочу только одного для него — чтобы он уехал завтра утром и начал жизнь заново. Он подписывал каждый новый контракт в море, потому что хотел сбежать от реальности. Но насколько бы я не хотела быть частью его мира, я ему не принадлежу. Во всяком случае, пока.

— Скажи что-нибудь, — прошу я его. Он продолжает сидеть на краю кровати передо мной, одновременно шокированный и потерявший дар речи. Он настолько притихший и неподвижный, что я жду момента, когда он может взорваться.

— Это из-за Гранта? Ты наказываешь меня за его ошибки?

— Что?

— Ты слышала, что я сказал. Думаешь, если он смог изменить тебе, когда вы жили в одном городе, то, конечно же, я буду делать то же самое на гастролях, и ты об этом никогда не узнаешь.

Возможно, у меня нет опыта жизни в гастрольном автобусе или ежедневном перемещении по новым городам, но у меня были клиенты с достаточно известными именами, чтобы повидать изрядную долю изменяющих мужчин — некоторые связи были настолько скандальными, что у меня занимало несколько недель для того, чтобы очистить их имена в прессе. Было отвратительно смотреть, на что они могут пойти со своими деньгами для защиты своих секретов. Я не хочу такой жизни — даже если Истон тот, кто мне нужен.

— Ларк, ты не хочешь прощаться. Я вижу это по твоим глазам.

— Истон, не имеет значения, чего я хочу. Это необходимо. Следующий год твоей жизни будет вихрем прессы, гастролей, выступлений и записей. Возможно, я и не на сто процентов разбираюсь в музыкальном бизнесе, но отношения со мной не будут для тебя приоритетом — и я смирилась с этим. Поэтому я уезжаю домой одна.

Могу сказать, что он со мной не согласен. Особенно, когда он скрещивает руки на груди и сужает глаза. Он собирается оспорить все мои доводы.

— Разве я давал тебе право решать, как мне распоряжаться своим временем? Или ты уже все решила за меня? Ларк, я всегда найду для тебя время.

— Может найдешь, а может и нет. Но я не хочу, чтобы ты чувствовал себя связанным обязательствами. Это будет только высасывать из тебя все жизненные силы. Так что,

наверное, ты прав, — я сделала выбор за тебя.

— Тогда я не сделаю это. Я останусь на корабле и подпишу еще один контракт.

— Ты не хочешь этого для своей группы. К тому же, такой поступок несколько не поможет твоим доводам быть со мной. Пожалуй, даже сделает только хуже.

— Точно. Я рад, что мы наконец хоть в чем-то согласны.

Я выбираюсь из его объятий, желая, чтобы это не было так тяжело.

— Истон, мы можем остаться друзьями. Я всегда буду твоим другом.

— И этого для тебя достаточно?

Я откручиваю крышку бутылки с водой, отчаянно нуждаясь в глотке, чтобы смочить пересохшее горло.

— Ничего никогда не будет достаточно, когда это касается тебя. Это мой дар тебе во имя исполнения всех твоих мечтаний. Я больше всего этого хочу для тебя. Ты достаточно настрадался. Ты пережил большие потери. Истон, иди и верни себе все.

— Я это сделаю — я все верну назад. Ты будешь ждать меня? Правда?

Я хочу сказать, что буду ждать его столько времени, сколько необходимо, но это было бы также давлением на него. Истону необходимо войти в новую главу с чистого листа — чтобы ничто не тянуло его назад. Я не хочу, чтобы он упустил возможности потому, что пообещал вернуться ко мне. Если бы это произошло, это еще сильнее бы разбило мне сердце.

Закрыв крышку, я поставила воду и села рядом с ним.

— Если бы у меня был ответ для тебя... Но я знаю о том, что произойдет завтра не больше, чем могу предсказать, что случится через год или два. Истон, для моего сердца не существует временных рамок.

Он кивает головой, ничего не произнося. Он встает, держа бутылку виски в руках, и смотрит на этикетку.

— Я уверен, что мне это еще понадобится.

Видеть алкоголь в его руках заставило меня испытать желание забрать обратно каждое сказанное мною слово. Меня пугает образ Истона, вновь напивающегося до бесчувствия. Он не может снова стать таким человеком.

— Пожалуйста, не надо.

— Ларк, некоторые вещи никогда не меняются. Я выучил это на собственном опыте. — Он подходит ближе, протягивая руку к моему лицу и запуская пальцы в мои волосы на затылке. — Тебе удалось за одну неделю исцелить меня и разорвать на части. Это должно быть своего рода рекорд.

— Истон, пожалуйста. Я не пытаюсь причинить тебе боль. Может быть, ты сейчас не оценишь, но я это делаю для того, чтобы помочь тебе. Я пытаюсь не быть эгоисткой.

— Позволь мне закончить, — произносит он нежно, — ты совершаешь ошибку, но я думаю ты уже знаешь об этом. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Не важно, со мной или с кем-то еще, я желаю этого для тебя.

— Я желаю того же для тебя.

Он наклоняется ближе, затыкая меня своим ртом. Его поцелуй не властный. Он не такой всепоглащающий, какими были множество его поцелуев на этой неделе. Это просто одно заключительное соединение наших губ. Это наше заключительное прощание.

Когда он отстраняется, его ранее сияющий взгляд пуст, выражение лица лишено всяких эмоций. Безжизненная маска сменила все особенные черточки его лица, которые я так любила за эту неделю.

— Пока, детка, — шепчет он, прежде чем отвернуться и уйти от меня.

Он останавливается, когда его рука касается дверной ручки, и я хочу закричать, чтобы он остановился — что я сделаю все возможное для того, чтобы мы были вместе. Но я позволяю ему выйти за дверь, разрушаясь под тяжестью печали и вины после его ухода. Защищая свое сердце, я умудрилась разбить его.

У меня не было панических атак в течение нескольких лет, но мысль о том, что я больше его никогда не увижу, заставила мою грудь сжаться так сильно, что мне пришлось присесть на диван, делая вдох через нос и выдох через рот несколько раз, пока не ушло ощущение того, что меня сжимают тисками.

Не то, чтобы я ожидала от него широкого жеста, особенно после того, как сказала ему, что между нами все кончено. Но внезапно появилось желание, чтобы он примчался обратно в мою каюту, умоляя меня следовать за ним на край света. И я бы пошла.

Ноэлль протискивается через дверь, настороженно глядя на меня:

— Дерьмово выглядишь. Что случилось?

Только посмотрев в мои глаза, она понимает, что я натворила. Я безумно боялась столкнуться лицом к лицу со своими страхами, поэтому позволила им уйти.

— Я готова вернуться домой.

Она обнимает меня, позволяя расклеиться в ее руках. — Я притащила тебя сюда не для того, чтобы тебе разбили сердце. — Только я могла поехать в отпуск и оказаться еще более несчастной, чем до этого.

— Ты поговорила с Лейном?

Она кивает головой.

— Мы собираемся попробовать отношения на расстоянии и видеться, когда сможем. Не уверена, что это сработает, в основном потому, что как только я слышу его голос, мне хочется на него запрыгнуть, но это будет технически невозможно, верно?

— Ты такая шлюшка, — смеюсь я, вытирая слезы краем футболки.

— Я ношу этот титул с гордостью.

Только Ноэлль может заставить звучать большое расстояние, как нечто само собой разумеющееся — так легко и просто. Просто бери то, что можешь получить, и извлеки из этого максимум выгоды. Я восхищаюсь тем, насколько она доверяет ему, и, возможно, я могла бы повести себя так же, но, к сожалению, у нас разные обстоятельства.

— Ты очень хороший человек. Спасибо тебе за эту неделю.

— Ты меня благодаришь?

— Да. По крайней мере, теперь я знаю, что способна начать все заново. Даже если то, что кто-то сможет занять место Истона, кажется совершенно невероятным.

— Если ты нашла то, что искала, и можешь это сохранить, то почему отпускаешь Истона?

Что бы я не сказала, это не объяснит мой поступок — не для Ноэлль. Она безнадежный романтик, который сделает все, что угодно, чтобы отношения работали. Я не жду, что она поймет, почему Истон может сейчас быть слишком рискованным решением для моего сердца.

— Просто так должно быть. Я прошла большой путь после Гранта, но я не идеальна. Возможно, и не буду никогда идеальной.

— Ларк, ему не нужна идеальная. Ему просто нужна ты.

Он тоже мне нужен. Может Истон и стал частью моего прошлого, но у нас всегда

останется наша неделя в раю. Никто не сможет отнять ее у нас.

Глава 23

Истон

У меня не было необходимости покинуть корабль, пока не сойдут все пассажиры, но я все равно встал раньше восхода солнца. Назовите меня мазохистом, но я хочу в последний раз увидеть Ларк, прежде чем она уедет. Я много раз наблюдал пассажиров, садящихся и сходящих с корабля, чтобы знать время высадки и ее путь, по которому она будет туда добираться.

Я большую часть ночи просидел на балконе, думая о том, чем занимается Ларк и как она себя чувствует. Дважды за ночь я почти решил пойти к ней, но не знал, что сказать, когда там окажусь. Я бы не смог вынести дважды, как она отвергает меня.

Через десять минут я получаю небольшой намек на ответы, которые искал. Ларк и Ноэлль стоят в длинной очереди пассажиров, ожидающих своей очереди на выход с корабля. Ларк внимательно слушает, как ей что-то говорит Ноэлль, даже посмеявшись несколько раз, но счастье кажется обманчивым — как будто она на миллион миль далеко от своей лучшей подруги, несмотря на то, что стоит рядом с ней. Это эгоистично с моей стороны, но я рад. Мне причинило бы в десять раз больше боли, если бы она вела себя так, как будто меня никогда не существовало. Как будто нас никогда не существовало.

Проходит не более пятнадцати минут, и она последний раз проводит своей картой-ключом, официально завершая круиз. Прежде, чем покинуть трап, Ларк еще раз бросает взгляд через плечо, как будто боясь, что если так не сделает, то забудет последнюю неделю своей жизни. Одно мгновение и ее уже нет.

— Почему ты не пошел поговорить с ней вместо того, чтобы стоять здесь, как идиот?

Яжимаю плечами, не желая оправдываться перед Домом.

— На это есть свои причины.

— Я уверен, вы не единственные, чьи пути разошлись этим утром. Ни одна из этих пар не приехала сюда вместе. Отношения срабатывали, пока они жили в одном месте, но как только они вернутся домой — это уже будет не так легко. Реальная жизнь встанет у них на пути.

Я хочу сказать ему, что все могло бы быть просто, если бы оба сильно этого хотели. Хотя в этом все дело — вы должны хотеть этого. Ларк ясно дала понять, что не хочет.

— Надеюсь, что хотя бы у Лейна все получится. Ноэлль ему подходит.

— Джина считает, что Ларк боится из-за того, что случилось с ее бывшим. Я не знаком всей этой истории, но из немногого, что я слышал, думаю, она может быть права. Похоже этот парень жестоко с ней обошелся.

— Да. Может быть он — тот, кого она хочет. По-видимому, меня было недостаточно, чтобы занять его место.

— Да нет, братан. Не думаю, что это так. Джину не обманешь. Она сказала, что Ларк слишком умна, чтобы вернуться к нему обратно, но... У нас осталось только полчаса, чтобы поесть, прежде чем они выгонят нас. Ты идешь?

— Да, иду.

Я в последний раз иду за Домом в кафе, удивляясь, как все изменилось в мгновение ока. Почти год назад в этот день, мы ступили на наш первый корабль. Я был в депрессии, Дом выискивал, как бы подцепить первую цыпочку в бикини, которую он увидел, а Лейн... Ну Лейн был Лейном. Я никогда не могу сказать, о чем он думает. К тому времени, как

оставшаяся часть группы смогла добраться до нас, так как некоторая часть нашей команды решила сменить жизнь в дороге на жизнь на корабле, наша неблагополучная семья воссоединилась. Это был день, когда они стали моими братьями, потому что любой, кто предпочел своей жизни следование за мной, особенно когда я был на самом дне, получает мое полное уважение.

— Думаешь, я принял правильное решение? Ты готов вернуться домой?

— Истон, успокойся. У нас хороший план на месте. Не успеешь моргнуть, «Полночная Судьба» вновь окажется в центре внимания. Прекрати так волноваться. — Легко ему говорить, Джина сегодня возвращается домой вместе с ним. Ему не пришлось ее оставить. Однако, я не могу использовать это против него, потому что Джина мне как сестра. Она вместе с нами уже так долго, что без нее было бы уже непривычно.

— Ты хоть понимаешь, что я бездомный.

Дом кладет вилку, и я практически могу видеть, как у него над головой вспыхнула лампочка.

— Вспомнил. — Он быстро встает, чтобы вытащить листочек из кармана и положить его на стол передо мной. — Она твоя, если захочешь.

— Серьезно?

— Она свободна. Ты можешь забрать свои вещи из гаража и въехать сегодня вечером, если тебе это интересно.

— Думаешь домовладелец согласится с тем, что «Полночная Судьба» всем составом живет в одном и том же здании? — Квартира находится на одном этаже с квартирой Дома, а остальная часть группы живет этажом выше. До того, как я переехал к Шай, чтобы заботиться о ней, я планировал получить именно это место и именно поэтому я в шоке, что оно свободно. Что-то мне подсказывает, что Дом позаботился об этом.

Дом смеется и говорит: — Я вроде как владелец этого здания. Теперь твой арендодатель — чертовски крутой чувак.

— Черт возьми, я знал это.

— Расслабься, ты натолкнул меня на мысль подыскать место для вложения инвестиций. Старик Ларсон готовился уйти в отставку, потому что уже не мог справляться с бизнесом. Но ты прекрасно знаешь, что он был рожден для того, чтобы ремонтировать все, что можно. Поэтому, он может заботиться о здании, пока я буду на гастролях, а Джина может вести бухгалтерию, когда будет с нами. Это выигрышно для всех нас.

— Джина согласилась?

— Она в восторге. Ей нравится заботиться о группе, стиль и все такое, но также ей нужно, чем еще себя занять — что-то только для нее. Моя девочка даже имеет степень по бухгалтерскому учету. Ты можешь в это поверить?

— Звучит немного скучновато для такой яркой особы, как она, но главное, чтобы Джина была счастлива. Полагаю, я знаю, что буду делать сегодня вечером.

Сегодня вечером я переезжаю на новое место. Завтра я буду работать над улаживанием проблем с нашим менеджером. Мне требуется подлизать столько задниц, что думаю, понадобится новая гигиеническая помада.

Время встретиться лицом к лицу с музыкой.

Глава 24

Ларк

Один месяц спустя...

— Ларк, вы весь день использовали одни и те же показатели по проекту. Ничего не предпринимается для заключения этой сделки. Мне очень жаль, но на этот раз мы вынуждены обратиться в другое агентство. Это не означает, что мы к вам не вернемся, но на данный момент, мы вынуждены разорвать с вами отношения, — сказала мне миссис Эванс.

Стоимость услуг по её контракту одна из самых высоких, которая у меня была. Мне ненавистно терять этого клиента только потому, что мой босс ведет себя неразумно, но я мало что могу сделать без его полной поддержки.

Сказать, что последние несколько недель были напряженными, все равно, что подвергнуть сомнению округлость земного шара. Оба варианта нереальны. Я вымоталась, разрываясь между попыткой вернуться в рабочий процесс, заключив несколько новых сделок, и возможностью оставаться в курсе событий мира Пиара. Усугубило ситуацию еще то, что ежедневно, с тех пор, как я сошла с корабля, напоминал о себе Гранте.

В первую ночь, уютно устроившись в своей квартире и открыв вино, я спокойно разбирала свои вещи. Не прошло и часа, как он постучал в дверь. Сначала, он явился с цветами. Когда это не сработало, он решил повысить свои ставки на успех на следующий день шоколадом. Вместе с коробкой писем, которые он писал каждый день, пока меня не было. Они были аккуратно сложены в мой почтовый ящик на третий день.

Было бы так просто к нему вернуться и поблагодарить судьбу за то, что он наконец-то приложил усилия, которые я всегда от него так ждала. Тем не менее, я уезжала не для того, чтобы вернуться и наступить на те же грабли. Я расставалась с ним не для того, чтобы он осознал, что ему никто кроме меня не нужен.

Хотя настойчивость Гранта — это то качество, за которое я его обожала. После нескольких дней возврата его подарков, я решила, что теперь ему должно надоест преследование. Но с другой стороны, он всегда был целеустремленным. Зачем останавливаться на одной девушке, когда ты можешь иметь двух? Для чего нужно съезжаться с одной, когда ты можешь сохранить обеих?

Всеё это, в сочетании с отчаянием от того, что я не могу предоставить достаточно привлекательный пакет документов по проекту для клиента, заставляет меня задаться вопросом, почему я считала, что была готова вернуться домой.

Положив трубку после разговора с миссис Эванс, я перехожу к разбору своей почты, надеясь, что это даст мне лучшую возможность для понимания того, что меня ожидает. Первые два адресованы не мне, а мой взгляд останавливается на третьем. Я собираюсь ответить женщине с исключительным послужным списком в качестве куратора одного из крупнейших музеев, когда электронное письмо от моего босса прерывает меня... снова. В истинном духе своего властного образа, он назначает встречу для меня с новым клиентом во время моего обеда. Мне было бы все равно, если бы у меня сегодня утром было время позавтракать, но после разборок с Грантом всю ночь напролет, я проспала. Мне ещё повезло, что у меня осталось время для того, чтобы принять душ и высушить волосы.

Что бы я только не отдала, чтобы снова оказаться на том чертовом корабле.

Верный своему слову, ровно в полдень моя дверь открывается. Как ножом по сердцу, я жду, когда его гнусавый голос начнет высказывать свои требования. И это занимает у него пять секунд:

— Ларк, освободи свое расписание. Ты становишься очень занятой женщиной.

— Да, мистер Купер? Вы изменили свое мнение по поводу сделки? — я заканчиваю печатать последнее предложение в электронном письме куратору, прежде чем повернуть

голову в его сторону. Вся кровь отливает от моего лица.

Прошло четыре недели с тех пор, как я последний раз видела Истона Бэка. Потеря даря речи даже не намекает на то, что я чувствую. Слезы наворачиваются на глаза в то время, как по нему невозможно прочесть никаких эмоций. Почему он стоит в моем офисе с моим боссом? Как он узнал, где я работаю? Я точно знаю, что никогда не упоминала название — по большей части по тому, что это широко известная компания, а я стараюсь не смешивать работу с личной жизнью. Этого и не может произойти, благодаря подписанию соглашения о неразглашении и конфиденциальности.

Но Истон выглядит так шикарно, что я не могу отвести от него взгляд. Насколько я нервничаю из-за того, что вижу его, настолько же я хочу, чтобы он меня поцеловал. Мне нужно знать, что он здесь ради меня — я не хочу возвращаться домой к еще одной ночи с названивающим мне Грантом, умоляющим принять его обратно. Я думала, что, покидая корабль, возвращаюсь домой в свой кокон безопасности. Но теперь, когда я здесь, я сделаю всё, что угодно, чтобы его вскрыть. Оказывается, я уже переросла желание безопасности и предсказуемости.

— Истон? Что происходит?

— Здравствуйте, мисс Уильямс, — говорит он официальным тоном и голосом, совершенно не таким, каким я его запомнила, и ничего похожего на то, как он звучит на компакт-дисках. Я это знаю, потому что, проведя две недели вдали от него, я пошла и купила столько дисков, сколько смогла найти. Я также начала просматривать журналы в продуктовых магазинах в поиске информации о «Полночной Судьбе». Весь мир знал, что они вернулись и каждая желтая газетёнка мечтала об еще одной громкой сенсации. Я не могла быть уверена в том, что то, что читаю, на самом деле правда, но не могла устоять.

Мистер Купер предлагает ему присесть в одно из кресел напротив моего стола. Он ставит еще одно рядом с ним. — Ларк, мы разговаривали о новых возможностях для тебя. Ты слишком хороша, чтобы быть привязанной к своему кабинету весь день, когда могла бы увидеть весь мир, обеспечивая выдающиеся возможности для таких талантливых людей, как мистер Бэк.

— О чем вы говорите?

— Я говорю о том, что только что подписал контракт, по которому ты назначаешься руководителем по связям с общественностью «Полночной Судьбы». Естественно, тебе известно всё об их успехе с тех пор, как они вернулись на музыкальную сцену. Не каждый смог бы так подняться, но талант говорит сам за себя. Теперь, когда они вернулись в центр внимания общественности, их менеджеру необходима помощь для отражения всех акул, жаждущих получить интервью, исходя из неверных мотивов. Истон хотел бы дать интервью, но ему нужно качество. Поэтому он обратился к нам.

— Почему я?

— Потому что я не приму никого другого для этой работы, — добавляет Истон, наконец, хоть что-то произнеся и положив конец молчанию между нами. Это не тот мужчина, которого я оставила. Это мужчина, получивший назад то, что хотел, однако ему еще предстоит много работы впереди.

— А как же мое место? И мой новый клиент, с которым я встречаюсь в конце недели. Из информации, которую мне удалось узнать, существует возможность заключения огромного контракта. Я хотела бы довести его до конца.

Мистер Купер смотрит на Истона и улыбается:

— Я говорил тебе, она всегда была нашим лучшим сотрудником. Я решительно верю в то, что такая попадается только раз в жизни.

— Не могу не согласиться, — произносит Истон, не отрывая взгляд от меня. — Я слышал, насколько она великолепна в том, что делает.

На этот раз его голос пронизан сексуальным подтекстом, который только я могу почувствовать, учитывая, что мистер Купер понятия не имеет о том, что мы вместе спали, или о том, что между нами вообще были романтические отношения.

— Когда контракт вступает в силу? И куда я должна ехать?

— Он вступает в силу немедленно. В конце недели ты отправляешься в тур с группой.

— В тур? А как же моя квартира? И моя семья?

Мистер Купер садится на краешек стула, как будто готовясь меня успокаивать. Почему Истон просто не мог мне позвонить, как любой другой потенциальный клиент? Почему эта встреча должна была быть организована тайно и через моего босса? Он на самом деле считает, что я бы не захотела с ним встретиться? Да, он так думал. Потому что именно я сбежала от него.

— Ларк, ты помнишь свое собеседование?

— Да. Вы нанимали меня.

— А ты помнишь, почему я это сделал?

— Вы сказали, что у меня слишком большой потенциал, чтобы этим не воспользоваться.

— Правильно, а ты помнишь свой ответ, когда я спросил, где ты видишь себя через пять лет?

Черт. Я точно помню, что ответила, и это совсем не помогает в моем случае.

— Я сказала, что хотела бы работать с самыми крупными именами в этом бизнесе.

Мистер Купер снова улыбается. Его схватит судорога, если он не прекратит.

— И что еще? Ларк, не скрывай от нас. Это было фантастическое собеседование.

— Я хотела бы увидеть мир.

Закатывая глаза, мистер Купер хлопает по ручкам кресла. Он слишком сильно всем этим наслаждается.

— Ларк, и вот пожалуйста, это твой шанс. Твое желание сбывается. «Полночная Судьба» — лучшая в этом бизнесе, и ты увидишь большую часть мира, чем могла себе представить, сидя за этим столом.

— Итак, все улажено? — я смотрю на Истона, наблюдающего за нашей перепалкой. Он по-прежнему выглядит как никогда уверенным в себе, но его облик немного смягчился. Это единственное, что меня утешает, в то время как мир, к которому я привыкла, резко меняется.

— Мне необходимо, чтобы вы отправили мне по электронной почте список ваших текущих ожиданий. Я прослежу за ходом их выполнения. А теперь, если Вы оба извините меня, я отставляю Вас познакомиться друг с другом. Вы будете проводить много времени вместе. Ларк, не будь с ним слишком строга.

Я сглатываю, вспоминая, что как только мы познакомились, я получила доступ к его телу. Мистер Купер встает и демонстративно выходит из моего кабинета. Истон ждет, когда закроются двери, прежде чем подняться и обойти мой стол. Он протягивает мне руку, а я смотрю на нее:

— Что ты делаешь?

— Ты слышала, что он сказал, нам нужно вновь познакомиться.

— И каким образом ты планируешь это делать?

— Таким же, как и в первый раз.

Мои глаза расширяются, воспоминание о том, как он посадил меня на динамики в театре, все еще свежи в моей памяти.

— Я тебе не верю, — было бы очень неправильно начать наши деловые отношения с секса в моем кабинете. И это неправильно заниматься сексом со своим клиентом. Несмотря на все причины, почему мы не должны, это ощущается так правильно — перестать отрицать, что я нуждаюсь в мужчине, о котором я думала, не переставая с тех пор, как покинула корабль месяц назад.

— Ларк, я уже однажды предупреждал тебя, не спорь со мной.

— Истон, теперь мы работаем вместе. Это не профессионально.

— Ты работаешь на меня. Это большая разница.

— В качестве пиар-менеджера. А не твоей надувной куклой. Я никогда не вступаю в отношения с клиентами.

Он ухмыляется и проводит языком по губам, внимательно изучая меня:

— Во-первых, я не вступаю в отношения с надувными куклами. Мне нравится все только настоящее. Во-вторых, я не прошу тебя вступать в отношения с клиентом. Я прошу тебя вступить в отношения со мной. С парнем, который не переставал хотеть тебя.

Моё сердце слегка подпрыгивает, когда он напоминает мне о том, что был моим все это время. И о том, что именно я разорвала наши отношения.

— Это практически одно и то же.

— Нет, Ларк. Это две совершенно противоположные вещи. Я прошу тебя снова быть моей. Когда мы работаем вместе, мы можем работать. Но остальную часть времени, ты будешь моей девушкой — так, как и должно было быть и изначально.

— Звучит проблематично. Почему эта мысль вдруг пришла тебе в голову? Ты даже не рассматривал такую возможность, когда мы были на корабле. Не мог выбрать лучшее время, чтобы поставить меня в затруднительное положение, действуя через моего босса за моей спиной.

Он пожимает плечами:

— Возможно. Я мог бы выбрать любого пиарщика, но насколько я помню твои слова, ты сказала что-то типа, мы не можем быть вместе, потому что наши жизни слишком разные. Я бы путешествовал по миру, пока ты сидела у себя в кабинете. И поэтому я это исправляю. К тому же, Дом берет с собой Джину в тур. Она тоже работает на него.

— И чем она будем заниматься?

— Оказывается, она бухгалтер. Дом выкупил здание, где мы жили. Она теперь ведет учет и обеспечивает работу центрального офиса, пока мы на гастролях.

— Я смотрю, никто из вас не видит проблемы из-за смешивания работы с удовольствием. Ты не думаешь, что это может привести к катастрофе? Если отношения не сложатся, что будет с бизнесом?

— Я готов пойти на этот риск — и Дом тоже. Не могу говорить за него, но я бы предпочел иметь человека, которому доверяю, чем кучку ослов, работающих на меня из-за корыстных побуждений. Ларк, я доверяю тебе. Я хочу, чтобы ты занималась тем, чем любишь, и я хочу, чтобы ты занималась этим вместе со мной.

— Почему?

— Потому что я нуждаюсь в тебе, Ларк. Разве этого недостаточно?

Я провожу руками по волосам, массируя кожу головы, пока пытаюсь обдумать

полученную информацию. Он нуждается во мне. Звучит так просто, но так много значит. — Я не могу поверить, что ты это сделал. Это слишком даже для тебя.

— Ты понятия не имеешь, на что я способен.

Я поднимаю голову, пытаюсь понять, он угрожает мне или просто пытается доказать свою точку зрения. После нескольких минут, во время которых никто из нас не вымолвил ни слова, я смиряюсь с тем фактом, что он не собирается сдаваться. Он пришел сюда ради меня и не уйдет до тех пор, пока я не пойду вместе с ним.

— Истон, я сдаюсь. Ты победил. Я не хочу терять свою работу или увольняться и все бросать.

— Если ты не хочешь, я не буду на тебя давить. Я скажу мистеру Куперу, что изменил свое мнение и уверю его в том, что мое решение не связано с тобой. Я думал, ты будешь рада увидеть меня здесь.

— Я рада тебя видеть.

— Детка, я не пытаюсь взять под контроль твою жизнь. Я пытаюсь все исправить. Но если ты была хотя бы наполовину также несчастлива, как я, с тех пор, как закончился мой контракт, то я хотел бы все исправить для тебя. Думаю, я не понимал, насколько был эгоистичным.

— Ты не эгоист. Совсем нет. — сердце так сильно бьется, что у меня начинает болеть голова. Когда я проснулась сегодня утром, я не могла представить Истона, сидящего в моем кабинете, переворачивающего мой мир с ног на голову.

— Я не могу в это поверить, — шепчу я.

— Ты же рискнула, отправившись в круиз. Рискни еще раз — нечто большим, чем ты. Нечто большим, чем мы.

— Что может быть больше, чем мы?

Он ждет, когда я посмотрю ему в глаза, после чего произносит:

— Навсегда, — он подходит ближе, ни на секунду не отрывая взгляд от меня. Встав на колени перед моим креслом, он берет меня за руку: — Шай принадлежит мое прошлое, но тебе принадлежит мое будущее. Каждая новая глава, каждое новое начинание будут только нашими.

Я прикусываю внутреннюю часть щеки для того, чтобы не сломаться и не расплакаться перед ним. Я хотела быть с ним с тех пор, как он вышел из моей каюты. Хватит отрицать самой себе. Без тени сомнения я отвечаю ему:

— Я согласна.

— Ты согласна со всем? Я имею в виду не только с работой — ты будешь моей?

Я киваю, меня начинает трясти от предвкушения того, что нас ждет впереди.

— Истон, это просто безумие, но я бы соврала, если сказала, что не хочу быть с тобой. Я никогда не прекращала этого хотеть.

Он кладет голову мне на колени, облегчение буквально сочится из его глаз. Когда он поднимает голову, на его лице заразительная улыбка:

— Спасибо, детка. Я пришел бы к тебе раньше, но я должен был убедиться, что сделаю все правильно. Я не хотел потерять тебя во второй раз.

Я верю ему. Я верю, что он свернет горы ради того, чтобы сделать меня счастливой. Вероятно, он это и сделал, если мистер Купер дал мне такую возможность. Зато теперь я получаю все — и Истона, и свою работу — две вещи, которые значат все для меня.

— Нам необходимо определить границы для нашей совместной работы.

Он кивает в знак согласия, что удивляет меня.

— Я никогда не буду влезать в твою работу, но у меня есть одно требование.

— И в чем оно заключается? — спрашиваю я его.

Он проводит руками вверх по моим ногам, пока не добирается до края моих чулок под подолом юбки.

— Эту юбку ты берешь с собой, — он скользит пальцем под резинку чулок и улыбается: — И определенно их тоже.

— Мы не сможем заниматься сексом. По крайней мере, не в привычном режиме.

— Почему, черт возьми, нет?

— Потому что, насколько я помню, первый этап твоего тура будет проходить по Штатам, что означает — мы будем постоянно находиться в автобусе. С большим количеством посторонних людей.

Он придвигается ближе ко мне, его руки уже полностью находятся под моей юбкой. В нескольких сантиметрах от моего лица, он шепчет:

— Ларк Уильямс, ты следила за мной?

Я облизываю губы, прежде чем ответить:

— Возможно.

— Не беспокойся, когда сможем, мы будем останавливаться в отелях, кроме того ты удивишься, насколько изобретательным я могу быть в автобусе.

Нет ничего плохого в том, что он говорит, но это напоминает мне о поклонницах. О случайных связях на одну ночь и обо всех разовых отношениях, которые были до меня. Мне придется конкурировать со всеми этими девушками, из-за которых я беспокоюсь. Мое беспокойство замирает на полпути, когда он проводит пальцами у меня под юбкой и скользит под кружево трусиков, стягивая их вниз.

— Ларк, возможно тебе нужно напоминание.

— Какое напоминание?

— То, где я показываю тебе, на что это похоже — быть моей девушкой. То, которое перезагрузит наши отношения, потому что ни на миг я не могу представить себе, что эти гастролы начнутся без тебя рядом. Я буду относиться к тебе с уважением во время работы и даже с еще большим уважением в качестве своей девушки, но секс будет. Ты будешь знать, где я нахожусь, и ты будешь хотеть меня — каждый Божий день.

— А как же я? Разве я не имею права напоминать тебе?

— Детка, ты можешь напоминать мне в любой момент. Нет никаких запретов.

Пока я слушаю его обещания, он снимает мои трусики, засовывая их в свой задний карман с улыбкой на лице. Схватив меня за трехдюймовые каблуки, он закидывает мои ноги на свои плечи, раскрывая мои бедра еще шире.

— Дверь не закрыта.

Осыпая поцелуями мое бедро, он произносит:

— Не важно. Теперь ты моя. Считай это нашей первой бизнес авантюрой. — он повторяет тоже самое с другим бедром, прежде чем слегка подуть на мой клитор. Этого недостаточно, чтобы завести меня, но достаточно для того, чтобы заставить меня просить о большем.

Но это ощущение возникает сразу же, как только он оближивает меня, его язык посылает невероятные эротические ощущения от основания моего позвоночника к кончикам пальцев на ногах. Как я могла целый месяц обходиться без этих ощущений? Я нахожусь полностью в

его власти и нет другого места, где бы я сейчас хотела находиться.

— Истон, — стоною я, когда начинаю двигать бедрами и тереться об его лицо. Он так близко подводит меня к краю, но потом резко прекращает. — Что случилось?

Не говоря ни слова, он одним движением снимает мои ноги со своих плеч. Я не могу понять, что происходит, особенно когда он оттягивает юбку на место и полностью меня прикрывает. Расстроенная и совершенно разочарованная, я сажусь прямо в своем кресле, ожидая, что он не скажет мне о том, что эта встреча была шуткой.

— Что случилось, Истон?

Он отталкивается от моего кресла и поднимается на ноги:

— Я же сказал, что буду уважать тебя, когда ты работаешь.

— Истон, ты просто лизал меня. Я смирюсь с неуважением на сегодня.

Смеясь, он закидывает голову назад:

— Детка, я буду неуважительно к тебе относиться всю ночь, как только ты освободишься, — он вытаскивает из кармана визитку. Я тяну руку, чтобы взять ее, но он вместо этого кладет карточку на клавиатуру.

— Что это?

— Твоя новая квартира.

Я беру папку мистера Купера, лежащую на моем столе, и пролистываю её до закладки с информацией об Истоне. Конечно же, его адрес соответствует адресу на визитке.

— Я переезжаю к тебе?

— Теперь я понимаю, почему мистер Купер так настойчиво рекомендовал тебя. Ты быстро соображаешь, Ларк.

Закатывая глаза, я встаю, в то время как Истон идет к двери.

— Этого не будет, мистер Бэк. Думаю, я была сегодня более, чем любезна. Я и так зашла слишком далеко.

Держа руку на ручке двери, он поворачивается и произносит:

— И я планирую завести тебя намного дальше. Увидимся через пару часов, красавица.

Прежде чем у меня появляется возможность хотя бы попросить вернуть мои трусики, передо мной появляется мистер Купер с бокалом шампанского в каждой руке. У него появился новый клиент, последние новости о котором моментально разносятся по всему интернету, и нет сомнения в том, что другие личности с громкими именами последуют его примеру. Он протягивает мне бокал и поднимает его:

— За новую жизнь, Ларк. Мои поздравления.

Глава 25

Ларк

Переезжаю.

Я изо всех сил пыталась сохранить свою квартиру, но в финансовом плане не имеет смысла держаться за место, в котором ты точно не будешь жить, по крайней мере, год. Поскольку я не являюсь владелицей, то не могу ни сдать квартиру в аренду, ни придержать. И нет никакого шанса, что владелец дома не сдаст ее в течение ближайшей недели.

Многие представители нашего бизнеса работали удаленно по всему миру только для того, чтобы заполучить самых лучших, элитных клиентов. Никогда в жизни я не могла представить, что окажусь одной из них. Кто не захотел бы увидеть мир, заполучить жизнь, о которой большинство могут только мечтать, но я довольствовалась жизнью в своем кабинете в течение последних пару лет, работая с девяти утра до пяти вечера. Конечно, время от

времени были задержки до поздней ночи, когда я отставала от графика, но по большей части, моя работа была стабильной. Я могла все выполнить и в конце рабочего дня вернуться домой с чувством глубокого удовлетворения.

Ноэлль потратила часы, пытаясь убедить меня выбрать идеальный вариант для того, чтобы сохранить мои отношения с Истоном, и в тоже время не потерять собственную индивидуальность. Она права, этот вариант идеален, но я никогда раньше не нервничала по поводу своей работы. Вдруг, я не справлюсь и буду недостаточно хороша? Вдруг, из-за меня развалится группа? Вдруг, я разочарую Мистера Купера?

Как будто прочитав мои мысли, мой телефон издает сигнал о входящем сообщении от Ноэлль. Это называется «законом подлости» — когда я больше всего нуждаюсь в ней, она находится у Лейна.

Ноэлль: Прекрати нервничать. Заканчивай паковать свои шмотки и иди потрахайся.

Независимо от того, в чем состоит проблема, Ноэлль всегда сводит ее решение к сексу. В ее мире — это универсальное лекарство от всего. Может быть она и права. Я могла бы весь день продолжать валяться на диване и гадать, что меня ждет в будущем. Но я не смогу получить ответы ни на один из моих вопросов до тех пор, пока не поеду в тур и не испытаю все сама. Но прежде чем закончить сборы, мне нужен кофе. Много, очень много кофе.

Я даже не успеваю налить кружку, как раздается стук в дверь. Уже почти полдень, но я еще даже не чистила зубы и не приняла душ. Мои волосы закручены в пучок на макушке и на мне надеты части от разных комплектов пижам. Я сейчас не в том состоянии, чтобы принимать гостей.

Прикинуться, что меня нет дома, не подошёл, поскольку стук в дверь не прекращается. Тихонько крадусь к двери, осторожно, чтобы не заскрипела ни одна из досок пола. Я не была готова к тому, что обнаружу за дверью, посмотрев в глазок. Я так удивлена, что теряю равновесие и падаю на столик рядом с дверью. Ключи, лежащие на краю, падают на пол, выдавая меня.

— Ларк? Ты там?

— Черт, — шепчу я, наклоняясь за упавшими ключами.

— С тобой все в порядке?

Теперь, когда он услышал, у меня нет выбора кроме, как открыть дверь, но я не снимаю цепочку, поэтому у него нет возможности войти внутрь. — Что ты здесь делаешь?

Он улыбается, осматривая меня с головы до пят. Из-за его непринужденного изучения моего тела еще больше возникает желание принять душ. — Я тебя разбудил?

— Нет, но я поздно легла спать. Наа самом деле мне сейчас не до гостей.

— Я не задержу тебя надолго, но мне нужно кое-что тебе сказать.

Он выбрал не самое удачное время и, хотя я бы предпочла закрыть дверь перед его лицом и сделать вид, что его никогда здесь не было, у меня такое чувство, что Линкольн не собирается оставлять меня в покое, пока я не выслушаю его. — Что ты хочешь?

— Поговорить.

— Мне кажется, я предельно ясно объяснила, что думаю о тебе, во время нашего последнего разговоре на пляже.

— Ларк, пожалуйста, — просит он, когда я не открываю дверь. — Я не уйду, пока ты не выслушаешь меня. Дай мне десять минут.

Беспокоясь, что он разозлит моих соседей, я снимаю цепочку и открываю дверь. Его плечи опускаются от облегчения, как только он понимает, что я собираюсь выслушать

его. — У тебя пять минут. У меня сегодня много дел.

Он делает шаг внутрь и обнаруживает коробки, сложенные в углу комнаты. Все те, коробки, которые мне надо наполнить к концу дня и сдать на хранение. — Ты переезжаешь?

— Думаю, можно и так сказать.

— Хорошо, тебе нужно место побольше. Эта квартира слишком мала для тебя.

— Позволь мне угадать, у твоей собаки, отдыхающей в Хэмптоне, дом больше, чем у меня.

Он наклоняется голову, выглядя смущенным: — У меня нет собаки.

— Как бы то ни было, у тебя осталось четыре минуты. Начинай говорить.

Он протягивает сумку из магазина Сакс на Пятой Авеню — место, в котором я никогда не могла позволить себе делать покупки. Только если бы я хотела, чтобы в моем гардеробе бы только одна вещь. — Это тебе, — говорит он с улыбкой на лице.

— Для чего?

— Считай это извинением.

— Настоящее извинение не материально, оно состоит из слов.

Он взмахивает рукой, отклоняя мое высказывание. Вместо этого, он сосредотачивает свое внимание на фотографиях, стоящих на полке над камином: — Извинение может быть любым, Ларк. Главное, чтобы оно соответствовало степени и характеру вины.

Я заглядываю внутрь сумки и вытаскиваю верх от бикини: — Каким образом купальник соответствует степени твоей вины?

— Он идет в комплекте с остальной частью подарка. Его выбрал мой стилист.

Конечно же, купальник выбрал его стилист. Он бы не потратил ни секунды своего бесценного времени на покупки для простого народа. Когда он может отдыхать на своей яхте в Кейп Коде. — Линкольн, просто скажи, что тебе нужно. У меня сейчас нет времени на игры.

Он поворачивается с рамкой в руке. Это наша с Ноэлль прошлогодняя фотография на пляже. — Вы обе выглядите просто секси.

Я выхватываю рамку из его рук: — Это не порно. Почему абсолютно все должно сравниваться с тем, как будет выглядеть рядом с тобой?

— Потому что, когда женщина выглядит также хорошо, как ты, ее должны боготворить.

— Я не игрушка. Я не хочу быть чьей-то вещью. — Как мне всегда говорила моя мама — знай себе цену.

— Ларк, я не это имел в виду. Меня тянет к тебе, я не могу ничего с этим поделать. Но я действительно пришел, чтобы извиниться и сказать, как я сожалею. Я облажался.

— Объясни, за что именно ты извиняешься? — Если бы я была умнее, то вручила бы ему подарок обратно и указала на дверь, но, видимо, я мазохистка, раз жду его объяснений.

— В первый вечер знакомства с Ноэлль, я понял, что она мне не подходит. Ее татуировки, макияж и стиль одежды... с моей мамой случился бы припадок. Слишком много всего пришлось бы исправлять, а у меня не было на это время. Я был так зол, пока не увидел тебя. Ты была моим решением.

— Решением чего?

— Ты бы сделала мою маму счастливой и решила бы все мои проблемы. Поэтому, я придумал план, как заполучить тебя, но потом все довольно быстро полетело ко всем чертям — особенно для тебя и меня.

— О чем ты говоришь? Я не совсем понимаю.

Он сидит на краю дивана, нервно подергивая ногой. Он даже не может больше смотреть мне в глаза. — На самом деле не было никакой путаницы с письмами. Я заплатил одной девушке на стойке регистрации, чтобы она напечатала исправленные письма и отправила их в вашу каюту. Все, что мне оставалось делать, это сидеть, сложа руки и ждать, когда все сложится так, как я задумал и ты захочешь меня вместо Истона. По крайней мере, я на это рассчитывал.

Все это время, пока он говорит, я его слышу, но такое ощущение, будто я нахожусь посреди оживленного перекрестка. Машины и грузовики проносятся мимо меня, оглушая своими сигналами. Я не могу понять, как это остановить, только если я этого не сделаю, то сойду с ума. Не было никакой путаницы на корабле. Они были правы с самого начала. — Не могу в это поверить...

— Извини. Просто моя мама возложила слишком большие надежды на этот круиз, а все шло к тому, что я не смог бы их оправдать. Я находился в отчаянии, потому что не хотел возвращаться домой неудачником.

— У тебя вообще есть совесть? Я могла утонуть в океане на этом свидании, на котором меня вообще не должно было быть. Я практически потеряла Истона из-за тебя. Ты заставил страдать Ноэлль.

Он следует за мной, когда я сажусь на пуфик, и пристраивается прямо напротив меня на диване. Он тянется к моей руке, но я успеваю оттянуть ее прежде, чем он смог бы прикоснуться ко мне.

— Ноэлль — милая девочка. Я никогда не хотел причинить ей боль, но я не подхожу ей.

— Она специально отправилась в этот круиз. Она хотела влюбиться в парня своей мечты. Ты настоящий придурок из-за того, что все ей испортил. И почему? Потому что она не соответствует какому-то идеалу, который придумала твоя мама? Линкольн, повзрослей и будь мужиком.

— Извини.

— Ты уже это говорил. Этого не было достаточно две минуты назад и этого недостаточно сейчас. Ты не можешь пользоваться своими деньгами, чтобы заполучить то, что тебе нужно, наворотить дел, а потом купить прощение дорогими подарками.

Он уставился на свои идеально начищенные ботинки, которые вероятно стоят больше, чем диван, на котором он сидит: — Это единственный способ, который я знаю...

— Думаю, пришло время перестать быть марионеткой в руках своей матери и начать принимать собственные решения. Любовь — это не бизнес-сделка.

— Это не так просто. Хотелось бы мне, чтобы так было.

— Это очень просто. Возможно, она разозлится. Возможно, она закатит истерику, как ты говорил, но ты не должен жить ее жизнью, ты должен жить своей собственной. Подумай об этом, если бы твоя мама не следила за каждым твоим шагом, отнесся бы ты к Ноэлль по-другому, зная, что она — твоя идеальная пара?

Он кивает, прежде чем посмотреть на стену: — Да, она красивая. Может быть, ее стиль не соответствует тому, к чему я привык, но она мне понравилась. Я никогда не был на свидании с девушкой, у которой есть чувство юмора. Это было словно поток свежего воздуха.

— Ноэлль — потрясающая. Ты многое пропустил.

— Может быть ты, по крайней мере, примешь это? — Он протягивает мне белый конверт. Еще один ненужный подарок.

— Если это подарок, то он мне не нужен. Ты уже сказал все, что должен был.

— Просто открой его. Пожалуйста.

Мои руки дрожат, пока я его открываю. Последний конверт, который я открыла, пустил мою жизнь под откос: — Круиз? — спрашиваю я, держа в руках билеты.

— Я хочу, чтобы вы вместе с Ноэлль отправились в еще один круиз. Без меня, все вам испортившего.

Я складываю билеты обратно в конверт и отдаю ему: — Это милый жест, учитывая, что ты натворил, но это также сомнительное извинение. Ты уже подарил Ноэлль лучший подарок, который она только могла получить — оставив ее в покое и подтолкнув к Лейну.

Я не оставляю ему времени на то, чтобы ответить или задать вопрос. Я просто открываю входную дверь и жду, когда он выйдет через нее. Он смотрит на меня неуверенно, прежде чем поплестись в сторону двери. Он встает передо мной, его глаза теперь выражают совершенно другие эмоции, чем на корабле. Эта версия Линкольна выглядит побежденной, и мне это нравится. Он нуждался в настоящей проверке на прочность.

— Надеюсь, ты передумаешь по поводу круиза. Если тебе или Ноэлль когда-нибудь что-нибудь понадобится, позвоните мне. Я оставил номер на полке над камином.

— Не думаю, что это понадобится. Прощай, Линкольн.

Он выходит в холл, но прежде чем я успеваю закрыть дверь, он последний раз смотрит через плечо и грустно мне улыбается. На долю секунды, мне становится его жаль. До тех пор, пока я не вспоминаю, почему он изначально ко мне явился. Пока Линкольн не поймет, что счастье деньгами не купишь, он будет оставаться несчастным человеком.

Я стала очень несчастным человеком, когда наконец вернулась к своему кофе, а он оказался холодным. Я поставила его в микроволновку, пытаюсь понять, каким образом мне предстоит рассказать правду Ноэлль. О том, что он намеренно ее оттолкнул, потому что она не соответствовала шаблонному идеалу, который бы могла принять его мать.

Никогда не будет подходящей ситуации или легкого пути, чтобы разбить ей сердце, поэтому я беру свой телефон, пока жду, когда согреется мой кофе. Я уже собираюсь нажать на кнопку, чтобы набрать номер, но не решаюсь. Это должен сделать Линкольн. Я не хочу оказаться тем человеком, который сообщит ей, что она недостаточна хороша, в то время как она — абсолютно идеальна, особенно для меня.

— Ларк?

Я так быстро оборачиваюсь, что ударяюсь головой о дверь шкафа, которую я не потрудилась закрыть: — Черт! Что ты делаешь в моем доме? — спрашиваю я, хватаясь за голову от боли.

— С тобой все в порядке? — Грант бросается ко мне, убирая мою руку, чтобы осмотреть голову: — Я не хотел напугать тебя. Дверь была не заперта.

— Потому что кое-кто только что ушел. Это не значит, что ты можешь врваться ко мне в квартиру, как раньше.

— Кто здесь был?

— Никто. — У меня нет желания объяснять ему, что здесь произошло. — Зачем ты пришел?

Он уклоняется от ответа, когда его взгляд падает на коробки. — Ты оставляешь это место из-за меня? Тебе же нравится здесь жить. Если тебе нужна помощь, я выпишу чек.

— Не все крутится вокруг тебя. — На этот раз, я могу сказать Гранту, что мои решения не имеют ничего общего с ним. То, что я делаю, я делаю только ради себя, а не для того,

чтобы уехать подальше от него. — И почему Вы, парни, все время пытаетесь всучить мне свои деньги. В любом случае, они ничего не могут исправить.

— Я не знаю, кто еще предлагал тебе деньги но, если не из-за того, что мы жили здесь вместе, почему же еще ты отказываешься от этого места. Ты говорила об этой квартире целыми днями, когда нашла ее.

— Я собираюсь внести некоторые изменения в свою жизнь, только и всего.

— Я столкнулся с Ноэлль прошлой ночью. Она сказала, что ты встречаешься с каким-то парнем из группы.

— Он не какой-то парень. Он самый настоящий парень.

— И ты уже переезжаешь к нему? Тебе не кажется, что это немного поспешно?

— Говорит парень, который не может связать свою жизнь только с одной женщиной. Но это к делу не относится. Возможно, ты и причинил мне боль, но зато я усвоила очень важный жизненный урок. Время ничего не значит. Не важно, сколько времени Вы находитесь с кем-то в отношениях. Не важно, сколько Вы вложили в эти отношения или какие планы строили вместе. Единственное, что имеет значение — это Ваше счастье. Я покончила с введением ограничений и рамок в своей жизни. Я прекратила ждать у моря погоды, в то время как могу иметь все, что хочу сейчас.

— Ларк, только потому, что я совершил ошибку, не означает, что я тебя не люблю. Ты все еще моя девочка. Ты единственная, с кем я хочу быть.

Я поставила свою кружку на кухонную стойку и прошла в гостиную, где продолжила упаковывать в коробку свои романы, которые собирала столько, сколько себя помню. В каждой из них содержится история, в которую я влюбилась. Эти истории помогали мне сбегать от реальности, когда ее оказывалось слишком много, чтобы с ней справиться — когда казалось, что с помощью вымысла справляться с реальностью значительно легче.

Он следует за мной, наблюдая около минуты, прежде чем высказать недовольство: — Может быть, ты прекратишь заниматься книгами и посмотришь на меня?

Я не останавливаюсь. Прошло тринадцать недель с тех пор, как я отпустила Гранта, с тех пор, как я позволила ему иметь то, что не в состоянии была дать ему. Я собирала себя по кусочкам, пытаюсь понять, что же заставило его хотеть ее больше, чем меня. И пришла к выводу, что не важно, как она выглядит, где работает или какими способами доставляет удовольствие Гранту. Она является частью его вымысла — его побега от реальности. А я не хочу быть с человеком, нуждающимся в побеге, не живущем на страницах книг. Его побег слишком реален.

— Ларк, пожалуйста. Мне необходимо, чтобы ты выслушала меня.

— Грант, я слышу тебя громко и отчетливо. Я слушала тебя так долго, но на самом деле никогда не слышала, о чем ты говорил, пока не вошла однажды и не увидела тебя с другой. И только тогда я тебя услышала, то поняла, что у тебя всегда был кто-то другой. И всегда будет кто-то другой.

— О чем ты говоришь? Это не правда.

— Все те случаи, когда я звонила и ты был занят. Все те случаи, когда у тебя внезапно появлялись какие-то дела. Все эти вымышленные предлоги. И все потому, что ты хотел усидеть на двух стульях — иметь постоянные отношения, но в то же время чувствовать себя свободным. И ты получил то, что хотел. Твое желание сбылось. Ты свободен в своих действиях и можешь делать то, что захочешь, и ты больше никогда не причинишь мне боль.

— Ты действительно собираешься использовать один проступок против меня.

— Мы оба знаем, что это было больше, чем один проступок. Если тебя поймали только один раз, это не означает, что ты этого никогда не делал. Это твой стиль жизни. Потому что быть с одним человеком всю оставшуюся жизнь, ужасает тебя.

Он качает головой, подходя немного ближе ко мне: — Быть без тебя — вот, что ужасает меня, Ларк.

— Если бы тебя настолько беспокоила жизнь без меня, ты бы не совершил этого, когда у тебя была я. Я была твоей. Я была бы абсолютно предана тебе всю оставшуюся жизнь. Я тебе открыла двери своего дома, своего сердца, всей себя.

Он закрывает глаза и выдыхает. Когда снова открывает, то произносит: — Я борюсь за тебя, потому что люблю, Ларк. Ты мне нужна.

— Тебе не за что бороться. Ты уже давно потерял меня, когда решил, что меня недостаточно.

— Мне тебя достаточно. Мы были вместе с колледжа. Ты разве не помнишь, как у нас все было?

— Часть меня всегда будет помнить о тебе, но я больше не та девушка из колледжа. И уже не являюсь ею долгое время. Грант, я готова к своему «долго и счастливо», а ты не в состоянии мне этого дать.

Он наклоняется вперед, держа голову руками, как будто я пнула его в живот. — Та девушка, с кем ты меня видела, была единственной. Она работает секретаршей у нас в компании. Она мне даже не нравится.

— Но она хороша в постели, не так ли? А если счастлив твой член, то и ты счастлив, верно?

Он поднимает голову, открыв рот, как будто не может поверить в мои только что произнесенные слова. — Почему ты так себя ведешь?

— Как я себя веду?

— Как будто, наши отношения ничего не значили. Как будто, это для тебя так легко так от меня уйти.

— Легко? Думаешь, это было легко войти в квартиру и увидеть тебя, трахающим неизвестно кого? Ты вообще понимаешь, как мне было больно? Как ты смотрел на нее. Как она смотрела на тебя. Я даже сначала не узнала тебя той ночью, но это не имеет значения, потому что не важно, с кем ты был, ты разбил мне сердце независимо от этого. Я больше никогда не смогу тебе доверять, особенно своим сердцем.

Он встает и целенаправленно подходит ко мне. Я ощущаю, насколько близко он подошел, но не отваживаюсь посмотреть на него. Главным образом потому, что от одного взгляда в эти глаза, я перенесусь обратно в ночь Хэллоуина, когда он был для меня столь же важен, как мой следующий вдох. Когда я влюбилась в него в первый раз.

— Детка, пожалуйста, посмотри на меня. — Я качаю головой, но он не принимает «нет» в качестве ответа. Двумя пальцами он поднимает мой подбородок так, что у меня не остается иного выбора, кроме как посмотреть на него. — Я не могу изменить то, что совершил, но это не означает, что я стал любить тебя меньше. Ты моя девочка. Ты единственная, кого я всегда буду хотеть.

— Почему ты это сделал? — не знаю, почему я это спрашиваю. Возможно, он застал меня врасплох или может быть я просто мазохистка. Его ответ в любом случае не изменит моего отношения к нему, но может быть это могло бы мне помочь понять его поступок. А я так безумно хочу понять.

— Да не могу я ничего такого сказать про нее, что поможет. Это только еще больше причинит тебе боль.

— А ты попробуй, — шепчу я, чувствуя, как слезы начинают вытекать из уголков глаз. — Попробуй рассказать, почему ты это сделал. Секс со мной был настолько плох, что ты решил найти его в другом месте? Я бы попробовала и другие вещи с тобой, но ты ни разу не дал мне понять, что я даю тебе недостаточно. Я не знала, что тебе было скучно со мной, Грант. Я не знала. — Я ненавижу то, что пытаюсь взять часть вины на себя. Сдаваться перед ним заставляет меня чувствовать себя слабой, в то время как я уже готова к тому, чтобы двигаться дальше.

В глазах у Гранта стоят слезы, он протягивает руку и тянет меня к себе на колени, садясь в кресло около двери. Я позволяю ему прикоснуться к себе, потому что понимаю, что это конец. Как только мы закончим этот разговор, он исчезнет из моей жизни. Возможно, я больше никогда его не увижу и это заставляет меня чувствовать себя намного хуже, чем злость за то, что он сделал. Независимо от того, что мое сердце снова разбивается на миллион кусочков, все, что мне нужно сделать, чтобы прийти в себя и вспомнить, что мое решение было правильным, это поднять в памяти образ девушки с волосами цвета вороньего крыла. Независимо оттого, как сильно я пытаюсь, я никогда не смогу вычеркнуть ее из памяти. Вспоминая о Гранте, я всегда буду представлять ее. Увидев, я всегда буду вспоминать о том, чем они занимались.

Я отстраняюсь от него, но он притягивает меня к себе еще сильнее, не позволяя мне уйти: — Извини. Ты должна верить мне. Я никогда не хотел причинить тебе боль. Я был дураком. Думал, что мне все сойдет с рук, что независимо от того, что я сделал, я никогда не потеряю тебя. Ларк, я проиграл и нуждаюсь в тебе теперь больше, чем когда-либо.

Я сворачиваюсь калачиком, рыдая у него на груди. Мои слезы заливают темно-синюю ткань его рубашки. — Ты изменил меня. Я была застенчивой девушкой, которой не хватало уверенности в себе, а ты заставил меня чувствовать, будто мне море по колено. Грант, я не могу ненавидеть тебя. Я очень зла на тебя, но я перестала тебя ненавидеть.

— Ларк, мы можем начать все заново. Обещаю, мы сможем все вернуть.

Я обнимаю его за шею, наслаждаясь его древесным запахом в последний раз: — Ты прав, у меня может быть все. — Шепчу я ему напротив его шеи. — Это просто будет не с тобой. Я влюблена в Истона. Он единственный, с кем я хочу быть. — Как только я говорю ему правду, то понимаю, что наше время закончилось. Только вместо того, чтобы опустить руки и отойти, я держусь из последних сил, опасаясь, что как только отпущу их, это будет так, как будто его никогда не существовало в моей жизни.

— Не делай этого, Ларк.

Когда, наконец, я нахожу в себе мужество, чтобы подняться, я понимаю, что не готова к потере, уничтожающей меня. Часть меня все еще держится за воспоминания, в то время как другая уже готова распрощаться с Грантом. — Я этого не делала. Я не принимала этого решения для нас, Грант. Ты все разрушил и теперь я должна уйти. Меня ждет отличный парень. Пора.

Его руки остаются на мне до последней секунды. Когда он видит, что я встаю напротив двери, он медленно закрывает глаза, смахивая слезы. Мне ненавистно, что ему пришлось потерять меня, чтобы понять, что у него было все это время. Мне даже больше ненавистно, что это мне пришлось стать той, кто объяснил ему все так, чтобы он понял.

Я только дважды видела Гранта плачущим за то время, пока мы были вместе. Первый

раз был, когда он прищемил палец дверью машины, а второй — когда умерла его бабушка. Я смеялась над ним по поводу двери и позволила ему плакать у себя на плече во втором случае. Сегодня его слезы из-за меня, и я не могу ему ничем помочь. Теперь он сам по себе. Ему придется жизнь со своими ошибками.

— Извини, что облажался. Я люблю тебя, Ларк. Даже если ты не можешь быть со мной я никогда не перестану любить тебя.

Как только дверь закрывается, я закрываю замок и падаю на пол рядом со своей стопкой книг в мягкой обложке. Беру первую попавшуюся и бросаю через всю комнату. Она ударяется о дверь плиты, отскакивая от нее и скользя по полу, останавливаясь возле мусорной корзины. Как символично.

Глава 26

Истон

Через два дня мы уезжаем. У меня невероятная куча дел, но сначала нужно помочь Ларк с переездом. Я обещал, что не брошу её и сделаю всё возможное, чтобы её переезд прошёл как можно легче. Поверьте мне, я всё понимаю. Знаю, что ворвался в её жизнь, как торнадо и перевернул вверх дном её привычную жизнь.

Ларк — здравомыслящая, решительная и настолько полна страсти, что это заражает. Когда меня нет рядом с ней, я хочу оказаться рядом с ней быстрее. Когда я с ней, то не хочу уходить. И, конечно, когда мы вместе, я хочу быть полностью погружённым в неё.

Наконец, я добираюсь до её квартиры и вставляю ключ, который она мне дала, в замок. Я хотел оказаться здесь прежде, чем она проснётся, но, судя по шуму, раздающемуся по ту сторону двери, моя девочка уже встала. Похоже, сюрприз с пробуждением не удался.

Поворачивая ручку двери, я не ожидал, что девушка, которой у меня не получается насытиться, занимается тем, что кидает книги через всю комнату. Она просто избивает их, не пытаясь попасть ни в одну из коробок. Книги разбросаны по всей гостиной — некоторые, отскакивая от мебели, в конечном итоге оказались на пороге её спальни. Что, чёрт возьми, здесь происходит?

— Ларк? — она не слышит меня, поскольку полностью поглощена своим занятием, чем бы она там ни занималась. Она наклоняется вперёд, открывая моему взору свою крепкую, маленькую попку, а её брюки обтягивают все мною любимые изгибы. Всё, о чём я могу сейчас думать, это стянуть их вниз и показать, как сильно я скучал.

Но в ту же секунду, я вижу ее слёзы, и мои планы меняются. Моё настроение меняется. Мне нужно знать, почему они появились и что её так расстроило. Она подпрыгивает, когда я обнимаю её сзади, что мне совсем не нравится. Её грудь всё ещё вздымается, она вытаскивает наушник из своего уха:

— Ты напугал меня.

— Я этого не хотел. Чем ты занимаешься?

Она смотрит на разбросанные книги, словно это совершенно нормальное поведение:

— А на что это похоже? — злится она.

— На раскидывание вещей по всей квартире.

— Я упаковываю, ясно. Я упаковываю свою жизнь в эту пару коробок. И всё должно поместиться, потому что больше нет места. Просто всё должно поместиться, понимаешь?

— Что это значит? Всё было прекрасно, когда я вчера уходил. Что произошло?

— Это значит, что я не возьму с собой никакого дерьма — ничего из этого.

На мой взгляд, это отличный план, но все ещё не объясняет, почему она разбросала свои

книги по всему дому.

— Чем я могу тебе помочь? Выбрать одну и бросить через кухню?

— Нет, я не знаю. Я не могу сложить их в коробки, потому что мне нужно что-то бросить или разбить. Это то, чем я занимаюсь, — она указывает на полку над камином и на стол рядом, — если ты хочешь помочь, собери все снимки с полки и со стола. Их можно сложить в коробку, которая в углу.

Она снова обращает своё внимание на книги, поднимая их и на этот раз аккуратно складывая в коробку. Вместо того чтобы задать ей ещё вопросы, я начинаю заниматься тем, о чём она меня попросила. Я даже оборачиваю рамки бумагой, так, как это делают в Bed Bath & Beyond (прим. — сеть магазинов в Америке, специализирующаяся на продаже товаров для дома), чтобы стёкла от рамок случайно не разбились при переезде.

Но что я не ожидал обнаружить, так это клочок бумаги с именем Линкольна и его телефонным номером. После рассматривания листка в течение нескольких минут, я пытаюсь понять, почему она положила его на полку над камином. Если её намерением было сжечь этот листок, тогда я, безусловно, поддерживаю это. Любой другой вариант, кроме этого, ей придётся мне объяснить.

С моей стороны было бы разумнее подождать до тех пор, пока она не успокоится, но я не особо терпеливый человек. Мне нужны ответы, и существует только один правильный.

— Почему у тебя тут лежит номер Линкольна?

Она резко поворачивает голову в мою сторону, и ее взгляд опускается на клочок бумаги. Она прекрасно знает о его существовании, но не похоже, что помнит, что оставила его здесь.

— Он был здесь.

Это был не тот ответ, на который я рассчитывал — совсем не тот.

— Он снова приходил?

— Он был здесь сегодня утром, когда я проснулась.

— В твоём доме? Прямо здесь? — спрашиваю я, указывая на пол.

— Истон, пожалуйста, только не надо устраивать разборки. У меня было хреновое утро.

— Я и не собираюсь устраивать разборки. Я просто спрашиваю свою девушку, почему какой-то мудака был в её доме. Поскольку, если я правильно помню, а я думаю, это так, ты сказала мне вчера, что я не могу остаться с тобой, потому что тебе необходимо выспаться, прежде чем мы начнём сборы. Я оставил тебя, как ты этого и хотела, но если я выясню, что причина была в нём, то дело добром не кончится.

— Ты мне угрожаешь?

— Чёрт, нет. Я просто пытаюсь выяснить, почему он здесь был и почему у тебя его номер.

— На самом деле всё очень просто. Он свалился, как снег на голову. Я проснулась всего минут за десять до его прихода. Он положил мне какую-то хрень на журнальный столик, оставил свой номер и ушёл.

Естественно, я практически побежал к журнальному столику посмотреть, что он ей притащил. Она должна была предупредить меня о том, что находится внутри сумки. По хорошему, ей следовало сказать мне не смотреть на всё это, потому что, когда я достал верх от бикини, у меня перед глазами встала красная пелена. Всё стало ещё хуже, когда я заглянул внутрь конверта и увидел два билета.

— Что, чёрт возьми, это за дерьмо?

Ларк подошла ближе, вырывая купальник из моих рук:

— Ничего. С этим покончено. Я позаботилась об этом. Я вернула ему билеты, но он всё равно их оставил. — она засовывает маленькие кусочки ткани обратно в сумку и выбрасывает всё в мусорную корзину. От этого мне становится немного легче. Но по-прежнему не объясняет, почему она так разозлилась.

— Как долго он здесь был?

— Не очень долго. Истон, это на самом деле ничего не значит. Я не хотела его видеть.

— Тогда что с тобой происходит, если это ничего не значит?

Она швыряет ещё одну книгу через всю комнату прежде, чем повернуться ко мне с лицом, полным гнева:

— Я разозлилась не из-за Линкольна. На самом деле его визит был хреновой попыткой извиниться. И после всего выяснилось, что изначально именно ты был моей парой. Сюрприз! — произносит она с сарказмом.

— Хорошо, мы можем обсудить это позже, но как насчёт того, чтобы рассказать мне ту часть, где тебя что-то расстроило?

Она быстро произносит:

— Здесь был Грант после того, как ушёл Линкольн.

Весь воздух внезапно покинул мои лёгкие, что затуманило мысли.

— Я думаю, тебе следует мне всё рассказывать, — говорю я Ларк, поскольку она не прилагает никаких усилий, чтобы заполнить пробелы в этой истории. Я должен знать. По крайней мере, если она хочет, чтобы я вёл себя как разумный человек.

— Истон, я не могу обсуждать это прямо сейчас. Пожалуйста, моя голова сейчас взорвётся.

Я подхожу к ней ближе, у неё не остаётся иного выбора, кроме как посмотреть на меня. Сжимая её челюсть в своих руках, я притягиваю её ближе, пока мои губы не находят её лоб.

— Ты приняла его обратно?

Со всей силы она отталкивается от моей груди:

— Ты серьёзно спрашиваешь меня об этом?

— Да.

Дверь в её спальню захлопывается прежде, чем я успеваю произнести хоть одно слово. Что, чёрт возьми, только что произошло? У меня есть два варианта. Первый — я иду за ней с риском получить телесные повреждения. Второй — я уйду и делаю вид, что ничего не произошло, а потом возвращаюсь через некоторое время после того, как она остынет. Конечно, я из тех парней, которым нравятся небольшие приключения, поэтому я иду за ней. Ни за что не смогу уйти из квартиры, не поняв своё положение в её жизни — наше положение.

Нас может разделять дверь, но этот кусок дерева не сможет удержать её от меня. Я медленно её толкаю, чтобы открыть, и Слава Богу, Ларк её не закрыла на замок. Она лежит посередине кровати, закутанная в такое количество одеял, что я едва мог бы сказать, что она вообще там есть.

Я снимаю ботинки и заползаю под одеяла, надеясь на то, что она позволит к себе приблизиться и обнять. Ожидаю сопротивление с её стороны, но как только касаюсь ее, она переворачивается и цепляется за меня словно за спасательный круг. Я не имею ни малейшего понятия, что с ней произошло утром, но именно поэтому она едет со мной в тур. Мне не нужен звонок за тысячи километров, когда я не могу ничего сделать, чтобы ей помочь. Я хочу быть рядом с ней, защищать каждый Божий день.

— Что произошло?

— Я не могу рассказать, тебя это разозлит.

— Детка, единственное, что меня может разозлить, это если ты целовалась с ним или трахалась. На самом деле, я не думаю, что произошла одна из этих вещей, но мне всё ещё нужно понять, почему он здесь появился.

Она отрывает своё заплаканное лицо от моей груди, в глазах по-прежнему блестят слёзы, готовые вырваться из-под ресниц.

— Я не изменяла. Я с трудом пережила предательство. Я бы никогда так не поступила с тобой.

— Ларк, тогда расскажи мне. Ничто из того, что ты можешь сказать, не сможет заставить изменить моё мнение о тебе.

Она начала с Линкольна и рассказывала сцену за сценой о его визите. Оказывается, у Короля мудаков ещё осталась совесть. Что, конечно, не давало ему право на то, чтобы прийти к ней, но я понимаю, почему он это сделал. И не важно, соревновались мы с ним или нет. Эта девушка моя, и не важно, написано это на клочке бумаги или нет. Это разговор с Грантом... я беспокоюсь. Судя по языку тела она сильно взволнована. Я спросил её осторожно:

— Что случилось с Грантом?

— Я чувствую себя виноватой, — она шмыгает носом, и моё сердце начинает биться в два раза быстрее, так как я жду её продолжения. — Я сидела у него на коленях и плакала у него на плече. А потом мы попросились.

Я могу смириться с тем, что он касался её. Я даже могу смириться с её прикосновениями к нему. Но с чем я действительно не мог справиться, так это с тоном её голоса, когда она рассказывала о его уходе. Ей больно говорить об этом, как будто она не хотела этого. Трудно иметь симпатию к ней, когда Грант сажает на свой член ещё одну девушку.

— Он трус.

Она качает головой, не соглашаясь со мной. Что меня тоже бесит. Она должна перестать пекаться о людях, которые делают ей больно. Она достойна гораздо большего, чем это.

— Грант неплохой человек. Я не любила бы его, если бы он был таким.

— Почему ты оправдываешь его?

— Я не оправдываю то, что он сделал. Я никогда не буду аплодировать ему стоя за это. Но он сделал одну плохую вещь в своей жизни, и я разорвала его на куски из-за этого. Я ушла от него, потому что это больно, слишком больно, чтобы справиться. Может быть, это делает меня трусихой.

— Не жалеешь, что бросила его?

— Я жалею, что не сделала этого раньше. Я видела знаки, но решила проигнорировать их, потому что я не хотела верить, что у меня был такой парень. Одиночество пугало меня гораздо больше, чем способность постоять за себя. Вместо этого, я продала себя, мирясь с его дерьмом, потому что не хотела и не могла представить себе жизнь без него.

— Ты не можешь взять на себя вину за его действия. Ты не виновата в том, что он изменил. Он изменил, потому что он эгоистичный мудака.

— Я и не виню себя, но каждые отношения — это улица с двусторонним движением. Нас поглотило общение. Вот что меня пугало в отношениях иногда. Я собиралась пребывать

в среде, в которой никогда не была раньше. И я не знала, утону я в ней или поплыву, я боялась, что слишком напугана, чтобы рассказать тебе, как я чувствую себя во всей этой ситуации, потому что я в мире, который ты так любишь.

— Испытывать страх нормально. Я не всё люблю, что связано с дорогой. Там много дерьма, честно говоря, без которого я мог бы обойтись. И однажды, когда мы закончим наш тур, часть моей жизни канет в бездну. Это не будет всегда в нашей жизни, Ларк. Если ты действительно ненавидишь это, то всё изменится. Не думай, что не имеешь право голоса по поводу всего, что мы делаем.

— Нечестно, я так боюсь, а ты нет. Я уже в невыгодном положении, а мы ещё даже не сели в автобус.

— Кто сказал, что я не боюсь? Боюсь, что ты обидишься на меня за то, что я хочу, чтобы ты была со мной. Я вытащил тебя оттуда, где тебе нравилось, чтобы взять тебя в мир, который ты, возможно, ненавидишь. Я одновременно и самый умный человек на свете, и самый тупой мудака.

Она захихикала и это была музыка для моих ушей.

— Ты вовсе не глупый, Истон. Потому что, если бы ты оставил меня одну на сорок восемь часов, я бы расстроилась. Я бы, наверное, почувствовала, что теряю тебя, а ведь я не хочу этого.

Я притянул её к себе, наши ноги запутываются в одеяле. Её тело всё ещё напряжено, но она расслабляется в ответ на моё прикосновение. Мне нравится, что я могу утешить её, когда она разрывается на части изнутри. Она вздрагивает, когда мои руки прокрадываются к её плечам, чтобы помассировать их, она шарахается от меня, хотя, обычно любит, когда я делаю ей массаж.

— Тебе больно?

— Немного.

Я сую руки под её рубашку, чтобы понять, почему она так чувствительна, затем нащупываю полиэтилен.

— Что ты сделала?

— Ничего. — она выпрямилась, теперь её ноги придавили мою талию. Её холодные руки скользят под моей футболкой, мгновенно охлаждая меня на несколько градусов.

Мысль о цвете её прекрасной кожи очень сексуальна, так же как секс. Это заставило меня задуматься, почему же для неё было так важно иметь это на своём теле до конца жизни.

— Покажи мне, — тогда она набирается смелости и стягивает с себя рубашку над головой. Уложив свои волосы на другое плечо, слезает с меня и оборачивается. — Я могу снять повязку?

Она кивает, и я осторожно, чтобы не повредить кожу, снимаю её. Когда-то у меня было чёткое представление о тату, сейчас же я понимаю, насколько оно отличается от реальности. Но это не имело никакого смысла, учитывая, что я был с ней, хотя и опоздал прошлой ночью.

— Когда ты её сделала?

— Я не могла заснуть, поэтому позвонила Ноэль после того, как ты оставил меня прошлой ночью. Она сделала.

Я был разочарован, что не был с ней и не увидел ту секунду, когда иголка впервые проникала в её кожу. Там были новые цвета. Прилив адреналина от звука жужжания иглы,

даже когда ты не один в кресле. Выступить на сцене — единственное, что приводит к эйфории.

— Выглядит плохо? — спрашивает она нервно. — Это нормально, если тебе не нравится.

Я не ненавижу её вообще. Мне на самом деле нравится.

«Судьба объединяет нас, окружая ангельскими крыльями», написано в нежном шрифте. Это дань уважения к нашим отношениям как к группе и Шей. И я не знаю, что сказать ей на это. Я сдулся.

— Зачем ты это сделала?

— Потому что неважно, получится у нас что-то или нет, это то, что я чувствую. Ты пришёл в мою жизнь случайно. Случилось ли для того, чтобы спасти меня от себя самой или чтобы снова сделать меня счастливой, или чтобы показать мне, что с меня хватит, мне нужен был ты — и ты пришёл. Может быть, мне следовало сначала спросить тебя, учитывая, что я украла часть твоего дизайна, но, если бы ты не потерял Шей, ты не попал бы на корабль. И если бы ты не попал тогда на корабль, я бы никогда не встретила тебя. Мне жаль, что ты потерял её, но я так благодарна, что ты нашёл меня.

Если бы она повернулась прямо сейчас, то увидела бы, как сильно мне нравится её тату. Чёрт, она бы увидела, как сильно я её люблю. Судьба столкнула нас специально и задолго до того, как мы осознали, что вообще происходит.

Она поворачивается ко мне лицом, её глаза умоляли сказать что-нибудь.

— Она идеальна. Ты идеальна, Ларк. Более чем. — она прижимается лицом к моей груди, её волосы щекочут моё лицо. Я никогда уже не буду прежним. Она создана для меня.

Возможно, лодка, подкачала нас, но судьба выровняла. Мы оба должны были потерять всё, прежде чем обрести друг друга навсегда. В итоге наши самые большие потери стали нашим величайшим выигрышем.

Эпилог

Год спустя...

— Пообещай мне, что наденешь это платье снова, — выдаёт Истон в перерывах между толчками.

Чувствуя, что засыпаю, я крепче сжимаю его руку. — Боюсь, ты разорвал его. — Он останавливается, затем до нас доносится смех, и мы понимаем, что идея сесть именно в конце автобуса была не очень удачной. По крайней мере, это было не так приватно. Мы были в дороге. Конфиденциальность на вес золота, а там её практически не было. Когда мы наедине, это обычно напоминает переплетение рук и ног, всё время задействованных, пока мы, наконец, не снимаем полностью одежду, но через пять минут нас опять прерывают.

— Как спина?

— Всё хорошо. Почему ты остановился? Поспеш.

Он касается лбом моего лба, его дыхание доносится медленным, неглубоким дуновением над моим ухом. — Господи, что я делаю? Ты заслуживаешь большего, чем быть трахнутой в грязном автобусе в два часа ночи.

Я обхватываю ногами его талию, привлекая свои бёдра, как можно ближе к его, таким образом, позволяя ему войти внутрь меня еще глубже. Моя рука обвивает его шею, я шепчу:

— Может быть, всё, чего я так хочу, это перепихнуться. Прямо здесь, прямо сейчас.

— Я надеялся, что ты скажешь это. Потому что просто не могу уйти. Ты чертовски горячая, здесь и со мной.

— Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь уходил, Истон. Не уходи. Ладно? Мы были на гастролях в течение действительно долгого времени. Я почти не помню, каково это, быть с тобой где-нибудь ещё. Так что, не останавливайся. Я в порядке.

Он смотрит в мои глаза, в поисках признаков того, что я ему вру. Он был параноиком с тех пор как мы уехали, и теперь всегда беспокоится о том, чтобы сделать меня счастливой или убедиться, что всё идеально, так что я не обижаюсь на него. — Пообещай мне, если это всё будет слишком для тебя, ты скажешь мне.

— Всё хорошо, Истон. Мы уже через многое прошли, поэтому, что для меня ещё пара ночей? Плюс, пока Трэвис в игре, кто будет иметь меня в середине ночи под луной?

— Ты хочешь трахнуть своего нового менеджера?

— Он действительно хорош. И он тоже из государственного университета Пенсильвании.

Трэвис не намного старше меня и с тех пор, как Тео забил на группу, Истон знал, что настало время перемен. Я была с ним в течение всего процесса поисков нового менеджера. Он хотел знать моё мнение, поскольку работая тут, я нахожусь ближе к нему. Если бы всё зависело от меня, я бы выбрала девушку своего возраста просто для того, чтобы немного повысить эстроген в автобусе, но наилучшей кандидатурой был Трэвис. Истон тоже видел это.

Поэтому я удивилась, когда он сказал:

— Я увольняю его утром.

— Ты не можешь! Я просто прикалываюсь, чтобы ты, наконец, перестал болтать и сделал так, чтобы я уже кончила.

— Ларк, — предупреждает он. — Я люблю этот поганый ротик, детка, но ты отталкиваешь меня.

— Заткнись и трахни меня, Истон, — Та самая поддержка, в которой он так нуждался следующие несколько минут, которые были самыми восхитительными из всех. Конечно, я против этого грязного автобуса и за номер в отеле, но моя связь с Истоном значительно возросла с начала тура. У нас было несколько шероховатостей, но мы работали над ними. Он будет ревновать по глупости. Я буду разочарована, потому что мы продолжали бороться. Некоторое время я задавалась вопросом, а совместимы ли мы. Но в моменты, как этот, когда он внутри меня и доводит моё тело до предела, я вспоминаю, за что полюбила в первую очередь, за его сердце.

После того, как он даёт мне один из лучших оргазмов в моей жизни, он опускает мои ноги обратно на пол. Я спотыкаюсь, и он ловит меня. Мои каблуки сгибаются под тяжестью измученного тела. — Так твоё платье порвано?

Я оглянулась и проверила чёрный кружевной разрез, но, кажется, он был в порядке. — Нет, всё нормально.

Он целует меня в макушку, и я обнимаю его за талию. Я могла бы заснуть стоя, настолько я устала. — Иди в автобус. Ложись в постель. Я буду чуть позже.

— Почему ты не можешь пойти со мной?

Он застёгивает ремень на поясе, даже не посмотрев мне в глаза. — У меня дела, нужно разобраться с Трэвисом. Это не должно занять больше часа.

— Это не может подождать до утра? — Уже третью ночь подряд он не приходит ко мне в постель. Где он, я понятия не имею. Он говорит, что это потому, что Трэвис новый в этом деле и много деталей, которые нужно обсудить. Это правда, но ночь за ночью всё

повторяется, и это заставляет меня нервничать.

Он опять меня обнимает, сжимает ещё крепче. — Это не может подождать, но я обещаю, что это ненадолго. Тебе не придётся ждать.

От этого легче не становится. Всё, что я могу сделать, это смотреть, как он уходит от меня, и задуматься, стала ли я похожа больше на игрушку, чем на партнёра. Группа находится на пике, они одержали успех. Сегодня был последний концерт, и ребята, наконец, смогут в течение некоторого времени отдохнуть и расслабиться. И он будет весь мой эти несколько дней. Надеюсь.

Я смотрю, как он уходит, и уже могу различить его тёмную тень под фонарями стоянки. Стоя в ванной, я переодеваюсь в одну из футболок Истона, и падаю на кровать. Я мысленно возвращаюсь обратно к встрече и приветствиям после шоу. Интересно, был ли там кто-нибудь, кто удостоился большего внимания, и смог ли кто-то поймать на себе его взгляд. Как я ни старалась, я вернулась к воспоминаниям о Гранте, размышляя, что не дала ему то, что ему было нужно. Но не хватит ли с меня?

Я прождала час с тех пор как он сказал мне, что скоро придёт, но он не пришёл. Я подождала ещё час, и всё равно ничего. Когда часы, наконец, показали четыре тридцать, я взяла свою подушку и одеяло и пошла к койке, которую мне дали в начале тура. Я спала в ней несколько раз, когда Истон был болен и не хотел, чтобы я заразилась от него, или когда делали ремонт в ванной (мы спали здесь вдвоём).

Голова Дома выглядывает из-за занавеса и слышит, как я встаю, шурша одеялами. — Что происходит?

— Ничего, спи.

Как только я разместилась, занавес открывается и рядом со мной садится Джина. Тут так тесно, а с ней ещё хуже. — Позволь мне услышать это, Ларк.

— Я не хочу говорить сегодня вечером. Я просто хочу спать.

Джина заправляет локон моих волос за ухо и, прижимаясь ко мне, ложиться на подушку. Она накрывает нас обоих одеялом и берёт мою руку.

— Всё будет хорошо, Ларк.

— Он ведёт себя так странно. Я боюсь, Джина. Он чувствует себя лучше, когда я говорю что-нибудь, потому что большую часть времени я нема. Сердцем чувствую, он будет обманывать меня, но я проигнорировала красные флажки в последний раз, когда они смотрели мне в глаза, потому что не хотела, чтобы это оказалось правдой.

— Он ведь с тобой, Ларк. Он любит тебя. Что бы он ни делал, это для группы. — Она запускает пальцы в мои волосы, словно мать, утешающая ребёнка, пока моим глазам не становится настолько тяжело, что я больше не могу держать их открытыми ни на секунду.

В следующий раз, когда я открываю их, уже было утро. Несмотря на то, что я проспала до полудня, я всё ещё чувствую себя уставшей. Моя голова трещит, спина болит, и я до сих пор ни на шаг не приблизилась к разгадке тайны Истона. Переползая через Джину, я выбираюсь из-под одеял и решаю проверить спальню. Она пуста, как я заправила одеяло на своей стороне, так оно и лежит.

Я словно почувствовала удар кинжалом в сердце. Закрываю дверь и пытаюсь совладать с эмоциями как можно быстрее, пытаюсь измениться в лице. Мои кеды едва держат меня на ногах, шнурки уже скоро развяжутся, потому что я так плохо их завязала. Стремительно я проношусь мимо Лэйн и почти лицом упираюсь в грудь Дом.

— Где огонёк, женщина? — спрашивает Дом, хватая пульт со стола, чтобы переключить

канал. Звук тихий, на экране субтитры, чтобы понять, что они говорят.

— Мне нужно позвонить, — он кивает головой, но я не думаю, что он верит мне больше, чем я верю в себя. Я выхожу из автобуса и иду по главной улице, которую мы проезжали.

Мой желудок урчит и мне немного больно. Затем я нахожу кафе в паре кварталов отсюда. Внутри все столы заняты, но я становлюсь в очередь, надеясь, что один из них освободится к тому времени, как будет готов мой завтрак. Один только запах кофе заставляет меня чувствовать себя человечнее, и как только у меня в руках оказывается мой ванильный латте, дышать становится намного легче. До тех пор, пока я не замечаю Истона, сидящего в дальнем углу кафе за столиком с другой девушкой.

Даже не извинившись за беспорядок, я выбегаю из кафе настолько быстро, насколько мои ноги могли бы унести меня, мои лёгкие горят, я в хорошей форме. Бегу и не останавливаюсь до тех пор, пока не оказываюсь в автобусе. Дом снова стоит на моём пути, но я отталкиваю его и проскальзываю мимо, в проход спальни. — Что, чёрт возьми, с тобой происходит сегодня?

Я залезаю под кровать, вытаскивая первый попавшийся под руку чемодан, и не важно, мой он или нет. Я выбрасываю наружу одежду, не удосужившись сложить ни одну из них. Это не имеет значения, поскольку я возвращаюсь домой. Но где мой дом?

Я опускаюсь на пол, держа голову своими руками, пытаюсь дышать. Мне даже некуда пойти. Я отдала всё, что имела, а тот факт, что я вышла в эту судьбоносную ночь прогуляться, означает ещё и то, что я бросаю свою работу. Истон предаёт меня на каждом шагу, и только сейчас я понимаю, что это беспокоит меня, и что меня просто нет.

Дом, наверное, позвал Истона, чтобы выяснить, что со мной случилось, потому что через пять минут он примчался в спальню, его глаза горят словно огонь. Он замечает чемодан. — Куда ты собираешься?

— Этот дом... Мне надоело. Я ухожу, — он становится на ковёр рядом со мной, затем садится и тянется к моей руке — так же, как и в кофейне с другой девушкой. — Я видела тебя с ней.

— Что?

— В кофейне. Я видела тебя.

Его глаза расширяются по мере того, как я жду какое-то ерундовое оправдание, звучащее из его уст, которые я так много раз уже слышала в прошлом. — Это была моя двоюродная сестра, Адриана.

Его ответ прозвучал так честно, и я думаю, что почти поверила ему. — Двоюродная сестра? Но вчера ты не пришёл сюда ночевать.

— Я был с Трэвисом, а затем, прежде чем я успел опомниться, было уже утро. К тому же мы договорились потом встретиться с Адрианой, поэтому я и не возвращался.

— Почему я должна верить тебе, Истон? Откуда я знаю, что ты не полное дерьмо?

— Малыш, пожалуйста, посмотри на меня. Я ненавижу, когда ты плачешь.

Я даже не заметила как плачу, пока он не начал вытирать мои слёзы, как он делал это много раз прежде. Когда я смотрю ему в глаза, то мысленно переносюсь обратно на корабль, когда один его взгляд перевернул мой мир и всё внутри. Вот чего мне не хватало. Мне не хватало его. Уйти домой не выход, я чувствую, ведь его не будет со мной. — Я скучаю по нам, — задыхаюсь я от рыданий. — Я скучаю по нашей частной жизни и по нам обоим.

Он протягивает руку и убирает мои волосы с лица, затем касается моей нижней губы

большим пальцем. — Это был хаос, я знаю. Но так будет не всегда.

— Становится хуже, а не лучше. Ты набираешь всё большую популярность с каждым шоу. Твои песни снова в таблоидах, как ты и хотел. И всё только начинается. Я горжусь тобой, Истон, но я не уверена, по-прежнему ли я тебе соответствую, как и раньше. Я люблю то, что я делаю, но мне нужно больше, чем работа на тебя и счастье иногда оказаться в твоей постели.

— В нашей постели, — подчёркивает он. — Я не хочу тебя, Ларк. Я нуждаюсь в тебе. Есть разница.

— Ты мне тоже нужен. Очень.

— Я собирался подождать до вечера, но думаю, сейчас подходящий момент. — Он лезет в задний карман и достаёт конверт. Протягивает его мне и говорит:

— Открывай.

Я осторожно делаю, как он просит, и я так рада. Внутри два билета на самолёт во Флориду. — Флорида?

— Я возьму тебя с собой на некоторое время, но для начала тебе надо поработать над этим.

Он протягивает мне ещё один конверт, он немного толще, чем первый. Когда я открываю его, я не могу ничего сделать, кроме как улыбнуться. — Идеальный Контрольный матч?

— Да, я думаю, мы должны отправиться в плавание на некоторое время. Очистить наши головы и провести некоторое время вместе — одни. Только ты и я.

— Правда?

— Да, Ларк. Я хочу побыть только с тобой, целую неделю. Не отвлекаться, не прерываться, не работать. Всё остальное оставим позади.

— Когда ты устроил всё это?

— Я был занят. И пытался придумать способ, чтобы удивить тебя. На самом деле, моя двоюродная сестра является тур агентом. Она была со мной в течение нескольких часов сегодня, показывала мне всякие удивительные места, куда я бы мог тебя взять. Все они были замечательными, но, как ты сама сказала, я хотел тебя вернуть. Итак, я решил взять тебя туда, где всё началось — на наш корабль.

— Я думала, что ты мне изменяешь, а ты планировал что-то, что свело бы меня с ума и сделало глупо счастливой.

Он тянет меня на колени, как ребёнка, я сажусь. — Я люблю тебя, детка. Мне жаль, что я был не с тобой, но у тебя есть я. Я обещаю, всё изменится. — Он целует мои губы, удлиняя поцелуй своим языком. Когда он отстраняется, его лицо становится серьёзным. — Не смотри на меня так, — предупреждает он.

— Как «так»?

— Твоя улыбка, сексуальная и сладкая — смертельная комбинация, которая обычно заканчивается спущенными штанами и тобой подо мной.

— Если бы у меня не было так много дел, нет другого места, где я предпочла бы оказаться.

— Возьми перерыв, — шепчет он. Его глаза падают на верхнюю часть моей рубашки, что в опасной близости от небольшого декольте. Я пытаюсь поправить его, но он шипит и касается пальцами ткани. — Оставь.

— Истон, я не могу взять перерыв. Я ещё даже не начинала работать. Нам ещё очень

много нужно сделать, тем более, что мы уезжаем, — я смотрю на билеты и понимаю, что они на сегодня. — О чём ты думал, взяв билеты на сегодня? Мне нужно время, чтобы собраться. Моё дерьмо повсюду.

Истон берёт мои руки, наши пальцы переплетаются. — Я думал о том, как ты прекрасно выглядишь, когда мы обнимаемся. Как мы прекрасно дополняем друг друга независимо от того, где находимся.

— Как прошлой ночью в задней части автобуса? Знаешь, мне до сих пор больно. Я не знаю, почему мы посчитали, что это хорошая идея.

— Я знаю, — говорит он и ведёт пальцем от моей шеи до центра груди, стянув рубашку вниз, снимает мой лифчик. — Это потому, что мы должны, Ларк. Потому что если бы я не прикасался к тебе там тогда, было бы физически больно. Я никогда не буду извиняться за то, что ты заставляешь меня чувствовать или терять контроль. Ты моя единственная страсть, детка, но поверь мне, когда я говорю, что буду жёстко трахать тебя на судне, лодка разобьётся.

Его слова западают мне в голову. Я пытаюсь расставить всё по полочкам у себя в мозге и найти для каждой мысли свой отсек, но не могу. В нас нет ничего типичного, и я бы солгала, если бы сказала, что это не заставляет меня жаждать Истона ещё больше. Мне нравится, что мы необычные. Что мы не на каком-то предсказуемом пути, который приведёт к предсказуемой проблеме. Мне просто нужно узнать, как справляться с ухабами на этой тропе.

Забавно всё получилось. Я ждала годы, чтобы начать жить с Грантом, и мне всегда было интересно, каково было бы, засыпать рядом с ним, просыпаться с ним по утрам. Когда дошло до дела, я очень мало знала о нас как о паре. И я знала ещё меньше о нём, как о человеке. У меня было всё не так, как хотелось бы.

Но, чёрт возьми, если бы этого не случилось, я бы никогда не согласилась на эту дикую поездку с Истоном. Мы всё ещё пытаемся понять друг друга вместо того, чтобы кувыркаться в этом автобусе, но жизнь не проста. Почему жизнь в дороге должна быть легче? Она может поменять моё мировоззрение, но это точно единственное место, где я должна быть.

— Я думаю, нам нужно собрать чемоданы.

Истон улыбается, целуя мои губы, и кладёт меня в центр кровати.

— Но сначала у меня есть несколько вещей, о которых я хотел бы позаботиться, — Он протягивает руку, небольшим усилием захлопывает дверь. — Позволь мне любить тебя, малыш.

Я отталкиваю его назад рукой. — Подожди минуту, что сподвигло тебя спланировать эту поездку?

Он ухмыляется, ставя свою сумку на пол.

— Я не могу просто так сделать сюрприз?

— Неа. Никогда не мог.

— Разденься и закрой глаза.

— Что?

— Просто сделай это. Перестать задавать вопросы. Это мой сюрприз.

Я сажусь на кровать и снимаю с себя всю одежду. Он пристально смотрит, тонкий блеск пота вспыхивает у него на лбу. Как только я выгляжу так, как он хочет, ложусь на спину, на кровать и закрываю глаза. Я чувствую его передо мной, но жду сигнала, чтобы открыть глаза. Когда ничего не происходит, я спрашиваю его:

— Сейчас?

— Сейчас, Ларк. Посмотри на меня, малыш.

Я ожидала, что он тоже будет голым, но он был именно в таком виде, в котором я оставила его. Только на этот раз, он стоит на одном колене передо мной, держа небольшую голубую коробочку в руке. — Что ты делаешь?

— Я прошу тебя стать моей женой, Ларк. Я планировал сделать это на судне на глазах у всех, но моя девушка требовательна. Хотя это нормально, потому что я хочу, чтобы весь мир знал, ты моя на всю оставшуюся жизнь. Я не хочу ждать, чтобы просить тебя выйти за меня замуж, потому что как только мы попадём на корабль, я уже хочу там быть со своей женой.

— Подожди, что? — я слышала, что он что-то говорил, и до меня доносились звуки, он просит меня выйти за него замуж, и говорит мне, что я выхожу за него замуж. — Почему я должна быть голая в такой момент?

Он смеётся, двигаясь ближе ко мне. — Потому что я люблю, когда ты голая. Я бы женился на тебе голой, если бы мог, но я ревнивый и не хочу, чтобы кто-то видел твоё прекрасное тело. Так что, ты собираешься сделать меня самым счастливым засранцем на планете или нет? Я хочу, чтобы ты стала моей женой, если ты ещё не поняла.

На этот раз смеюсь я.

— Это самое дерьмовое предложение, которое я когда-либо слышала. Но это идеальный вариант. Голая, вся, я выйду за тебя замуж. Я очень сильно люблю тебя, Истон.

Никогда в жизни не представляла себе, что обрету мужа в круизе. Конечно, это предвещал мой идеальный круиз, но не было никакой гарантии на то, что мы влюбимся друг в друга. Часть меня боролась с мыслью о том, чтобы опять любить, особенно если учитывать, что моё сердце всё ещё заживало. Но если я чему-то и научилась в этой истории любви, так это тому, что любовь найдёт вас тогда, когда вы меньше всего этого ожидаете. Она будет бить вас по заднице и не проявит милосердия. Самое главное, она разобьёт всё ваше прошлое. Без тени сомнения. Моё разбито.

Больше книг на сайте - Knigolub.net